

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2025 Том 27 № 1

Власть и вода: от геополитики к гидрополитике

Приглашенный редактор А.В. Михалев

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашиар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНПИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 26.03.2025. Выход в свет 31.03.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14,35. Тираж 500 экз. Заказ № 72. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2025 VOLUME 27 NO. 1

Power and Water: From Geopolitics to Hydropolitics

Guest editor *A.V. Mikhalev*

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English.

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary Editor *Irina L. Pankratova*
English Text Editor *Daria B. Kazarinova*
Computer Design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board

RUDN Journal of Political Science:
10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГИДРОПОЛИТИКА: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

- Михалев А.В.** От геополитики к гидрополитике: в поисках границ дисциплины 7
- Демчук А.Л.** Управление экологическими конфликтами водопользования: международный опыт 18
- Николаев Н.П.** Доктрины водной справедливости в перспективе многополярности 27
- Михалева А.А.** Крепкая пристань суверенитета, или Как строится мировой водный порядок..... 39

ГИДРОПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Рахимов К.К., Джоробекова А.Э.** Гидродоверие в Центральной Азии 55
- Жильцов С.С.** Политические аспекты водного курса стран Центральной Азии..... 66
- Власов Е.Е., Дмитриева М.О.** Водно-энергетические проекты США и Евросоюза в Центральной Азии..... 80
- Цыряпкина Ю.Н.** Реализация афганского проекта Куш-Тепа в контексте водной проблематики Центральной Азии 91

ГИДРОПОЛИТИКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

- Казаринова Д.Б.** Альтернатива для государственности Тувалу: отправиться на дно или в метавселенную? 102
- Алексян Л.М.** Особенности политики Армении и Азербайджана в отношении водных ресурсов: сравнительный анализ 116
- Высоцкий П.А.** Геополитические последствия для Черноморского региона строительства Турцией судоходного канала «Стамбул» 129
- Дудин П.Н.** Вода и власть в Маньчжурии в конце XIX — первой трети XX в.: геополитическое соперничество и борьба нарративов в русскоязычных и англоязычных научных трудах 142
- Жданович О.В.** Стратегическое значение рек Беларуси в региональной гидрополитике: от Днепра до Немана..... 156

CONTENTS

HYDROPOLITICS: THE GLOBAL CONTEXT

Mikhalev A.V. From Geopolitics to Hydropolitics: In Search of the Discipline Boundaries	7
Demchuk A.L. Managing Environmental Water Use Conflicts: International Experience	18
Nikolaev N.P. The Doctrines of Water Justice in the Perspective of Multipolarity	27
Mikhaleva A.A. Solid Pier of Sovereignty, or How the World Water Order is to be Created	39

HYDROPOLITICS IN CENTRAL ASIA

Rakhimov K.K., Dzhorobekova A.E. Hydro Trust in Central Asia.....	55
Zhiltsov S.S. Water Politics in Central Asian Countries: Political Aspects	66
Vlasov E.E., Dmitrieva M.O. U.S. and EU Water and Energy Projects in Central Asia	80
Tsiryapkina Yu.N. The Realization of Afghan Project Qosh-Tepa in the Context of Water Issues of Central Asia	91

HYDROPOLITICS: THE REGIONAL CONTEXT

Kazarinova D.B. Alternative for Tuvalu's Statehood: Sunk to the Bottom or Move to the Metaverse?	102
Aleksanyan L.M. Features of the Water Policy of Armenia and Azerbaijan: A Comparative Analysis	116
Vysotsky P.A. Construction of the Istanbul Canal by Turkey: Geopolitical Consequences for the Black Sea Region	129
Dudin P.N. Water and Power in Manchuria in the Late 19th – First Third of the 20th Centuries: Geopolitical Rivalry and the Struggle of Narratives in Russian-Language and English-Language Scholarly Works.....	142
Zhdanovich O.V. Strategic Importance of Belarussian Rivers in the Regional Hydropolitics: From the Dnieper to the Neman	156

ГИДРОПОЛИТИКА: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ HYDROPOLITICS: THE GLOBAL CONTEXT

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-7-17
EDN: DHHGNI

Научная статья / Research article

От геополитики к гидрополитике: в поисках границ дисциплины

А.В. Михалев

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Российская
Федерация

✉ mihalew80@mail.ru

Аннотация. Гидрополитика — это термин, широко распространившийся в XXI в. Его определения множественны и зачастую неоднозначны. Многообразие и противоречивость являются причиной повышенного внимания со стороны исследователей, поскольку формирует запрос на определенность. Цель исследования — проанализировать дефиниции и дисциплинарные претензии гидрополитики. В методологическом плане автор опирается на идеи формальной геополитики, которая позволяет рассмотреть проблемы водных ресурсов и власти в контексте возрастающего дефицита природных ресурсов. Наделение воды политическими смыслами и использование ее как символа — практика достаточно древняя. Однако мы рассматриваем это явление лишь в хронологических рамках современности, для которой характерна связь климатических изменений и политизации воды как ресурса. Это позволяет говорить о глобальном кризисе, вызванном приближающейся нехваткой пресной воды — особенностью политического дискурса в XXI в. является придание особой ценности не просто пресной, но и чистой воде. Все перечисленное влияет на межгосударственные отношения и создает новый формат дипломатии — гидрополитические отношения. Это взаимодействия государств, в основе которых вопрос о распределении пресной воды или об обеспечении доступа к ней. Большое значение в этой сфере имеют технологические и инженерные решения, позволяющие обеспечить поступления воды. Этот фактор отличает гидрополитику от геополитики и других отраслей политического знания. Гидрополитика — это наука о власти, воде и о значении гидротехнических сооружений как инструментов власти над водой в жизни различных сообществ. Все это позволяет говорить о гидрополитике как об особой дисциплине, близкой к геополитике и опирающейся на неореалистскую доктрину.

© Михалев А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: гидрополитика, ресурсный национализм, гегемония, вода, власть, политическое, климатические изменения, формальная геополитика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мухалев А.В. От геополитики к гидрополитике: в поисках границ дисциплины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-7-17>

From Geopolitics to Hydropolitics: In Search of the Discipline Boundaries

Alexey V. Mikhalev

Banzarov Buryat State University, *Ulan Ude, Russian Federation*

✉ mihalew80@mail.ru

Abstract. Hydropolitics is a term that has spread widely in the 21st century. Its definitions are multiple and often ambiguous. The breadth and contradictory nature of the concept is the reason for the researchers' increased attention to it since it forms a demand for certainty. The article aims to analyze the definitions and disciplinary claims of hydropolitics. Methodologically, the author draws on the ideas of formal geopolitics which makes it possible to consider the problems of water supply and political power in the context of the increasing scarcity of natural resources. Endowing water with political meanings and using it as a symbol is, in fact, a centuries-old practice. However, we consider this phenomenon only within the chronological framework of modernity, which is characterized by an age-old linkage between climate change and the politicization of water as a resource. This implies the existence of a worldwide crisis caused by the impending scarcity of fresh water—the peculiarity of 21st-century discourse is the emphasis on both fresh and clean water. All of the above affects interstate relations and creates a new diplomacy format—hydropolitical relations. This means interstate engagement focusing on the issues of fresh water distribution or ensuring access to it. Technological and engineering solutions towards ensuring water supply are of great importance in this sphere. This factor distinguishes hydropolitics from geopolitics and other areas of political knowledge. Hydropolitics is a science that studies political power, water, and the role of hydraulic structures as tools of power control over water in the lives of many societies. All of the aforementioned characteristics allow one to approach hydropolitics as a distinct field, similar to geopolitics, and based on the neorealist theory.

Keywords: hydropolitics, water politics resource nationalism, hegemony, water, power, political, climate change, formal geopolitics

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Mikhalev, A.V. (2025). From geopolitics to hydropolitics: In search of the discipline boundaries. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-7-17>

Введение

Вода, власть и политическое — связь этих трех жизненно важных для человека категорий при вдумчивом взгляде на историю очевидна. И характер этой связи меняется от эпохи к эпохе. В XXI в. в широкий обиход вошли понятия гидрополитики и гидроконфликтов, что свидетельствует о наступивших переменах в сфере доступа к водным ресурсам. Во Всемирном докладе ООН о состоянии водных ресурсов 2024 г. подчеркивается, что напряженность в отношении водных ресурсов приводит к обострению конфликтов во всем мире, и для того, чтобы сохранить мир, государства должны укреплять международное сотрудничество и расширять трансграничные соглашения в этой сфере¹.

Этот доклад констатирует уверенно развивающуюся тенденцию, которая, имея в своей основе безусловную ценность пресной воды для жизни человека, трансформирует гидравлическое в политическое. Конфликты, о которых идет речь в докладе, — свидетельство того, что общество делится на друзей и врагов по принципу наличия или отсутствия доступа к воде. Вода в данной ситуации столь важный ресурс, что основой разделения на друзей и врагов может послужить не только реальная, но и потенциальная, отдаленная перспектива ограничения доступа к ней. Это создает особую область знаний — гидрополитику, которая выявляет отношения господства и подчинения, основанные на реальном или гипотетическом праве распоряжаться водой.

Этот раздел политической науки является достаточно новым, поскольку в целом насчитывает чуть более полутора столетия. В его содержании все еще существует терминологическая и смысловая путаница: в том, как правильно концептуализировать взаимосвязи воды, власти и политического в современном мире. Обсуждение этих вопросов сильно зависит от множества обстоятельств, способных повлиять на ход такой дискуссии. Примером может послужить экономическая конъюнктура, в рамках которой продвигается идея «вода — это новая нефть»². Переходы от одного дискурсивного порядка к другому (от политического к экономическому) способны кардинально изменить смыслы, вкладываемые в дефиниции. Данное исследование нацелено именно на анализ определений и дисциплинарных претензий гидрополитики. Уже сегодня архив исследований гидрополитики представляет собой несколько тысяч работ на разных языках. Содержательно и методологически они совершенно разные, несмотря на то, что ищут ответы на схожие вопросы: какое есть настоящее и каким

¹ Доклад ООН: водный кризис — угроза безопасности во всем мире. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/03/1450821#:~:text=%D0%92%D0%BE%20%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BC%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%20%D0%9E%D0%9E%D0%9D%20%D0%BE,%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%D0%B2%D0%BE%20%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BC%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B5>. (дата обращения: 15.08.2024).

² Epilogue from Steve Solomon's Water. The Epic Struggle for Wealth, Power, and Civilization // Circle of Blue. URL: <https://www.circleofblue.org/2010/world/epilogue-from-steve-solomons-water-the-epic-struggle-for-wealth-power-and-civilization/> (accessed: 15.08.2024).

возможно будущее в условиях надвигающейся нехватки воды, реальная эта угроза или мнимая. Однако вне пределов их внимания чаще всего остается методологическая рефлексия, которая заменяется идеологически ангажированными суждениями о гегемонии или о национальных интересах.

Анализ этих политических суждений и является основной задачей данного исследования. В исследовании уточнено происхождение понятия «гидрополитика», проведен анализ дискурса о гидрополитических отношениях и выявлены характеристики гидрополитического воображения как способа понимания отношений господства и подчинения, связанных с доступом к пресной воде.

Гидрополитика в поисках дефиниции

Понятие гидрополитика (hydropolitics), по мнению итальянского исследователя Маттия Гранди, не имеет устоявшегося определения [Grandi 2020]. Данная проблема появилась в результате того, что в разных дисциплинарных областях по-разному понимают гидрополитику. Этот термин используется в политологии, экологии, экономике, социологии, инженерных науках и других областях знания.

Следует напомнить, что гидрополитика — одна из древнейших сфер политических отношений [Виттфогель 2024]. По мере развития технологий она трансформировалась от идеи управления рекой и обществом в условиях примитивных и небезопасных гидрообъектов к идее дефицита воды в условиях высоких технологий и глобальной экономики. Несомненно, гидрополитика как практика имеет древнюю историю, связанную с религиозными и философскими воззрениями. Однако как научная дисциплина гидрополитика является продуктом XX в. Хотя первые попытки рефлексии на тему связи политогенеза и великих рек принадлежат русским ученым XIX в. — Льву Ильичу Мечникову и Петру Евгеньевичу Казанскому (они исследовали роль трансграничных водных артерий как фактора мировой политики) [Мечников 2013 и Казанский 1895]. П.Е. Казанский приводит любопытную цитату из выступления французского инженера Хольца на четвертом международном конгрессе внутреннего судоходства в Манчестере: «Реки приобрели значение первого ранга в промышленной борьбе между народами и являются одним из действительнейших средств международной конкуренции» [Казанский 1895: 6]. Таким образом, первые попытки осмысления политического значения воды можно локализовать в XIX в., и этот процесс шел синхронно с созданием первых геополитических трудов Фридриха Ратцеля и Поля Видаль де ла Бланша.

Середина XX в. связана с именем Карла Августа Виттфогеля [Виттфогель 2024], который ввел в научный оборот понятия «гидравлическое государство» и «гидравлическое общество». Идеи Виттфогеля для нас важны как интеллектуально значимые метафоры, которые могут быть наполнены современным содержанием, но прежде всего они дают отсылку к всемирно-историческому контексту соотношения власти и контроля над водными ресурсами. В изданной в 1957 г. книге «Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти»

Виттфогель создал концепцию тотальной власти, основанной на управлении реками [Виттфогель 2024: 73]. Согласно его гипотезе, практика управления водой и ирригацией формирует гидравлические империи. Концепция сверхцентрализации контроля над водой как основы тотального государства является значимой и для современной политической теории, хотя неоднократно подвергалась критике со стороны оппонентов. В контексте нашего исследования интересен тезис Виттфогеля: «Гидравлическое руководство есть руководство политическое» [Виттфогель 2024: 41–42]. Казалось бы, в этом историческом обзоре очевидна связь воды и политики, однако концептуализация этой связи начнется только во второй половине XX в. под влиянием глобальных изменений. В итоге наука имела в наличии термины «гидравлическое общество», «гидравлическое государство», «гидравлическая империя», но вплотную подошла к разработке категории «гидрополитика» лишь в 1990-е гг. Впервые этот термин был введен в научный оборот Джоном Уотербери в 1979 г. [Waterbury 1979]. В 1997 г. Арун Элханс определил гидрополитику как «систематическое изучение межгосударственных конфликтов и сотрудничества по трансграничным водным ресурсам» [Elhance 1997: 209]. Наиболее близким к нашему контексту является дефиниция Жюли Троттье: «Гидрополитика изучает водные конфликты с целью раскрытия напряженности между конкурирующими интересами, а также типизации политических, воображаемых и символических отношений, которые мобилизует проблема воды» [Trottier 1999].

Плюрализм дефиниций преодолеть очень сложно, потому что помимо науки термин используется в СМИ и в государственном управлении, это еще больше увеличивает количество трактовок и споров вокруг них. Логичный вопрос о том, требуется ли конечное единственное определение, предполагает отрицательный ответ, поскольку это практически невозможно из-за многообразия практик применения термина «гидрополитика». Однако можно попытаться провести некоторые границы в его применении. При этом на теоретическом уровне существует путаница в обосновании такого раздела. Например, данную сферу зачастую относят к геополитике, забывая о том, что геополитика буквально является наукой о земле и политике. Это объясняется тем, что геополитика имеет хорошо разработанный инструментарий и в XXI в. эволюционировала в уважаемую академическую дисциплину, такую как формальная геополитика. Спрос на воду ведет к необходимости теоретического обоснования гидрополитики как дисциплины (или субдисциплины, в зависимости от подхода).

Обсуждение гидрополитики тесно связано с проблемами управления водными ресурсами, но сводить все определения только к менеджменту было бы неверно. Гидрополитика как явление гораздо шире, поскольку охватывает сущность политического с его шмиттианским разделением на друзей и врагов, которое особенно остро проявляется в условиях нехватки воды или конкуренции за нее. В результате возникает антитеза геополитике — концепция «гидрополитических отношений», которые выступают частью современной глобальной политики [Zeitoun, Warner, 2006]. Это теория, разбирающая межгосударственные отношения по поводу воды, будь то трансграничные реки или иные вопросы водного

регулируемого. Здесь часто фокусируются на конкретных аспектах, особенно на гидроконфликтах и гидрогегемонии. Так гидрополитические отношения выходят на первый план.

Гидрополитические отношения

Межгосударственные отношения по вопросам воды принято называть гидрополитическими отношениями (*hydropolitical relations* — HPR). Сегодня это важная часть международных отношений, а также гидрополитики как дисциплины/субдисциплины. Этот термин показал себя достаточно устойчивым и используется как в аналитических текстах, так и в журналистике. По мере увеличения проблем, связанных с дефицитом пресной воды в отдельных частях света, роль гидрополитических отношений все более возрастает, распространяется понятие гидрополитического порядка (*hydropolitical order*), которое дополняет предыдущий концепт. В сущности, все перечисленное представляет собой рецепцию терминов из теории международных отношений. В результате гидрополитика вполне обоснованно может считаться ее частью, преломляясь в методологических рамках реализма, либерализма и неореализма.

Характеризуя сложившуюся ситуацию, Сюзанна Нойберт и Вальтина Шойман отмечают: «С точки зрения теории международных отношений популярная геополитика воды, по-видимому, является продуктом грубого политического реализма, поскольку она приравнивает материалистическую онтологию реализма к узкой форме географического детерминизма — „гидрологическому детерминизму“» [Neubert, Scheumann 2003: 11–17].

По мнению Стивена Маккаффри: «Гидрополитические взаимодействия можно, в некотором смысле, рассматривать как поле битвы идей и власти. Специалисты в сфере международного права пытались кодифицировать и стандартизировать управление этим общим ресурсом; однако со временем появились конкурирующие правовые доктрины по управлению международными водотоками» [McCaffrey 2001]. Данное утверждение как нельзя лучше раскрывает сущность гидрополитических отношений, которые допустимо понимать как баланс между разными правовыми доктринами по управлению водотоками. Как уже указывалось ранее, поиски международно-правовых решений вопросов о трансграничных водах ведутся еще с XIX в. (см. [Казанский 1895]). Но юристы и инженеры того времени обращали внимание и неоднократно подчеркивали особое политическое значение воды не только как питьевого ресурса, но и как транспортного канала и источника энергии. В этот контекст удачно вписывается дефиниция Ричарда Мейснера, который определил гидрополитику как «транснациональное взаимодействие посредством создания и использования норм между множеством негосударственных и государственных субъектов, от отдельных лиц до коллективов, относительно авторитетного распределения и использования, а также восприятия внутренних и международных водных ресурсов» [Meissner 2005].

Такая модель привела к тому, что в XXI в. обсуждается не просто право на воду, но и такое явление, как водный национализм (как часть ресурсного национализма) [Wheeler, Hussein 2021 и Allouche 2020]. Его сторонники утверждают, что право на тот или иной водоем может принадлежать отдельной нации, рассматривая его в качестве национального достояния, ссылаясь на некие культурно-исторические и эмоциональные основания.

Кроме того, современные исследования отмечают большую роль аффектов в системе гидрополитических отношений [Sehring, Wolf 2023: 900–911]. Под аффектами подразумеваются нерациональные основания политических решений, связанных с водой: религиозные, идеологические, эмоциональные. Данная тема является достаточно большой, поскольку на уровне культуры накоплено огромное количество смыслов, придаваемых воде. Однако присутствие аффектов в данной сфере несколько не отменяет неореалистских парадигм при интерпретации водных проблем, а скорее дополняет их, помогает лучше раскрыть содержание сложившихся асимметрий.

Вода, прежде всего пресная, стала частью современных внешнеполитических дискурсов. Несмотря на видимую дистанцию с классической геополитикой, они все же вписывают территории, то есть воды на этой территории, в аксиологические иерархии национальных или государственных интересов. Такие иерархии множественны, и каждая из стран, в зависимости от гидродефицитности или гидропрофицитности, занимает определенное место в воображаемом гидрополитическом порядке. Этот порядок воспринимается как справедливый или несправедливый опять-таки в зависимости от положения государства в системе перераспределения воды (см. [Mikhalev, Rakhimov 2024]). Отсюда возникают концепты будущей гидрогегемонии (абсолютной или относительной), которые косвенно отсылают к книге К. Виттфогеля, формируют современный дискурсивный порядок.

В итоге гидрополитические отношения встроены в мировую политику благодаря особому способу воображения воды как политически значимого ресурса или же попросту политического ресурса. Конкуренция таких идеологий на международной арене формирует гидролитическую повестку. Эта повестка является основой межгосударственных гидрополитических отношений. Все перечисленное сочетается с комплексом инженерных решений по управлению межгосударственными водами и контролю за дренажными системами. В итоге гидрополитические отношения представляют собой комплекс соглашений, разногласий или конфликтов между странами по проблемам распределения воды, сочетающийся с разными вариациями инженерно-технологических решений.

Гидрополитическое воображение

Связь воды и политики — это продукт политического воображения современности. Конечно, практики использования воды для подчинения сообществ и даже как оружия известны с древности, но гидрополитика как сфера рефлексии — явление недавнее. Дело в том, что оно тесно связано с категориями, созданными

в эпоху модерна, с его политическим словарем. Например, Всемирный водный совет (создан в 1996 г.) инициировал проект «Вода и политика», который нацелен на повышение информированности о важности политических вопросов в водохозяйственных реформах и определение того, каким образом политика может послужить водному сообществу³. Воображение невозможно без способов описания, а один из доминирующих дискурсов модерна — это геополитический дискурс, породивший гидрополитику. В данном случае целесообразно процитировать Гастона Башляра: «Воображение, целиком привязанное к конкретному виду материи, создает символические ценности. Вода есть объект одной из величайших символических ценностей, когда-либо созданных человеческой мыслью: архетипа чистоты. Чем стала бы идея чистоты без образа воды прозрачной и ясной, без этого прекрасного плеоназма — чистая вода» [Башляр 2024: 36].

Идея чистой воды трансформируется в естественное право на чистую воду, и это право становится политическим. Недоступность чистой воды как ресурса — потенциальная основа для шмиттианского разделения на друзей и врагов. В этой ситуации политическое воображение идет дальше, преобразуя право на воду в идею контроля над водой. В итоге она становится политически значимым ресурсом, поскольку может выступать основой для отношений господства и подчинения. В таком контексте большинство левых теоретиков отмечают сугубо грамшианскую основу водного господства [Menga 2016]. По их мнению, в его основе лежат созданные человеческим обществом гегемонистские дискурсы и практики, а не сама вода.

Вне всякого сомнения, нехватка пресной воды, имеет такие же катастрофические последствия для человека, как и наводнения. Опираясь на эти угрозы, функционирует гидрополитический дискурс, который способен подталкивать к управленческим и технологическим решениям по рациональной организации водных ресурсов [Bréthaut et al. 2022]. В основе такого рационального управления лежит идея предотвращения водных кризисов. Она тесно связана с доминированием и неравным доступом к воде. В сущности, это две стороны одной медали. Но такие отношения находятся в тесной связи и с другими факторами внешней политики (энергетическими и климатическими), что позволяет формировать на уровне гидрополитических отношений баланс — за счет доступа к другим ресурсам.

Здесь появляется второй содержательный аспект водной политики — это доступ к воде как к энергетическому ресурсу. Вновь становится актуальной виттфогелевская идея о взаимосвязи гидросооружений и власти. Тем не менее это не единственный способ воображения воды как жизненно необходимого актива. В одной из своих работ Анастасия Лихачёва анализирует концепт «виртуальной воды», автором которого является Джон Энтони Алан [Лихачёва 2016:]. Виртуальная вода — это количество воды, вложенное в производство продуктов питания или иной продукции, то есть в контексте борьбы за ресурсы между

³ Всемирный водный совет. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/02_wwc.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

мировыми державами могут раскрываться самые разные аспекты ценности пресной воды (см. [Лихачёва 2023]). Другим наглядным примером создания образов воды как актива может служить популярная книга журналиста Стивена Соломона «Вода: эпическая борьба за богатство, власть и цивилизацию». Автор книги высказал идею о том, что вода — это новая нефть: «В эпоху дефицита, когда пресная вода становится новой нефтью, индустриальные демократии обладают огромным сравнительным преимуществом в ресурсах, которое им еще предстоит полностью осознать или использовать» [Solomon 2010].

В итоге мы вполне обоснованно можем говорить о гидрополитическом воображении или о способе объяснения политических процессов и технологических решений через политический словарь. Набор политических категорий гидрополитического воображения преимущественно заимствован из реализма и неореализма, о чем уже неоднократно писали левые критики концепции водной гегемонии (см. [Julien 2012]). Однако именно этот способ толкования наиболее понятно объясняет ситуацию с водой, хотя и не всегда это объяснение релевантно. Он хорошо натурализовался в средствах массовой информации, а также в сфере публичной политики. Его границы близки к критикуемой Бруно Латуром политической экологии, которая не столько отстаивает интересы экологии, сколько интересы людей [Латур 2018]. В итоге гидрополитическое воображение — это способ объяснения мира в политических интересах тех или иных сообществ, корпораций и государств.

Все три социальных измерения воды: питьевое, энергетическое и производство сельскохозяйственной продукции — тесно связаны с представлениями о безопасности. Секьюритизация — это основа геополитического дискурса, в котором географическим объектам приписываются атрибуты вызовов и угроз. Гидрополитика и геополитика представляют собой взаимосвязанные дисциплины, два близких друг к другу способа воображения мира. Имея технологическую и инженерную основу, гидрополитика выглядит гораздо более убедительной, чем геополитика. Такая отсылка позволяет отрицать фундаментальную роль политических идей и суждений, которые могут быть как рациональными, так и нерациональными.

Заключение

Рефлексия относительно связи воды и политики имеет достаточно глубокие традиции. Эти традиции упираются в религиозные воззрения, связанные с сакрализацией воды как потенциального источника гегемонии. Но вместе с тем существует и современное понимание воды, опирающееся на экономику и геополитику. В этом дискурсе вода — важнейший ресурс. Именно этот подход стал основой для гидрополитики, для дисциплины, которая все еще ищет свою дефиницию. Обращение к ней требует понимания того, что гидрополитика существует в двух измерениях: как форма знания и как практика. Практика представляет собой набор инженерно-технологических решений, принятых на основе политики одного или нескольких государств. Гидрополитика как академическое

и стратегическое знание — это сфера, которая фиксирует изменение политических отношений вокруг водных ресурсов, а также способов гидрополитического воображения. Прежде всего геополитика выступает дискурсом об этих политических отношениях по поводу доступа к водным ресурсам. Учитывая специфику климатических изменений в XXI в., речь почти всегда идет о чистой, пресной воде. Сложности доступа к пресной воде и гуманитарные проблемы, вызванные ее недоступностью, становятся лишь частью вызовов и угроз, которые изучает гидрополитика. Реальное же положение вещей и принятие соответствующих решений зачастую находится вне дискурсивного поля данной дисциплины. Однако именно гидрополитика оказывает непосредственное влияние на общественное мнение, более того, большая часть средств массовой информации свободно оперируют понятиями гидрогегемонии и гидравлической власти. В сущности, гидрополитика — это конвенциональное понимание на уровне СМИ и экспертов всего многообразия политических отношений вокруг водных ресурсов. В перспективе этот дискурс имеет все основания превратиться в особую отрасль политической науки.

Итак, гидрополитология — это теоретическая сфера знания о воде и власти, о межгосударственных отношениях, о водных ресурсах, о политике технологического регулирования водных потоков. Этот список может быть существенно расширен за счет отдельных тем в области энергетики и сельского хозяйства. В целом же дисциплинарные рамки гидрополитики еще предстоит определить, хотя история ее категориального аппарата, если вести отсчет с трудов Л.И. Мечникова, сейчас насчитывает уже почти сто пятьдесят лет.

Поступила в редакцию / Received: 29.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 15.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Башляр Г.* Вода и грёзы. Опыт о воображении материи. Москва : АСТ, 2024.
- Виттфогель К.А.* Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти. Москва : Центрполиграф, 2024.
- Казанский П.Е.* Договорные реки. Очерки истории и теории международного речного права. Том 1. Казань : Типо-литография императорского университета, 1895.
- Каширин В.В.* Время гидрополитики, или Тайная власть воды. Москва : Линор, 2011. EDN: PDFGIJ
- Латур Б.* Политики природы. Как привить наукам демократию. Москва : Ад Маргинем пресс, 2018.
- Лихачёва А.Б.* Вода и мир. Почему не нужно поворачивать сибирские реки, или Что такое конкуренция за пресную воду // Россия в глобальной политике. 2016. № 4. С.180–195. EDN: WFGSKN
- Лихачёва А.Б.* «Ни воды, ни войны»: проблема пресной воды в международных отношениях первой четверти XXI века // Международная аналитика. 2023. № 4 (14). С. 21–36. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-21-36>; EDN: FKSZQZ
- Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. Москва : Айрис-пресс, 2013.

- Allouche J.* Nationalism, legitimacy and hegemony in transboundary water interactions // *Water Alternatives*. 2020. Vol. 2, no. 13. P. 286–301.
- Bréthaut C., Ezbakhe F., McCracken M., Wolf A., Dalton J.* Exploring discursive hydropolitics: a conceptual framework and research agenda // *International Journal of Water Resources Development*. 2022. Vol. 3, no. 38. P. 464–479. <https://doi.org/10.1080/07900627.2021.1944845>
- Grandi M.* Hydropolitics // *Oxford Research Encyclopedia of Environmental Science*. London, 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199389414.013.644>
- Elhance A.P.* Conflict and cooperation over water in the Aral Sea basin // *Studies in Conflict and Terrorism*. 1997. Vol. 2, no. 20. P. 207–218. <https://doi.org/10.1080/10576109708436034>; EDN: HKNQGH
- Julien F.* Hydropolitics is what societies make of it (or why we need a constructivist approach to the geopolitics of water) // *International Journal of Sustainable Society*. 2012. Vol. 4, no. 1/2. P. 45–71. <https://doi.org/10.1504/IJSSOC.2012.04466>
- Meissner R.* Interest Groups as Local Stakeholders involved in the Water Politics of a Transboundary River: The Case of the Proposed Epupa Dam across the Kunene River // *Water, Development and Cooperation-Comparative Perspective: Euphrates-Tigris and Southern Africa*. Paper 46. Bonn : Bonn International Center for Conversion (BICC), 2005.
- Menga F.* Reconceptualizing hegemony: the circle of hydrohegemony // *Water Policy*. 2016. Vol. 18, no. 2. P. 401–418 <https://doi.org/10.2166/wp.2015.063>
- McCaffrey S.C.* *The Law of International Watercourses: Non-Navigational Uses*. London : Oxford University Press, 2001.
- Mikhalev A.V., Rakhimov K.K.* Central Asia in Search of Water Cooperation // *Russia in Global Affairs*. 2024. No. 3 (22). P. 179–184. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-3-179-184>; EDN: DEOBHK
- Neubert S., Scheumann W.* Water stress — but no water wars // *Transatlantic Internationale Politik*. 2003. No. 4 (4). P. 11–17.
- Sehring J., Wolf A.T.* Affective Hydropolitics: Introduction to the Themed Section // *Water Alternatives*. 2023. Issue 3 (16). P. 900–911.
- Solomon S.* *Water: The Epic Struggle for Wealth, Power, and Civilization*. New York, NY : Harper Perennial, 2010.
- Trottier J.* *Hydropolitics in the West Bank and Gaza Strip*. Jerusalem : PASSIA — Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs, 1999.
- Waterbury J.* *Hydropolitics of the Nile Valley*. Syracuse : Syracuse University Press, 1979.
- Wheeler K.G., Hussein H.* Water research and nationalism in the post-truth era // *Water International*. 2021. Vol. 46, no. 7–8. P. 1216–1223. <https://doi.org/10.1080/02508060.2021.1986942>; EDN: GVZISD
- Zeitoun M., Warner J.* Hydro-hegemony — A framework for analysis of trans-boundary water conflicts // *Water Policy*. 2006. Vol. 8, no. 5. P. 435–460. <https://doi.org/10.2166/wp.2006.054>

Сведения об авторе:

Михалев Алексей Викторович — доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (e-mail: mihalew80@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7069-2338)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-18-26
EDN: HFJMOX

Научная статья / Research article

Управление экологическими конфликтами водопользования: международный опыт

А.Л. Демчук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация*

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*

✉ arthur@leadnet.ru

Аннотация. В последние десятилетия в мире наблюдается значительный рост числа экологических конфликтов, среди которых выделяются экологические конфликты водопользования, имеющие свои специфические характеристики, причины и трудности урегулирования. На основе ряда примеров из зарубежной (западноевропейской и североамериканской) практики конфликто разрешения и экологической медиации предлагаются принципы оптимальной модели успешного урегулирования и разрешения связанных с водопользованием экологических конфликтов посредством прямых переговоров и посредничества (медиации) на основе учета интересов всех сторон конфликта и поиска консенсуса (делиберативной демократии). Предотвращению и успешному урегулированию экологических конфликтов водопользования способствует ясная и последовательная государственная экономическая и экологическая политика, сочетающая эффективную межведомственную координацию, обоснованное распределение издержек, широкий диалог государства, бизнеса и гражданского общества. Наиболее эффективное управление подобными конфликтами обеспечивается при участии всех заинтересованных сторон конфликта в переговорах (или медиации) на условиях равенства; признании всеми сторонами конфликта преимуществ переговоров (медиации) по сравнению с дальнейшей эскалацией конфликта или судебным разбирательством; наличии квалифицированного и заслуживающего доверие всех участников конфликта медиатора (посредника); готовности участников переговоров в полной мере выполнять в долгосрочной перспективе принятые на себя по итогам переговоров и закрепленные в достигнутом соглашении обязательства; наличии действенной системы контроля выполнения сторонами взятых на себя обязательств.

Ключевые слова: экологические конфликты, водопользование, водные войны, переговоры, медиация, построение консенсуса

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Демчук А.Л., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Демчук А.Л. Управление экологическими конфликтами водопользования: международный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 18–26. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-18-26>

Managing Environmental Water Use Conflicts: International Experience

Artur L. Demchuk

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, *Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ arthur@leadnet.ru

Abstract. In recent decades, there has been a considerable growth in the number of environmental conflicts worldwide, with environmental conflicts over water use standing out for their unique characteristics, causes, and challenges in resolution. Based on a number of examples from foreign (Western European and North American) conflict resolution and environmental mediation practices, the article proposes principles for an optimal model for the successful settlement and resolution of environmental conflicts related to water use through direct negotiations and mediation that takes into account the interests of all parties involved and seeks consensus (deliberative democracy). A clear and consistent state economic and environmental policy that combines effective interdepartmental coordination, reasonable cost distribution, and a broad dialogue between the state, business, and civil society helps to prevent and resolve environmental conflicts over water use. It is concluded that every interested party must participate in negotiations (or mediation) on equal terms in order for environmental water use conflicts to be managed as effectively as possible. All parties must also acknowledge the benefits of mediation over conflict escalation or litigation, have access to a qualified and reliable mediator, be willing to carry out the agreement reached over the long term, and have an efficient system in place to monitor the agreement's implementation.

Keywords: environmental conflicts, water use, water wars, negotiations, mediation, consensus building

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Demchuk, A.L. (2025). Managing environmental water use conflicts: International experience. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 18–26. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-18-26>

Введение

В последние десятилетия в мире наблюдается значительный рост числа экологических конфликтов¹, которые наиболее часто происходят по поводу землепользования, водопользования, состояния атмосферного воздуха

¹ Экологический конфликт в настоящей статье определяется как взаимодействие двух и более сторон, полагающих, что их цели в отношении изменения (или сохранения) состояния окружающей природной среды (систем поддержания жизни — экосистем), несовместимы.

(загрязнения вредными выбросами в городской среде), а также обращения с отходами различных типов (твёрдые коммунальные, токсичные, радиоактивные и т.д.). Деграция экологических (возобновляемых) ресурсов (к числу которых относится вода) на затронутых экологическими конфликтами пространствах является следствием человеческой (прежде всего производственной) деятельности, при этом негативные изменения во многих случаях (если не в большинстве) приобретают характер необратимых, отрицательно влияя на здоровье местного населения.

Основная причина экологических конфликтов кроется в уже осуществляемой или планируемой деятельности, связанной с использованием возобновляемых (экологических) природных ресурсов, которая приводит или в перспективе может привести к сбоям в естественных процессах восстановления экосистем. Почти полвека назад в Советском Союзе развернулись горячие споры экономистов, экологов и представителей общественности вокруг грандиозного проекта поворота крупных сибирских рек (обтекаемо называемого «перераспределением части свободного стока») в Среднюю Азию и размещением на озере Байкал целлюлозно-бумажного комбината.

Специфика «водных конфликтов»

Экологическими конфликтами сложно управлять в силу того, что в них вовлечено большое число участников; противостояние ведется по большому числу проблем; а оценить потенциальный ущерб (в том числе от необратимых последствий конфликта) в количественном (финансовом) выражении крайне трудно или вообще невозможно. Связанные с водопользованием конфликты сложно и затратно (в плане времени и средств) урегулировать и разрешать. Можно привести пример конфликта по поводу водопользования в США (штат Вашингтон), в который было вовлечено примерно 40 тысяч владельцев земельных участков, подавших почти четыре тысячи исков в суд, и урегулирование которого заняло более 30 лет [Pharris, Wilson, Reichman 2002].

Поскольку границы экосистем (как и бассейнов многих рек) не совпадают с государственными границами, большинство связанных с водопользованием экологических проблем (например, загрязнение воды, снижение объема водостока и т.д.) носят трансграничный характер, то есть затрагивают два или более соседних государства, что существенно усложняет их решение, и это потенциально чревато межгосударственными конфликтами, включая вооруженные.

Согласно одному из прогнозируемых сценариев, к середине XXI в. нарастание потребности в воде для нужд сельскохозяйственного и промышленного производства, а также потребления домохозяйствами приведут к резкому обострению конкуренции за доступ к водным ресурсам практически во всех регионах мира, за исключением лишь небольшой группы государств, имеющих большие запасы воды [Gleditsch et al. 2006]. Страны, чья территория находится в бассейнах крупных рек, потенциально могут развязать вооруженные «водные

войны» [Gleditsch et al. 2006]. Ряд современных государств напрямую зависят от воды, поступающей с территории соседних государств, что связано с обеспечением экономической и продовольственной безопасности, включая обеспечение населения питьевой водой. «Водные конфликты» угрожают сельскому хозяйству, а загрязнение водных ресурсов и особенно дефицит чистой питьевой воды провоцирует так называемую «экологическую миграцию». В африканских странах по этой причине люди нередко переезжают в другую местность или даже в другую страну [Mbonile 2005].

В Африке «водные конфликты» вызваны наличием различных типов традиционных и современных систем орошения, а также использованием воды для иных нужд (например, гидроэнергетики).

Экологические конфликты водопользования имеют количественное (нехватка необходимых объемов воды) и качественное (чистота воды) измерения. Поскольку вода необходима для выживания человека и других биологических видов, в человеческом обществе устойчивое водопользование имеет еще и психологическое измерение, связанное с восприятием людьми надежности («безопасности») обеспечения водой надлежащего качества и в требуемом объеме. Конфликты могут возникать по поводу стандартов качества воды (что считать нормой), величины предельно допустимой концентрации загрязняющих воду веществ и т. д.

Конфликты относительно масштабов водопотребления связаны с восприятием в ряде регионов мира (прежде всего аридных зонах) водных ресурсов как ограниченных и остродефицитных (в отличие, например, от воздуха), на которые одновременно претендуют несколько потребителей. Экономическое развитие невозможно без воды: она требуется сельскому хозяйству, добывающим и перерабатывающим отраслям промышленности, энергетическому сектору. В такой же мере вода необходима для выживания природных экосистем, а также рекреационных целей. Количество (объем) потребляемой воды связан с ее качеством, так как значительные объемы воды минимизируют последствия ее загрязнения, а в условиях нехватки воды даже незначительное количество вредных загрязнителей делает воду непригодной для потребления живыми организмами.

В настоящее время экологические конфликты водопользования могут происходить в силу различий представлений людей о том, как следует распределять водные ресурсы между нуждающимися в них секторами экономики, какие объемы оставлять нетронутыми для поддержания жизни экосистем, сколько выделять на бытовые и рекреационные нужды без риска для устойчивого обеспечения водой в дальнейшем.

Зачастую конфликты водопользования происходят в связи с планированием или реализацией крупномасштабных проектов строительства ирригационных систем, гидроэлектростанций и разного рода плотин, мелиорацией, сохранением водно-болотных угодий (угроза их осушения) и отдельных обитающих в воде живых организмов, а также распределением доступных объемов воды между различными потребителями.

Управление «водными конфликтами»: выбор стратегии

Выбор и применение оптимального набора институтов и технологий управления современными экологическими конфликтами водопользования следует делать с учетом особенностей каждого конкретного конфликта (число участников; суть проблем, восприятие конфликта сторонами и т.д.), местного, регионального и общенационального политико-культурного контекста, а также возможностей и ограничений (недостатков) технологий конфликторазрешения (прямые переговоры, медиация, арбитраж, суд, прямое или структурное насилие). Общемировой тенденцией в современных условиях является управление экологическими конфликтами преимущественно с помощью прямых переговоров или медиации (посредничества), основанных на принципах построения консенсуса (делиберативной демократии).

Предотвращению и успешному урегулированию экологических конфликтов водопользования способствует ясная и последовательная государственная экономическая и экологическая политика, сочетающая эффективную межведомственную координацию, обоснованное распределение издержек, широкий диалог государства, бизнеса и гражданского общества.

Управление экологическими конфликтами водопользования посредством переговоров и медиации имеет ряд достоинств (добровольный характер участия и равные возможности участников влиять на ход и результат переговоров; конфиденциальный характер переговоров; минимизация затрат времени и финансовых ресурсов; отсутствие риска «проиграть», учет интересов всех сторон конфликта) и объективных ограничений (потенциальная возможность использовать переговоры и медиацию для затягивания процесса урегулирования конфликта и принцип конфиденциальности для утаивания важной информации от широкой общественности) [Демчук 2020с].

В государствах Западной Европы и Северной Америки конфликты водопользования регулируются преимущественно с помощью нацеленных на достижение консенсуса переговоров (или медиации) в рамках сочетания установленных законом процедур выработки и принятия решений с предполагающим широкое участие гражданского общества стилем формирования и реализации государственной политики [Демчук 2020а].

Выбор технологий и методов и управления конфликтами водопользования в азиатских и африканских странах зависит от исторически сложившегося институционального и культурного контекста, спектр подходов довольно широк: от «командного» принятия решений «наверху» до консультативных процедур и техник поиска консенсуса.

Интерес представляет проведенное американскими исследовательницами Т. д'Эстрэ и Б. Колби в начале 2000-х гг. на основе анализа публикаций в научной литературе и прессе, интервью с конфликтологами, а также участниками конфликтов изучение опыта регулирования экологических конфликтов водопользования в западных штатах США [d'Estree, Colby 2004].

Опыт изучения и систематизации успешных методик регулирования экологических конфликтов водопользования ранее был описан в работе «Принципы

Парк Сити»². В 1991 г. в городе Парк Сити (штат Юта) были проведены три семинара по вопросам водопользования, в которых приняли участие служащие федерального правительства, региональных и муниципальных служб западных штатов США, представители коренных народов (индейских племен), бизнес-структур и академического сообщества. Участники семинаров выработали принципы эффективной политики в сфере водопользования: официальное признание несовпадающих ценностей и интересов; системный подход с учетом потребностей и интересов всех заинтересованных сторон конфликта, связанных с водопользованием в пределах конкретного водного бассейна (независимо от административных границ); разработка общего подхода к формированию политики, предусматривающего предсказуемость, гибкость и «обратную связь»; принцип децентрализации в принятии решений; признание важной роли представителей коренных народов; приоритетное значение стандартов стимулов и переговоров, а не указаний «сверху»; стимулирование широкого участия гражданского общества в принятии и реализации решений.

Опыт США

Первым крупным экологическим конфликтом водопользования в США, урегулированным с помощью медиации, стал конфликт относительно выбора площадки для строительства противопаводковой плотины на реке Сноквалми в штате Вашингтон [Napier 1998]. Конфликт возник между активными сторонниками строительства плотины и противниками проекта, обеспокоенными его экологическими последствиями, фермерами, опасавшимися перспективы нехватки воды для орошения своих земель, а также представителями городской общественности, заявлявшими об опасности хаотичного расширения городской застройки за счет сельской местности.

Переговоры с участием медиаторов продолжались в течение почти года. В итоге стороны пришли к соглашению о возведении плотины, мерах на случай паводков и мониторинге землепользования в прилегающих к плотине районах, а также о создании координационного совета в бассейне реки.

Интерес к управлению экологическими конфликтами водопользования с помощью переговоров возрос после успешного урегулирования продолжительного (с 1973 по 1979 г.) конфликта вокруг плотины Грейлок, возникшего в ходе обсуждения проекта строительства ТЭС, для обеспечения охлаждения которой планировалось возведение плотины, что, в свою очередь, угрожало снижением объема воды для нужд фермеров окрестных территорий и могло привести к вымиранию водоплавающих птиц на берегах реки. Представители экологов и государственных структур настаивали на максимальном снижении забора воды из реки, подав в суд коллективный иск на Инженерно-строительный корпус армии США, ответственный

² Western Governors Association. Park City Principles (document produced following a series of three workshops developed by Western Governors Association and Western States Water Council). Park City, Utah., 1991.

за строительство плотин, и Управление электрификации сельских районов, содержащий обвинение в оформлении официального разрешения на строительство плотины без проведения экологической оценки (экспертизы) проекта.

На начальном этапе конфликта участникам казалось, что судебное разбирательство затянется надолго. Застройщики стремились завершить возведение плотины в планируемые сроки. В ходе переговоров все десять заинтересованных сторон (государственные службы, экологические НПО и застройщики) пришли к взаимоприемлемому соглашению о возведении плотины, одновременно представляя экологам и правительству штата Небраска гарантии сохранения приемлемого уровня объема стока реки. По условиям соглашения был также образован фонд поддержки экологических проектов (в том числе сохранения среды обитания журавлей). Детально выверенное соглашение предусматривало «потолок» объема потребляемой тепловой электростанцией воды, минимальный показатель стока воды реки в любой момент времени контрольного замера, введение процедур мониторинга и контроля соблюдения сторонами достигнутых договоренностей.

Схожие выводы можно сделать из анализа европейского опыта управления конфликтами водопользования.

В британской истории упоминается случай, когда в XVII в. выгодные землевладельцам осушение болот и другая деятельность по мелиорации земель привели к тому, что верхнее течение реки Кем стало заносить илом, что пагубно сказалось на доходах лодочников и торговцев Кембриджа. Британский парламент в 1702 г. принял специальное решение по созданию общества «Хранители реки Кем» (*Conservators of the River Cam*) для поддержания условий нормального прохождения судов по реке и разрешения споров между лодочниками и землевладельцами, проживавшими по берегам реки.

В конце XX в. в Великобритании широкую дискуссию вызвали дебаты между рыболовами и байдарочниками, которым нужен был беспрепятственный доступ к воде в рекреационных целях, связанные с водопользованием компаниями и владельцами прибрежных участков земли. В 1997 г. на специально организованной конференции все заинтересованные стороны высказали свои взгляды и предприняли попытку найти взаимовыгодные решения двух основных вопросов — обеспечения права свободного доступа к воде в рекреационных целях и влияния увеличения объема водопользования на состояние водных ресурсов. Право собственности землевладельцев, по британским законам, распространяется на водное пространство вдоль прибрежного земельного участка от кромки воды до середины реки, а права прохождения любого рода плавающих средств (судов) признаются только в том случае, если река считалась судоходной «с незапамятных времен». Рыболовы, покупавшие у владельцев прибрежных участков земли лицензии на право ловить рыбу в «частных владениях», убеждены, что следуют букве закона в полной мере. Поскольку право судоходства не распространяется на большинство небольших британских рек, выйти на берег без согласия законного землевладельца считается правонарушением (незаконным проникновением на территорию, являющуюся собственностью посторонних лиц), поэтому высаживающиеся время от времени на берег британские байдарочники на практике

совершают правонарушение, вступая тем самым в конфликт и с «законопослушными» рыбаками, по мнению которых, байдарочники — правонарушители.

Все участники обсуждения согласились с необходимостью налаживания диалога для предотвращения потенциальных конфликтов.

Представитель землевладельцев (вряд ли беспристрастный, поскольку заинтересован в продаже лицензий) предложил выступить в качестве посредника (медиатора) на переговорах рыболовов и байдарочников, высказав оптимизм относительно возможности взаимоприемлемого соглашения о совместном водопользовании и того, что все интересы сторон можно удовлетворить. Участники переговоров согласились с необходимостью обеспечения устойчивого водопользования. Конференция по проблемам доступа к воде четко выявила два подхода к урегулированию экологических конфликтов водопользования в Великобритании: планирование с участием всех заинтересованных сторон (*participatory planning*) как способ достижения консенсуса для предупреждения потенциального конфликта и посредничество (медиацию) как наиболее эффективный метод урегулирования и разрешения конфликта. Основанный на принципах достижения консенсуса подход к планированию основан на принципе: планировать *вместе* с людьми, а не просто *для* людей.

Экологическая медиация неоднократно с успехом использовалась для урегулирования международных экологических конфликтов водопользования [Dryzek 1987]. В качестве примера можно привести конфликт между властями канадской провинции Британская Колумбия и американского города Сиэтл. Городские власти Сиэтла планировали поднять уровень плотины на реке Скагит, чтобы нарастить энергоснабжение своего города от гидроэлектростанции. Руководство Британской Колумбии не без оснований выступало против такого проекта, обращая внимание на то, что после подъема уровня воды в реке будут затоплены значительные площади земли в долине Скагит на канадской территории. В урегулировании спора с помощью посредничества (медиации) принимала участие совместная Американо-канадская комиссия. В ходе продолжавшихся примерно год обсуждений был выработан план решения проблемы, по которому Британская Колумбия гарантировала необходимый Сиэтлу дополнительный объем электроэнергии, передаваемый со своей территории, а власти Сиэтла согласились не менять высоту плотины [Демчук 2020b].

Заключение

На основе международного опыта по урегулированию экологических конфликтов водопользования можно сделать вывод, что наиболее эффективное управление подобными конфликтами обеспечивается:

- при участии всех заинтересованных сторон конфликта в переговорах (или медиации) на условиях равенства;
- признании всеми сторонами конфликта преимуществ переговоров (медиации) по сравнению с дальнейшей эскалацией конфликта или судебным разбирательством;

- наличии квалифицированного и заслуживающего доверие всех участников конфликта медиатора (посредника);
- готовности участников переговоров в полной мере выполнять в долгосрочной перспективе принятые на себя по итогам переговоров и закрепленные в достигнутом соглашении обязательства;
- наличии действенной системы контроля выполнения сторонами взятых на себя обязательств.

Такая модель должна принимать различные формы в зависимости от специфики каждого конфликта.

Поступила в редакцию / Received: 20.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 19.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Демчук А.Л. Управление современными экологическими конфликтами в США и Канаде // США & Канада: экономика — политика — культура. 2020а. Вып. 5. С. 100–112. <https://doi.org/10.31857/S268667300009433-6>; EDN: CRVVKN
- Демчук А.Л. Политические аспекты управления международными экологическими конфликтами // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020б. № 55. С. 240–248. <https://doi.org/10.17223/1998863X/55/24>; EDN: DQNHMF
- Демчук А.Л. Экологические конфликты в современной политике: теоретические основы и национальные модели. Москва : Изд-во Московского ун-та, 2020с. EDN: YDQFIK
- Кочетков В.В., Пак Е.В. «Водные войны»: дефицит водных ресурсов как причина и инструмент международных конфликтов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 5. С. 35–47. EDN: OWXQBD
- d'Estree T.P., Colby B.G. Braving the Currents: Evaluating Environmental Conflict Resolution in the River Basins of the American West. Boston : Kluwer Academic, 2004.
- Dryzek J.S., Hunter S. (1987). Environmental Mediation for International Problems // International Studies Quarterly. Vol. 31, no. 1. P. 87–102. <https://doi.org/10.2307/2600661>
- Gleditsch N.P., Furlong K., Hegre H., Lacina B., Owen T. Conflicts over shared rivers: Resource scarcity or fuzzy boundaries // Political Geography. 2006. No. 25. P. 361–382. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2006.02.004>
- Mbonile M.J. Migration and intensification of water conflicts in the Pangani Basin, Tanzania // Habitat International. 2005. No. 29. P. 41–67. [https://doi.org/10.1016/S0197-3975\(03\)00061-4](https://doi.org/10.1016/S0197-3975(03)00061-4)
- Environmental conflict resolution / Napier Ch. (ed.). London: Cameron May, 1998.
- Pharris J., Wilson M.S., Reichman A. Federal and Indian Reserved Water Rights: A Report to the Washington State Legislature by the Office of the Attorney General. Olympia, WA : Attorney General of Washington, 2002.

Сведения об авторе:

Демчук Артур Леонович — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой сравнительной политологии факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН) (e-mail: artur@leadnet.ru) (ORCID: 0000-0002-9285-7823)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-27-38
EDN: CCHKNQ

Научная статья / Research article

Доктрины водной справедливости в перспективе многополярности

Н.П. Николаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

✉ niknik@nikolaevonline.ru

Аннотация. Современные тенденции к многополярности и фрагментации международного сотрудничества ставят вопрос о необходимости формирования нового подхода к решению проблемы климатических изменений. В качестве ключевого аспекта выступает проблема управления водными ресурсами как инструмента достижения целей по адаптации и нейтрализации климатических изменений в пределах локальных климатических зон. Автором сделан вывод, что существующие доктрины справедливого распределения водных ресурсов, как основного фактора локальных климатических изменений, в условиях многополярности демонстрируют свою несостоятельность. В этой связи предложено рассмотреть возможность формирования новой доктрины управления водными ресурсами, основанной на единстве климатических целей. Использован метод политико-правового анализа при работе с нормативно-правовыми материалами, касающимися климатической политики в России. Метод нарративного анализа (речь идёт о тематическом и структурном нарративном анализе) применялся при изучении различных доктрин справедливости использования водных ресурсов. Не менее важное место в исследовании занимает анализ ситуаций (case study). В частности, анализ ситуаций, относящийся к качественным методам, необходим при рассмотрении кейсов, связанных с локальными конфликтными ситуациями распределения и управления водными ресурсами.

Ключевые слова: климатическая политика, водная доктрина, многополярный мир

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Николаев Н.П. Доктрины водной справедливости в перспективе многополярности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 27–38. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-27-38>

© Николаев Н.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Doctrines of Water Justice in the Perspective of Multipolarity

Nikolay P. Nikolaev

National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

✉ niknik@nikolaevonline.ru

Abstract. Modern trends towards multipolarity and fragmentation of international cooperation raise the issue of the need to develop a new approach to solving the problem of climate change. The key aspect is the problem of water resources management as a tool for achieving goals on adaptation and neutralization of climate change within local climatic zones. The author concludes that the existing doctrines of fair distribution of water resources, as the main factor of local climate change, demonstrate their inconsistency in the context of multipolarity. In this regard, it is proposed to consider the possibility of developing a new doctrine of water resources management based on the unity of climate goals. For this purpose, the author uses the method of political and legal analysis when working with regulatory materials related to climate policy in Russia. The method of narrative analysis (we are talking about thematic and structural narrative analysis) was used in the study of various Doctrines of fair use of water resources. No less important place in the study is occupied by the analysis of situations (case study). In particular, the analysis of situations related to qualitative methods is necessary when considering cases related to local conflict situations of distribution and management of water resources.

Keywords: climate policy, water doctrine, multipolar world

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Nikolaev, N.P. (2025). The doctrines of water justice in the perspective of multipolarity. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 27–38. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-27-38>

Введение

Концепция «единого мира», в которой страны совместно работают над общими проблемами, основываясь на универсальных этических и правовых принципах и понятиях «справедливости» и «разумности», потерпела крах. Ценностные и культурные расхождения между народами и лидерами, различия в их видении будущего мира приводят к движению в сторону многополярности, а также возникновению новых межстрановых альянсов, базирующихся как на экономических, так и на аксиологических основах. Это требует пересмотра подходов к решению глобальных задач, в частности по преодолению климатического кризиса.

Ключевым фактором климатических изменений является вода, что в рамках работы по адаптации к климатическим изменениям и противостоянию локальным трансформациям климата говорит о необходимости пересмотра подходов к управлению водными ресурсами и поиска новых принципов справедливого управления и распределения водных ресурсов в условиях многополярности и геополитической турбулентности [Николаев 2024b]. В этой связи актуализируется дискуссия о справедливости как аксиологической основе взаимодействия

между различными социальными институтами на самых различных уровнях общественно-политического дискурса.

Следует отметить, что проблематика водных ресурсов, в том числе во взаимосвязи с климатической повесткой, представляет интерес как для отечественных (В. К. Белозеров, К.П. Боришполец, В.И. Данилов-Данильян, А.Б. Лихачева, И.А. Макаров и др.), так и для зарубежных исследователей (Т. Bredariol, J. Lim, L. Staas¹, F. Sultana [Sultana, Loftus 2019] и др.). Обращает на себя внимание, что на содержание работ зарубежных авторов по проблеме распределения водных ресурсов оказывают влияние доминирующие в западном обществе идеологические взгляды, которые в значительной степени противоречат сегодняшним особенностям многополярного характера международного взаимодействия.

Идеологические принципы управления водными ресурсами в условиях однополярного мира

Проанализируем причины, по которым номинальное наличие универсальных подходов не привело к разрешению проблем совместного использования и управления водными ресурсами.

В контексте настоящей работы понятие однополярности подразумевает наличие глобального центра, в котором определяются единые для всего мира подходы к реализации межстрановых отношений в рамках климатической политики, а также к решению споров и порядку сотрудничества в части совместного или конкурентного использования природных ресурсов. В течение почти 80 лет таким центром выступала ООН.

Сегодня общей рамкой для выработки решений в части использования водных ресурсов являются «Цели устойчивого развития». Так, ЦУР 6 «Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех» включает в себя задачу по обеспечению комплексного управления водными ресурсами на всех уровнях, в том числе на основе трансграничного сотрудничества.

Несмотря на наличие Цели, конфликты, возникшие вокруг использования водных ресурсов, только усугубляются (например, напряженность в бассейне Нила, конфликт в секторе Газа, ситуация в Центральной Азии, а также локальные экологические конфликты и напряженность вокруг использования вод озера Байкал).

При этом ЦУР 6 не уделяет внимания важности воды в целях преодоления климатического кризиса. Кроме того, в задачах по достижению ЦУР 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» вода не рассматривается как ресурс, непосредственно задействованный в вопросах преодоления последствий климатического кризиса.

¹ Bredariol T., Lim J., Staas L. (2024) Energy is vital to a well-functioning water sector. The International Energy Agency. Retrieved December 10, 2024, from URL: <https://www.iea.org/commentaries/energy-is-vital-to-a-well-functioning-water-sector>

Возможность согласованного решения проблем климата в масштабе планеты осложняется неравномерностью климатических изменений, фрагментацией глобального геополитического ландшафта и энергетическим кризисом. А опыт предыдущего периода, основанный на постулате совместного достижения нулевых выбросов как способе воздействия на климат, показал его практическую бесперспективность.

Однако климатический вызов только усиливается, что ставит вопрос о необходимости поиска новых подходов к формированию мировой климатической политики. Важно определить интересы и области, которые одновременно были бы перспективны с точки зрения преодоления климатического кризиса и при этом доступны для практической реализации путем сотрудничества заинтересованных стран. Необходимо думать о предмете приложения усилий, который был бы актуален для каждого народа и государства (а значит, суммарно глобален), но при этом реализация таких усилий была бы практически осуществимой в условиях многополярного мира.

Подходы к водной справедливости в условиях неоклассического реализма многополярности

Многополярный мир неизбежно делает актуальным взгляд на проблему мировой климатической политики через призму неоклассического реализма. Соединяя в себе идеи Г. Моргентхау и К. Уолца, неоклассический реализм рассматривает государство как совокупность влияния политических, законодательных и исполнительных институтов и характера взаимодействия каждого из этих институтов с обществом. Особенность неоклассического реализма состоит в его стремлении осознать поведение государства с учетом комплекса внутривнутриполитических и международных факторов.

В этой связи, рассматривая подходы к водной справедливости, можно выделить три точки зрения на водные ресурсы как объект:

- 1) гуманитарного;
- 2) биополитического;
- 3) экономического интереса.

Так, вода как *гуманитарный* ресурс рассматривается через призму необходимого условия биологического существования человека. С учетом изменения климата гуманитарный аспект становится все более актуальным для стран с тотальным дефицитом водных ресурсов². За первые два десятилетия XXI века, от засухи пострадало более 1,4 млрд³ человек, и, согласно прогнозам, в ряде регионов Земли частота экстремальных засух будет только возрастать, усиливая

² Водный кризис угрожает миру во всем мире // ЮНЕСКО : официальный сайт. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/vodnyy-krizis-ugrozhaet-miru-vo-vsem-mire-doklad> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Доклад Генерального секретаря: ход достижения целей в области устойчивого развития // ООН : официальный сайт. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2024/secretary-general-sdg-report-2024--RU.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).

тем самым процессы климатической миграции. Последнее, согласно Докладу ООН о состоянии водных ресурсов 2024 г.⁴, приводит к ухудшению водной безопасности в местах расселения, обуславливая рост социальной напряженности и разворачивание гуманитарных катастроф.

Гуманитарный аспект проблемы водodefицита связан также и с тем, что большинство случаев трансграничного использования водных ресурсов не отрегулированы соответствующими соглашениями. Согласно Докладу, около 40 % населения мира проживают в бассейнах трансграничных рек и озер, однако лишь пятая часть стран, совместно владеющих водными ресурсами, заключила трансграничные соглашения об управлении общими ресурсами. Очевидно, что отсутствие нормативно-правовой базы является одной из причин роста количества локальных конфликтов, особенно в странах Ближнего Востока и Африки.

Гуманитарный аспект водной справедливости подразумевает, что прекращение доступа к воде означает и прекращение человеческой жизни. В результате гуманитарная справедливость должна рассматриваться как минимальная необходимость для биологической жизни человека.

Концепция водной справедливости должна также учитывать, что при критической гуманитарной важности вода находится под управлением государства и регулируется национальным правом, то есть зависит от воли и решений суверенной власти. Это дает нам основание рассматривать воду как *ресурс биополитики*.

Наконец, в современном мире вода выступает и как *ресурс экономический*. Водные ресурсы участвуют в экономических отношениях как непосредственно (плата за пользование, продажа водного ресурса, сдача в аренду водоемов для тех или иных видов экономической деятельности), так и опосредованно, как ресурс, участвующий в большинстве производств. Вода как экономический ресурс играет существенную роль во внутренней и внешней политике, затрагивая миллиарды людей и вызывая вопросы о подходах к справедливому распределению и доступу.

Мы видим, что водные ресурсы становятся предметом конкурентной борьбы многочисленных интересов как самого человека, для которого вода является необходимым средством выживания, так и многочисленных субъектов экономической деятельности, преследующих свои интересы.

Кроме того, в конкуренции участвуют субъекты внешнего контура: страны, осуществляющие пользование и управление общими водными ресурсами, руководствующиеся многочисленными внутренними интересами, в том числе вызванными дефицитом воды и изменениями климата, а также международные организации и институты, стремящиеся реализовать идеологию глобального управления природными ресурсами и установления единых этических норм и взглядов.

⁴ The United Nations World Water Development Report 2024: water for prosperity and peace // UN : the official website. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388948> (accessed: 20.12.2024).

Доктрины справедливости использования водных ресурсов и их перспективы в многополярном мире

Аристотель в «Никомаховой этике» пишет, что «справедливое в смысле законного мы различили от справедливого в смысле равного отношения». При этом «равное отношение» может заключаться в справедливости распределяющей и уравнивающей.

Подобные рассуждения о справедливости стали основой для внутривнутриполитических и внешнеполитических правовых конструкций. Все конструкции могут быть рассмотрены в отношении использования ресурсов как непосредственно государствами, так и населением. При этом вопросы справедливости рассматриваются различными сторонами по-разному.

Наиболее детально этот вопрос был проработан в аспекте взаимодействия соседних государств, использующих общий источник воды. Характер подобных взаимодействий отражен в различных доктринах.

Так, *доктрина абсолютного суверенитета* гласит, что страна обладает абсолютным суверенитетом над частью водотока в пределах своих границ. Государство может свободно отводить всю воду из международного водотока, не оставляя ничего для государств, расположенных ниже по течению, и при этом не обязано ни согласовывать, ни консультироваться с другими государствами в отношении своих действий.

И хотя сегодня эта доктрина оспорена, ее влияние значительно не только в области политического диалога или его отсутствия, но и общественного восприятия совместного международного использования рек и озер внутри стран.

В качестве примера проявления этой Доктрины можно взять проект по строительству канала «Кош-Тепа» Правительством Афганистана, который будет отводить до 30 % водотока Амударьи. Афганистан не участвовал в совместных договоренностях об использовании водных ресурсов в регионе Центральной Азии, а реализация строительства «Кош-Тепа» не была обсуждена с заинтересованными странами, несмотря на то, что последствия строительства будут фатальными. Прежде всего — для Узбекистана, который после введения канала в эксплуатацию потеряет до 15 % запасов воды⁵.

Доктрина абсолютной территориальной целостности рассматривает трансграничную реку как общую собственность. Государство, которое находится ниже по течению, имеет своеобразное право «вето» на любые проекты государства, находящегося выше по течению, способные нарушить это течение или привести к изменению русла, скорости потока, объема или качества воды [Schroeder-Wildberg 2002].

Именно с позиции доктрины абсолютной территориальной целостности заключено соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии

⁵ *Seamus D.* What Afghanistan's Qosh Tepa Canal Means for Central Asia // *The Diplomat*. 19.04.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/what-afghanistans-qosh-tepa-canal-means-for-central-asia/> (accessed: 25.11.2024).

по охране и использованию трансграничных вод, которое вступило в силу 25 февраля 1997 г.

Согласно соглашению, стороны разрабатывают единые бассейновые концепции охраны и использования трансграничных вод, определяют межгосударственное распределение водных ресурсов по конкретным водным объектам, согласовывают показатели качества вод в соответствии с международными нормативами, разрабатывают единую нормативно-методическую основу и принципы рационального использования водных ресурсов трансграничных вод.

Обе доктрины оспариваются с точки зрения справедливости, так как лишают одну из стороны возможности использования своего суверенитета в полной мере.

Попытка примирения двух рассмотренных Доктрин была реализована в так называемой *Доктрине ограниченного территориального суверенитета*, которая предусматривает, что государства имеют право эксплуатировать свои водные ресурсы только таким образом, чтобы деятельность на их территории не наносила существенного ущерба водным ресурсам, используемым другими государствами [McCaffrey 2000].

Эту доктрину позиционируют как принцип «справедливого использования», так как здесь одновременно (предполагается, что и в равной мере) ограничиваются суверенитеты государств, находящихся выше по течению, и тех, кто находится ниже. Ее положения нашли отражение в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков ООН 1997 г. В частности, в ст. 5 идет отсылка к использованию, освоению и защите международного водотока «справедливым и разумным образом», что достигается путем выполнения обязательств не наносить своим использованием значительный ущерб общему водному ресурсу⁶.

Однако отметим, что возможные противоречия между «справедливым» и «разумным» в различном прочтении этих терминов, равно как противоречия между «справедливым и разумным» и обязательством не наносить ущерб, в Конвенции никак не разрешены.

Частным случаем доктрины ограниченного территориального суверенитета является *доктрина абсолютной целостности реки*. Она предусматривает, что государство не может изменять естественный поток вод, проходящих через его территорию, если это повлияет на воду в другом государстве. Доктрина подразумевает недопущение возможных изменений как вверх, так и вниз по течению [Giordano, Wolf 2003].

Интерес также представляет *доктрина общности интересов*, которая рассматривает водный ресурс как единую гидрологическую единицу, требующую единого управления [Мейроян 2019]. В рамках этой концепции Ассоциацией международного права в 1966 г. были разработаны так называемые Хельсинские

⁶ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков ООН // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 20.12.2024).

правила использования международных рек⁷, которые вводили такие понятия, как «бассейновый принцип» и «государства бассейна».

Государства одного бассейна имеют право влиять на то государство, которое своими действиями может нанести вред в пределах всей водосборной площади, что существенно расширяет географию взаимодействия, но также и географию потенциального спора и конфликта.

В спорах между государствами бассейна предлагается учитывать целый ряд факторов, которым должен присваиваться тот или иной вес в соответствии с принципами разумности и справедливости, например:

- география бассейна, включая площадь водосборной площади на территории каждого государства бассейна;
- гидрология бассейна, включая вклад воды каждым государством бассейна;
- экономические и социальные потребности каждого государства бассейна;
- интересы населения, зависящего от вод бассейна в каждом государстве бассейна;
- наличие других ресурсов.

В разработке упомянутых Правил осуществлена попытка соединения политического, экономического и гуманитарного взгляда на совместные водные ресурсы, так как предлагается учитывать масштаб и проблематику использования воды конечными потребителями — людьми, зависящими от вод бассейна. Однако в условиях неоклассического реализма многополярности такой подход скорее утопичен.

Примером внутреннего противоречия этой концепции является политика России в части сохранения и защиты озера Байкал, к которому примыкает два региона — Иркутская область и Республика Бурятия, однако в бассейн озера попадает еще и третий регион — Забайкальский край, на население которого распространяются все экологические ограничения жизнедеятельности, что неизменно приводит к социальным претензиям в отношении их справедливости.

Следует отметить, что все рассмотренные выше доктрины являются попыткой универсализации, не учитывающей отход современного мироустройства от космополитических принципов глобалистского развития, а следовательно, усиливающей риск невыполнения глобальных договоренностей.

Тема установления единых принципов справедливости всегда будет сталкиваться с классической ситуацией теории игр, когда преимущество получает тот, кто не будет соблюдать общие правила. При этом в многополярном мире не существует единого признанного арбитра, а значит, не будет существовать и какого-либо механизма восстановления такой справедливости или приведения ее к «единому знаменателю».

⁷ International Law Association The Helsinki Rules on the Uses of the Waters of International Rivers Helsinki // Report of the Fifty-Second Conference, Helsinki, 14–20 August 1966. URL: https://www.internationalwaterlaw.org/documents/intldocs/ILA/ILA-HelsinkiRules1966-as_amended.pdf (accessed: 10.01.2025).

Две проблемы существующего взгляда на водную справедливость

Первая проблема, которая затрудняет выход из тупика водной справедливости, — объектность постановки вопроса. Следует отметить, что вопросы использования водных ресурсов во всех упомянутых выше доктринах рассматривались как задача «дележа» существующего ресурса. Это проблема конкурентного потребления, которая неизбежно ведет к расколу. В этой ситуации в проигрыше остаются жители тех государств, которые слабее. А при отсутствии внешнего арбитра проблема только усугубляется.

Вторая проблема — усиливающиеся климатические изменения, масштабы и сила которых заставляет сегодня некоторых ученых и политиков говорить о наступлении нового геологического периода — антропоцена, что делает многие предыдущие аксиологические и правовые подходы к вопросу водной справедливости попросту неактуальными.

Сегодняшние климатические изменения — это чрезвычайная ситуация, с которой человечество не сталкивалось на своем исторически обозреваемом пути. Как следствие, немногочисленные трансграничные соглашения по совместному использованию водных ресурсов будут де-факто терять свою силу, так как перед суверенной властью возникают задачи выживания и преодоления внутренних гуманитарных и политических катастроф. При этом именно конкуренция за воду может стать триггером региональных столкновений. В то же время существующие институциональные международные механизмы предотвращения напряженности демонстрируют свою полную неэффективность [Лихачева 2023].

Это неудивительно: чрезвычайная ситуация выходит за пределы действующих правовых и даже этических конструкций. Суверенная власть реализует свои полномочия по несоблюдению существующих правовых конструкций и волевому установлению новых правил как на внутреннем, так и на внешнем периметре своей активности. Климатические изменения и ситуация объявленного «антропоцена» уже рассматриваются как исключительная ситуация и вносят существенные изменения в трактовку таких фундаментальных понятий, как «права человека» и «суверенитет» [Николаев 2024a].

В этих условиях понятие «справедливости» по отношению к конкурентному использованию водных ресурсов также лишается своей потенциальной системной основы. А это значит, что попытка решения существующего клубка проблем, ведущего к конфликтам и катастрофам, лежит не в плоскости поиска единых подходов к справедливости распределения, а, как представляется, в плоскости пересмотра отношения к предмету и цели распределения.

Доктрина единства цели

Мировая климатическая политика, базирующаяся на стремлении планетарного воздействия на климат путем снижения выбросов парниковых газов, в политологическом аспекте показала не только свою неэффективность, но и бесперспективность. В этих условиях формирование климатической политики вокруг достижения локальных целей и в рамках территорий, объединенных едиными

проблемами климатических изменений, выглядит значительно более реализуемым проектом в условиях многополярности.

Обозначенная особенность обуславливает необходимость создания новой жизнеспособной доктрины, учитывающей современные вызовы. Водные ресурсы, находящиеся в локальной климатической зоне, должны первоочередным образом рассматриваться не как ресурс потребления, а как инструмент воздействия на локальные климатические условия с целью повышения безопасности жизнедеятельности населения всей климатической зоны, что включает в себя достаточное и безопасное снабжение водой как основы жизнедеятельности, продовольственной и экономической безопасности.

Неизбежность многополярности заставляет дефрагментировать и климатическую политику, рассматривая ее практическую реализацию в масштабе территорий, объединенных едиными климатическими изменениями.

Если посмотреть на существующие водные конфликты, то они происходят как раз в зонах, которые испытывают одинаковые проблемы, связанные с изменениями климата. Исторически цивилизации и народы формировались во многом благодаря единству природных условий, прежде всего обусловленных водой (Л.И. Мечников, К. Виттфогель, Л. Гумилев). Однако последующие исторические события привели к появлению многочисленных границ и государств, политика суверенных властей которых обусловила подходы к использованию общих ресурсов, носящие характер «битвы» за биополитический и экономический ресурс [Mikhalev, Rakhimov 2024].

Если вернуться к первоисточкам цивилизаций, то именно реализация совместных мероприятий по эффективному управлению водными ресурсами с целью нейтрализации локальных изменений климата становится общей целью для всех, кто расположен в локальной климатической зоне. Примером может служить климатическая зона, объединяющая страны Центральной Азии, а также Казахстан и прилегающие степные территории ряда российских регионов.

Все они объединены не только едиными проблемами, связанными с изменениями климата, но и едиными целями по их преодолению. При этом все эти цели лежат в плоскости управления водными ресурсами, а попытки лишь частичного (в границах одного региона) решения существующих проблем не приводят к долгосрочным практическим результатам.

Таким образом, имеет смысл рассматривать формирование новой доктрины, которую можно было бы охарактеризовать как *доктрину единства целей*, где управление водными ресурсами территории, объединенной едиными климатическими условиями и едиными целями по адаптации к изменениям климата и их нейтрализации, обеспечиваются приоритетностью гуманитарного взгляда на понятие справедливости.

Выводы

В условиях складывающейся многополярности и фрагментации международного сотрудничества ответы на глобальный климатический вызов требуют поиска новых подходов. Прежде всего — в части фундаментальных аксиологических основ, таких как «справедливость».

Существующие доктрины справедливого распределения водных ресурсов, как основного фактора локальных климатических изменений, в условиях многополярности демонстрируют свою несостоятельность. Основная причина этого — конфликт между суверенными интересами, столкнувшимися с исключительной ситуацией климатических изменений, и исторически сложившимся взглядом на воду как на предмет потребительской конкуренции.

При усилении влияния климата на локальные территории по всему миру необходим новый взгляд на водные ресурсы как на инструмент достижения целей по адаптации и нейтрализации климатических изменений в пределах локальных климатических зон. В этой связи предлагается Доктрина единства целей — это управление водными ресурсами территории, объединенной едиными климатическими условиями и едиными целями по адаптации к изменениям климата и их нейтрализации.

Поступила в редакцию / Received: 05.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список / References

- Лихачева А.Б. «Ни воды, ни войны»: проблема пресной воды в международных отношениях первой четверти XXI века // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 4. С. 21–36. <http://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-21-36>; EDN: FKSZQZ
- Likhacheva, A.B. (2023). «Neither water, nor war»: The problem of fresh water in international relations of the first quarter of the 21st century. *Journal International Analytics*, 14(4):21-36. (In Russian). <http://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-21-36>; EDN: FKSZQZ
- Мейроян Э.С. Доктрина общности интересов в праве трансграничных водных ресурсов // Регион и мир. 2019. Т. 10, № 5. С. 137–142. EDN: AFBXYF
- Meuroyan, E.S. (2019). The doctrine of community of interests in the law of transboundary water resources. *Region and World*, 10(5), 137–142. (In Russian). EDN: AFBXYF
- Николаев Н.П. Климатическая политика и права человека // Вопросы политологии. 2024. Т. 14, № 3 (104). С. 863–877. <http://doi.org/10.35775/PSI.2024.103.3.009> EDN: TPXWIK
- Nikolaev, N.P. (2024a). Climate policy and human rights. *Issues of Political Science*, 14(3), 863–877. (In Russian). <http://doi.org/10.35775/PSI.2024.103.3.009> EDN: TPXWIK
- Николаев Н.П. Климатическая политика в многополярном мире // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13, № 6 (59). С. 1339–1350] <http://doi.org/10.35775/PSI.2024.59.6.020> EDN: LQPQVP
- Nikolaev, N.P. (2024b). Climate policy in a multipolar world. *Eurasian Union: Issues of international relations*, 13(6), 1339–1350. (In Russian). <http://doi.org/10.35775/PSI.2024.59.6.020> EDN: LQPQVP
- Giordano, M A., & Wolf, A.T. (2003). Transboundary freshwater treaties. In M. Nakayama (Ed.), *International waters in Southern Africa* (pp. 71–101). Japan: United Nations University Press.
- McCaffrey, S.C. (2000). Water, water everywhere, but too few drops to drink: the coming fresh water crisis and international environmental law. *Denver Journal of International Law & Policy*, 28(3), 325–337.
- Mikhalev, A.V. & Rakhimov, K.K. (2024). Central Asia in search of water cooperation. *Russia in Global Affairs*, 22(3), 179–184. <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-3-179-184>; EDN: DEOVHK

Schroeder-Wildberg, E. (2002). *The 1997 International Watercourses Convention — Background and Negotiation. Environmental Science, Law, Political Science (Working Paper On Management in Environmental Planning)*. Berlin: Technical University.

Sultana, F., & Loftus, A. (2019). *Water politics: Governance, justice and the right to water*. New York: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780429453571>

Сведения об авторе:

Николаев Николай Петрович — кандидат политических наук, профессор департамента публичного права факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: org@nikolaevonline.ru) (ORCID: 0009-0008-6895-8692)

About the author:

Nikolay P. Nikolaev — Candidate of Political Sciences, Professor of the Department of Public Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (e-mail: niknik@nikolaevonline.ru) (ORCID: 0009-0008-6895-8692)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-39-54

EDN: BZWSAH

Научная статья / Research article

Крепкая пристань суверенитета, или Как строится мировой водный порядок

А.А. Михалева

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Российская
Федерация

✉ afan-project@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ способов совместного осмысления понятий суверенитета и воды как политической сущности (речь о самом широком спектре ее проявлений, от предмета конкретных соглашений, регулирующих отношения на границах национальных государств, до места в современной политической философии). Работа опирается на теорию суверенитета, поэтому ее методологическая основа — сравнительный анализ концепций. Политическая рефлексия по поводу воды связана с понятием суверенитета. Так, вода истолковывается как нечто, неразрывно связанное с национальными границами, разделяющими или, напротив, преодолеваемыми. Использование теории суверенитета дает возможность говорить о реках, протекающих на территории разных государств, об их бассейнах, о доступе к Мировому океану, о климате, питьевой воде, ставить вопросы о локальности и глобальности, об угрозах и безопасности, о сотрудничестве и конфликтах, о прошлом и будущем, о реальном и о потенциальном. Это напрямую влияет на создание общей и понятной всем нормативной системы управления водой (в смысле политической категории), которая активно формируется в последние десятилетия. Для того чтобы определить то, какую связь имеют вопросы воды и суверенитета, был собран и проанализирован большой объем текстов. Каждый из них оценивался с точки зрения значения для создания интерпретационных моделей, лежащих в основе конкретных политических действий: от разработки международных соглашений до описания в медиапространстве предвыборных программ. Основные результаты исследования показали, что суверенитет стал не просто неотъемлемой характеристикой политического осмысления воды, но и инструментом решения конкретных задач. Он создает язык, на котором можно говорить о воде как о ресурсе, который ограничен, требует справедливого распределения, внешнего вмешательства, стоит под угрозой исчезновения, обладает первостепенной важностью для человека и человечества вообще. При этом размытые границы понятия «суверенитет» и споры о его значении лишь способствуют его востребованности, он встраивается в настолько широкий спектр тем, что их может объединять лишь отсылка к воде.

Ключевые слова: суверенитет, вода, концепция, ресурсы, границы, нормы

© Михалева А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Михалева А.А. Крепкая пристань суверенитета, или Как строится мировой водный порядок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 39–54. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-39-54>

Solid Pier of Sovereignty, or How the World Water Order is to be Created

Anastasia A. Mikhaleva

Banzarov Buryat State University, *Ulan-Ude, Russian Federation*

✉ afan-project@mail.ru

Abstract. This paper focuses on analyzing joint thinking about sovereignty and water as a political entity (broadly, from the subject of boundary agreements to the issue of contemporary political philosophy). It is based on the theory of sovereignty, so the methodological basis of the article is a comparative analysis of the concepts. The political reflection of water is intertwined with the concept of sovereignty. Water is interpreted as something inextricably linked to national boundaries, dividing or, conversely, transcending. The concept of sovereignty makes it possible to talk about rivers flowing on the territory of different states, about their basins, about access to the world ocean, about climate, freshwater resources, to raise questions about local and global, threats and security, cooperation and conflicts, the past and the future, the real and the potential. This affects the creation of a common and understandable to all normative system of water (as political category) management, which has been actively formed in recent decades. Many texts have been collected and analysed to determine the relationship between water and sovereignty. Each was evaluated in terms of its importance in creating interpretive models underlying specific political actions, from the drafting of international agreements to the description of electoral programs in the media. It was found that sovereignty has been integrated into the political conceptualisation of water and has become a tool for solving specific tasks. It creates a language to talk about water as a resource that is finite, requires equitable distribution, requires external intervention, is in danger of extinction, and is a basic need for humans and humanity. The vague boundaries of the concept of sovereignty and disputes about its meaning only contribute to its relevance. It is present in such a wide range of topics, they can only be united by a reference to water.

Keywords: sovereignty, water, concept, resources, borders, norms

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Mikhaleva, A.A. (2025). Solid pier of sovereignty, or how the world water order is to be created. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 39–54. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-39-54>

Введение

Определяющая черта идеи суверенитета — глубина и многослойность. Непрерывающиеся на протяжении столетий споры о том, что есть суверенитет, не отменяют всеобщего понимания его основы — представления о верховной

власти на ограниченной территории. В то же время каждая из этих составляющих обсуждается и переосмысливается, они дают возможность описать и осознать изменения, затрагивающие многие области, одной из которых стал политический вопрос о воде, в первую очередь на международной арене. Здесь в центре внимания находится взаимодействие различных политических акторов, прежде всего национальных государств, по вопросам распределения водных ресурсов.

Цель исследования — анализ способов совместного осмысления понятий суверенитета и воды как политической сущности (речь о самом широком спектре ее проявлений, от предмета конкретных соглашений, регулирующих отношения на границах национальных государств, до места в современной политической философии). При таком подходе можно увидеть пути их пересечения, выявить разные направления трансформации, расширить масштаб анализа, сосредоточившись не на конкретных аспектах гидрополитики и суверенитета, а взглянув на взаимовлияние этих идей. Сфера воды в ее связи с суверенитетом привлекает внимание по множеству причин, которые сложно охватить одновременно. Данное исследование лишь пытается обозначить современные тенденции осмысления суверенитета и воды в политике. Это поле намного глубже, чем кажется на первый взгляд, потому что в его основе лежит отсутствие четких теоретических границ, согласия по поводу единого строгого значения концепций суверенитета или, например, гидрополитики, а также непрекращающиеся изменения. Невозможно свести воду в политике к гидрополитике. Обращение к суверенитету обнаруживает, что вода проявляется как многогранная политическая переменная, которая может быть частью других теорий, подходов, доктрин. Однако это не обесценивает для исследователя место гидрополитики в этой системе. Такая ситуация требует комплексного подхода к изучению.

Во-первых, можно констатировать, что вопросы о воде сейчас сосредоточиваются преимущественно на так называемых трансграничных водах. Вода здесь объединяет политические территории, нарушая модель, лежащую в основе современной международной системы, в основе которой лежит концепция суверенитета. Таким образом, разговоры о воде и суверенитете как о политических категориях тесно переплетены, что приводит к необходимости изучения этого явления.

Во-вторых, сейчас общепризнана первостепенная важность темы воды в политике, особенно на международном уровне. Идеи водного дефицита, нивелирования негативных последствий действий человека, прежде всего индустриальной деятельности (а вода находится среди основных сфер такого воздействия), ограниченного доступа к пресной воде и другие идеи — все они получили статус решающих, а их влияние в будущем, скорее всего, будет только расти.

В-третьих, политика и международное право испытывают на себе глубокие последствия актуализации вопросов, касающихся воды, и их влияния на такие классические категории, как суверенитет. Эта связь стала политической проблемой, требующей специального языка описания, нормативного поля. Она — предмет обсуждения, столкновения и сотрудничества.

В-четвертых, суверенитет и множество концепций, описывающих присутствие воды в политике, объединяет подвижность границ определения, когда

значение сильно варьируется в зависимости от места применения, дисциплинарных границ, подходов и теоретических рамок, в которых идет это применение. Эта спорность вызывает особое внимание при рассмотрении соотношения воды и суверенитета, показывающего, что аналитическая и практическая значимость определений напрямую влияет на их взаимозависимость.

Такая подвижность делает практически невозможным обзор исследований, обращающихся к воде и суверенитету вообще. Огромное количество подобных работ посвящено практическим аспектам присутствия этих понятий в политике, еще больший масштаб у работ, которые не выделяют взаимосвязь этих понятий, а обращаются к одному из них в процессе анализа другого. Все они в этом исследовании являются объектами анализа, поскольку оно направлено на выделение особенностей осмысления суверенитета и обращения к воде в политическом пространстве. Интерес представляют классические теоретические работы, оказавшие наибольшее внимание на сформировавшуюся модель понимания взаимного пересечения суверенитета и воды, новые работы, фиксирующие текущее положение дел. Кроме того, будут рассмотрены и тексты иного характера, обладающие наибольшим влиянием: нормативные акты, политические заявления, аналитические отчеты и другие подобные документы.

Смыслы воды

Статус воды как важнейшей составляющей международной политики в современном мире стал обыденной практикой. Он объясняет необходимость обращения к воде, что характерно для текстов разного характера, в том числе для научных. При этом они могут не специализироваться только на ней. Вода может входить в темы окружающей среды [Mitchell 2008], климата¹, сельского хозяйства², гендерного неравенства [Meinzen-Dick, Zwartveen 1998] и многие другие. Анализ показывает, что акцент на важности воды чаще всего призван привлечь внимание к необходимости использования конкретного подхода. Подход в данной ситуации — это не просто концепция анализа, это единая совокупность, определяющая понимание воды в политике: теоретические рамки, объект и предмет обсуждения, выбор идей, на основе которых выстраивается этот подход и другие подобные характеристики. Разговор о глобальности отсылает к модели глобального управления, о дефиците — к ресурсному подходу и т. д. Даже водная политика («water politics») отягощается необходимостью считаться с подходом, который за ней стоит. Это может быть управление общими водными ресурсами и уход от конфликтов в этой области в поле международных

¹ Вода: в центре климатического кризиса // ООН : официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/science/climate-issues/water> (дата обращения: 30.08.2024).

² Интервью с директором Отдела земельных и водных ресурсов ФАО Ли Лифэном // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/water-scarcity-means-less-water-for-agriculture-production-which-in-turn-means-less-food-available-threatening-food-security-and-nutrition/ru> (дата обращения: 30.08.2024).

отношений или более широкое понятие, включающее в себя внутреннюю политику и понятие повседневного политического использования. Есть и подходы, ставящие знак равенства между водной политикой и гидрополитикой [Ribeiro, Sant'Anna 2014], которая, в свою очередь, также не имеет единого понимания. Международный масштаб обсуждения воды приводит к тому, что основной акцент ставится на взаимоотношениях суверенных государств. Разные понимания и разные подходы позволяют причислять к агентам «политики воды» и транснациональный бизнес, и международные неправительственные организации, но, несмотря на отличия, все соглашаются, что таким статусом обладает «суверенное государство на анархистской арене», и когда речь заходит о воде, споры возникают лишь об излишней концентрации на нем [Warner, Wegerich 2010: 7–8].

Идея ресурса — центральная для воды. Когда в современном мире бытие понимается как сущее, доступное для использования, о чем говорили постмодернисты [Heidegger 1962: 95–107], вода определяется как нечто полезное, готовое к употреблению. Так в основном и воплощается тема воды в политике: пресная вода, двигатель для гидроэнергетики, транспортный путь, место для жизни рядом. Ресурсный подход предписывает не только основные сюжеты (и в науке, и в политике), но и проблемы. Если видеть в воде ресурс, то главной проблемой становится его дефицит, доступ к нему и эффективное использование. Значимость водного кризиса нарастает, и он может определяться переломной точкой в развитии цивилизации, способной изменить существующий миропорядок [Суздалева 2020: 53]. Поднимается вопрос о разумности или справедливости распределения, и поскольку территориальные границы государств создают асимметрию бассейнов, суверенитет играет ключевую роль в этой картине [Miyumachi 2015: 13]. Использование гидроресурсов напрямую вписывается в возможность отстаивать свои национальные интересы и извлечь определенные выгоды [Белозеров 2009: 160]. Пресная вода объявляется фундаментальным ресурсом, неотъемлемой частью активности, включая производство продуктов питания, энергии, функционирование транспорта, утилизацию отходов, промышленное развитие и здоровье человека [Gleick 1993: 79]. Но ценность воды обуславливается ее дефицитностью, поэтому на первый план выходят неравномерность ресурсов и нерегулярность доступа к ним. Эти характеристики стали решающими для политического понимания вопроса о пресной воде. Дефицит пресной воды, который актуализируется в последние десятилетия, превратил эффективность использования водных ресурсов в один из важнейших стратегических источников укрепления силы любого государства на международной арене³. Мировой масштаб анализа делает суверенитет его составляющей. Если проблемы объявляются общими, пересекают национальные границы и выходят на глобальный уровень, как глобальность дефицита пресной воды [Данилов-Данильян 2008]), то взгляд в рамках национального государства не видится достаточным. Как пишут Дойл, МакЭккерн и МакГрегор, понимание

³ Лихачева А.Б. Дефицит воды как фактор современных международных отношений: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Москва, 2015. С. 3–4.

того, в какой степени мировая политика и международная система способны справиться со сложностью глобальных экологических проблем, требует сравнения, а это воспроизводит идею национального суверенитета [Doyle, McEachern, MacGregor 2001: 190–191]. Вода становится неотъемлемой частью национальной идентичности, а нации и государственное строительство могут рассматриваться в качестве основы для объяснения растущей вероятности водных конфликтов, которые локализуются в регионах с напряженной ситуацией, например, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, на Индийском субконтиненте⁴. Такое обращение к воде приводит к идее суверенитета, который является категорией современного национального государства. Вода выступает как предмет столкновения их интересов, оцениваются потребности, количество получаемой воды, наличие дефицита, экологические последствия, хозяйственная деятельность.

Еще с начала 1990-х гг., когда тема воды и политики стала набирать популярность не только среди ученых, но и среди политиков и общественности, наибольший резонанс получили «водные войны». Вода была объявлена предметом серьезных межгосударственных конфликтов, особенно между странами, через которые протекает одна река [Frey 1993]. Несмотря на то, что эти работы часто цитируются и сегодня, на первый план вышла будущность столкновений, потому что ни один конфликт еще не объявили полностью водным. Возможно выделение проблемы воды как составляющей общего фактора, но чаще всего столкновения определяются как угроза. Конкретные конфликты, имеющие отношение к воде (и текущие, и потенциальные), чаще всего выступают как иллюстрация общей проблемы на глобальном уровне. При этом обращение к суверенитету не сливается с общемировым масштабом анализа и фокусом на международных отношениях. Даже выделение местного, национального, регионального и собственно глобального уровней конкуренции или сотрудничества групп интересов по поводу водных ресурсов все равно ставит воду в позицию главного предмета обеспокоенности для страны, подчеркивает важность воды для ее развития, безопасности и благосостояния [Mokhtari Hashi, Kavianirad 2019: 15].

Вода нагружается условными характеристиками, быстро считываемыми символами для обсуждения взаимоотношений государств на международном уровне. «Голубая вода» обычно олицетворяет чистую питьевую воду, этот термин присутствует в дискуссиях о дефиците, международном влиянии и давлении одних государств на другие. «Зеленая вода» дает возможность говорить о неочевидном присутствии темы воды в далеких, на первый взгляд, от нее вопросах (в частности, в дискуссии о сельском хозяйстве в концепции «виртуальной воды»). «Кровавая вода» считывается как причина вооруженных конфликтов. Эти наименования воды становятся способом изучения воды как товара, позиции суверенных государств на международной арене и поднимают вопрос об их взаимозависимости [Woertz 2022].

⁴ *Allouche J.* Water nationalism: An explanation of the past and present conflicts in Central Asia, the Middle East, and the Indian Subcontinent : Unpublished Ph.D. dissertation. Universite de Geneve, 2005.

Различие способов понимания статуса воды в политике, связанных с ней проблем и методов их решения не отменяет сходного для них языка, где вода расценивается как потребность, а пресная вода — как базовая потребность человека. Это обосновывает необходимость оценки количества, качества воды и их изменений. А они уже позволяют говорить о дефиците, конфликтах, сотрудничестве, опасностях в будущем, трансграничных водах и национальных интересах. Созданы узкоспециализированные показатели потребностей в воде, например, «водный стресс» — соотношение использования воды к ее доступности или «уровень дефицита» — соотношение количества доступной воды в регионе с пороговыми значениями (показатель менее 1700 м³ на человека в год определяет ситуацию в качестве конкуренции за водные ресурсы [Falkenmark, Rockström 2004]).

Таким образом, потребность в воде, которой нет замены во многих областях, поднимает вопрос об истощении этого ресурса. Это ведет за собой прогнозирование конфликтов между агентами, пытающимися восполнить запасы. Этими агентами выступают суверенные государства, поскольку водоемы и речные бассейны локализуются в их границах. Территориальное разделение поднимает проблему трансграничных вод и столкновения интересов. Осмысление воды и политики не ограничивается пресной водой, но и другие аспекты понимаются через ту же модель, когда потребности требуют оценки ресурсов, их распределения и угроз. Глубоководная часть океана как ресурс тоже отсылает к интересам национальных государств [Moore, Squires 2016: 101], а уязвимость государства перед международным сообществом при наводнении, цунами или другим стихийным бедствием может напрямую ставить вопрос о границах суверенитета⁵. С 1990-х гг. все больше растет количество отсылок к воде как к категории политических исследований, политической повестки, конкретных политических документов и действий. Сформировались многочисленные точки пересечения воды и суверенитета, испытавшие на себе воздействие множества создателей смыслов, с их проблемами, предметами, темами и уровнями анализа.

Однако не стоит забывать, что связь воды и суверенитета намного глубже. Еще Карл Шмитт писал о восприятии пространства через противопоставление Земли и Моря. Логика Земли покоится на пространственных разграничениях, и она фундаментальна политична [Де Бенуа 2013 144]. Вода, которую вписывают в разделенное на четко ограниченные участки пространство, и составляет доминирующий сейчас общий подход. Как подчинить эту неустойчивую и текучую стихию порядку, границам, законам, и собственно суверенитету?

Практические смыслы

Критический анализ текстов последних нескольких десятков лет позволяет говорить о невозможности выделить четкую причинно-следственную зависимость, которая бы определяла востребованность суверенитета в качестве

⁵ After the storm // Aeon. URL: <https://aeon.co/essays/disaster-relief-as-a-threat-to-state-sovereignty> (accessed: 30.08.2024).

неотъемлемой составляющей понимания воды в политике. Она может быть зафиксирована, но множество связей, на которые она распадается при ближайшем рассмотрении, делают ситуацию принципиально неоднозначной. Тему воды затрагивают самые разные вопросы, каждый из них может выдвигаться в центр обсуждения в своей сфере. Эта тесно переплетенная совокупность проявляется в большом количестве постоянно трансформирующихся теорий, призванных ее интерпретировать. Но все это касается не только воды, но и суверенитета. При этом неодинаковые определения и практики их использования сами становятся объектом анализа, когда выделяются и фиксируются особенности параллельного сосуществования определений. Суверенитет постоянно разграничивается, выявляются его смыслы и границы применения, но вместе с тем подчеркивается единство: он не распадается на отдельные термины. Конец суверенитета обсуждается и рассматривается, но доминирует отказ от этой мысли⁶. Он выступает как некий дискурс, как концепция, как политическая практика и как нормативный принцип, определяющий международные отношения. И в каждом из этих направлений его осмысления присутствуют споры о том, что он означает, как соотносится с другими понятиями, как вписывается в контекст, что есть во времени. Это касается не только текстов, транслируемых источниками разных категорий (законов, заявлений политиков, международных соглашений, экспертных заключений или медиа), но и научной литературы. Анализ этого многообразия, поиск того, как это явление определяет заинтересованность ученых и научных дисциплин в определенном плюрализме, влияет на аксиологический выбор, тесно связанный с отдельными лицами, сообществами и/или государствами, — все это отдельные направления анализа [Núñez 2024]. Идея суверенитета распространяется из одного времени, места или интеллектуального контекста в другое. И этот процесс также подвергается анализу, например, как процесс «диффузии» или даже «заражения» [Nardin 2014].

Суверенитет характеризует одна из важнейших его характеристик — парадокс, который заключается в том, что суверен, обладая законной властью приостанавливать действие закона, ставит себя вне закона [Агамбен 2011: 22], то есть он одновременно внутри и за пределами правовой системы⁷. Этот парадокс хорошо отвечает актуальным запросам при создании политического отображения воды. Всеобъемлющая основа, заключающая в себе противоречия, позволяет описать огромное количество разных процессов и явлений, которые в сущности объединяет лишь тема воды. Суверенитет, как бы он ни понимался, выступает абстрактной концепцией власти, а общая воля, которая теперь приоритетна для его понимания⁸, не является по своей природе незыблемой, она говорит в изменяющихся нормах [Де Жувенель 2010 76]. Идея суверенитета дает возможность

⁶ См.: [Pemberton 2000; Ward 2003]; *Lewis F.* The End of Sovereignty // *The New York Times*. May 23, 1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/05/23/opinion/the-end-of-sovereignty.html> (accessed: 30.08.2024).; *Milanesi N.* The End of Sovereignty as We Knew It // *Political Critique*. May 24, 2019. URL: <https://politicalcritique.org/world/eu/2019/the-end-of-sovereignty-as-we-knew-it/> (accessed: 30.08.2024).

⁷ Шмитт К. Политическая теология, цитируется по Агамбену [Агамбен 2011: 22].

⁸ В отличие от божественной [Де Жувенель 2011: 76].

обсудить способ установления политического порядка, который актуален, когда речь идет о воде. Нарастающий с начала 1990-х гг. объем текстов, описывающих конкретные политические ситуации⁹, постепенно создает модель, в которой вода больше не является необычным вопросом. Для этой модели выявляются повторяющиеся правила и взаимосвязи. Вода становится нормальностью, и уже в ее рамках поднимается вопрос о том, кто имеет власть над определением структуры политико-правового порядка.

Здесь и возникают эти главные направления осмысления воды, которые ее структурируют, а они, в свою очередь, распадаются на другие, меньшего масштаба (как «магистральные сюжеты» пресной воды [Лихачева 2013: 498–499]). Ресурсная природа воды ставит конфликт в основу понимания отношений на международном уровне, даже если подчеркивает значение сотрудничества [Vukovic 2008]. Упор на изменении количества ресурса и доступа к нему выдвигает вперед практику прогнозирования, когда анализируются негативные сценарии, угрозы, причины еще не случившихся конфликтов [Джамалов, Хасиев 2011: 45]. Водная безопасность предлагается на замену другим парадигмам в политике природных ресурсов¹⁰. Особенно ярко это проявляется при обсуждении транснациональных рек: и в науке, и в политике, и в публичной сфере. Суверенитет становится базой для создания конкретных инструментов, ведь если вода понимается как ресурс, то она может выступать объектом перераспределения в условиях растущего дефицита [Water Trading... 2012]. Есть и направление глобальности, когда в центр ставится или призыв к глобальному управлению водой (по крайней мере к многоуровневой конструкции, включающей значительное глобальное измерение [Pahl-Wostl, Gupta, Petry 2008] или, напротив, важность (в разной степени, вплоть до первичности) власти на уровне отдельных государств. Суверенитет позволяет говорить о столкновении этих подходов. Так становится возможным видеть на глобальном уровне «квазиколонизацию» [Воловиков 2024 : 54] или противопоставлять «местные силовые игры» глобальному управлению [Water politics... 2008: 32], а зависимость человеческой жизни от глобально связанных семян и воды (речь буквально идет о концепции не зависящего от национальных границ движения семян и воды) подводит к несостоятельности управления на национальном уровне¹¹. Может рассматриваться и лидерство конкретной страны в глобальных масштабах через вопросы воды¹² или ее влияние, например, через соответствующие технологии

⁹ Появляются не просто отдельные эмпирические описания, но и их сборники, в том числе в научной сфере [The Politics of Water... 2010].

¹⁰ Larson Rh. Water Security // Water Security, Northwestern University Law Review. 2017. Vol. 112, no. 2. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/nulr/vol112/iss2/1> (accessed: 30.08.2024).

¹¹ Bonosree R. Bringing Shared Natural Resources under the Global Commons Governance: Seeds and Water in Context // Human Rights and Bangladesh: Leadership in Prospect. ELCOP, 2022. P. 47–61.

¹² Savoy C.M., Staguhn J. The Importance of Water in Foreign Policy // Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/importance-water-foreign-policy> (accessed: 30.08.2024).

[Houston, Griffiths 2008]. Трансграничные воды, чаще всего рассматриваются как проблемы регионов [Лузянин, Сафронова 2010], но на этом уровне возникает вопрос о том, кто обладает властью определять нормы. Интерпретация загрязнений, крупных плотин и других явлений может нивелировать «аргумент национальных интересов» [McCully 2001], создавать доводы в пользу международных норм, ограничивающих определенным образом суверенитет.

Ограниченность суверенитета — один из самых спорных вопросов при его разработке, но неоднозначность способствует описанию воды, потому что позволяет охватывать разные, даже диаметрально противоположные ситуации. Суверенитет может обосновывать защиту от вмешательства и быть частью «санкционированного вмешательства». Кофи Аннан, будучи Генеральным секретарем ООН, объявил, что водный вопрос одним из приоритетных среди проблем, ожидающих человечество в XXI в. [Жильцов, Зонн 2008: 49] (что отражено в Декларации тысячелетия ООН¹³), а следом за этим созвал международную комиссию по вмешательству и государственному суверенитету, по результатам работы которой суверенитет получил определение, санкционирующее внешнее вмешательство¹⁴. Ограниченность суверенитета, как бы ее ни обосновывали, прежде всего в международных отношениях, отнюдь не поглощает всю концепцию, сильны подходы, когда отрицается частичность суверенитета: он может быть только присутствующим либо отсутствующим [James 1999, 462–464]. Нет единого ответа на вопрос, способствует ли сотрудничеству в постмодернистском мире национальный суверенитет или мешает ему.¹⁵

Суверенитет стал частью языка, на котором говорят о воде. Он выступает и как проблема, отягощающая политические действия в сфере воды [Keskinen, Salminen, Naarala 2021], и как часть благоприятного сотрудничества по поводу трансграничных водотоков (выступает базовым принципом в Конвенции ООН¹⁶ о несудоходном использовании международных водотоков 1997 г.)¹⁷. Вообще международные организации, особенно крупнейшие и наиболее влиятельные, такие как ООН, интенсивно транслируют язык, в котором вода обладает

¹³ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8.09.2000 // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 30.08.2024).

¹⁴ Симонович И. Ответственность по защите // ООН : официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21872> (accessed: 30.08.2024).

¹⁵ Grandi M. *Hydropolitics in Transboundary Water Management: Conflict, Cooperation and Governance along the Nile River*. Unpublished Ph.D. dissertation, Sant'Anna School of Advanced Studies, 2016. URL: https://www.iris.sssup.it/bitstream/11382/526628/1/Grandi%20%282016%20PhD%20Dissertation%29_Hydropolitics_in_TWM_low%20quality.pdf (accessed: 30.08.2024).

¹⁶ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21.05.1997 // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (accessed: 30.08.2024).

¹⁷ Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России: экспертно-аналитический доклад / А.А. Орлов, А.Л. Чечевишников, Е.С. Алексеенкова [и др.] ; МГИМО (У) МИД России, Институт международных исследований. Москва : МГИМО (У) МИД России, 2011. С. 27.

сильнейшим политическим влиянием, она «может создать мир или разжечь конфликт»¹⁸. Он используется даже экономическими организациями (агентствами развития, финансирования), которые играют сильную роль в разработке локальной водной политики, до такой степени, что национальный суверенитет ставится под вопрос [Mollinga 2008: 25]. ЮНЕСКО в своей цифровой библиотеке, которая объявлена ключевым инструментом, способствующим «выполнению миссии ЮНЕСКО по построению мира в умах людей»¹⁹, собирает информационные материалы, соответствующие выбранному подходу к воде, ее управлению и границам вмешательства в суверенитет стран²⁰.

Нехватка водных ресурсов, базирующиеся на ней угрозы, сюжеты симбиоза воды и суверенитета дают возможность предлагать инструменты и способы изменения опасных ситуаций, а сущность этих инструментов может кардинально отличаться, но в большинстве своем «переустройство водного мира» обосновывается объединяющими началами [Чернявский 2022: 135], которые требуют всеобщего вмешательства, выработки актуальной концепции суверенитета, отвечающей современным «водным запросам».

В итоге понятие воды неразрывно связывается с суверенитетом и современным государством. «Огосударствление» [Boelens et al. 2016] гидросоциальной территории создает пространство с иерархическими отношениями, где переплетаются технологические, промышленные, государственно-административные и научные сети знаний, способствующие тому, что отвечает нелокальным экономическим и политическим интересам [Boelens, Hoogesteger, Swyngedouw, Vos, Wester 2016: 6]. Все это выражает столкновение различных взглядов в процессе разработки «водного» политического порядка.

Заключение

Вода как политическая категория имеет множество коннотаций: политическая проблема, политический вопрос, составляющая других проблем и вопросов, элемент структуры, фактор влияния, причина изменений и др. Этот язык воплощает сформировавшийся к сегодняшнему дню подход к ее пониманию. Проблема воды акцентирует внимание на опасностях, которые к ней привязывают, от дефицита пресной воды до «войн за воду». Постановка «вопроса воды»

¹⁸ Water and Peace // UN-Water (United Nations). URL: <https://www.unwater.org/water-facts/water-and-peace> (accessed: 30.08.2024).

¹⁹ Цифровая библиотека ЮНЕСКО. URL: <https://unesdoc.unesco.org/about> (дата обращения: 30.08.2024).

²⁰ В качестве примера можно привести: Delli Priscoli J., Wolf A.T. *Managing and Transforming Water Conflicts*. Cambridge University Press: Cambridge, 2009. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000188938> (accessed: 30.08.2024).; Vinogradov S.V., Wouters P., Jones P. *Transforming potential conflict into cooperation potential: the role of International Water Law // The report UNESCO's International Hydrological Programme*. 2003. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000133258> (accessed: 30.08.2024).; *Transforming potential conflict into cooperation potential: the role of international water law* <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000133258> (accessed: 30.08.2024).

обосновывает внимание к ней, выявляет необходимость регулирования, а значит, выработки и реализации соответствующей политики, в том числе на глобальном уровне. Множество конструкций описывают текущие политические процессы, объясняя место воды и ее роль.

Этот сложный масштабный подход, вклад в который вносит большое количество акторов самого разного уровня и типа, с одной стороны, отвечает текущим запросам и определяет политику, а с другой — сам влияет на то, как понимается вода и все, что с ней связано. Интерес к этой области привел к быстрому изменению статуса темы воды в политике, что повлекло за собой взрывной рост текстов, поднимающих этот вопрос: научных, экспертных, нормативных, журналистских и т. д. При этом важна не только популярность, но и значение темы воды. Сейчас это один из главных вопросов мирового уровня.

Масса текстов, которая кажется хаотичной, при близком рассмотрении распадается на ограниченное количество проблемных рамок, в которых воспроизводится акцент на недостаточности воды, ее неравномерности, общности обладания, объективности требований к немедленным действиям и т. д. В них вода выступает ресурсом, что неизбежно приводит к вопросу обладания и справедливости распределения. Основой для этого становится идея границ и взаимозависимости, что заставляет в итоге обращаться к концепции суверенитета. Он включается в разговор о воде даже в том случае, когда отсутствуют его прямые упоминания. Государственные границы и их пересечение, сотрудничество или конфликты национальных государств, наднациональные организации и их влияние, соглашения и международные нормы, независимость и вмешательство в национальную политику, власть и ее рамки — все это основные элементы обсуждения воды в политике. И одновременно они составляют суверенитет — его обсуждение, понимание, споры о его природе, формальная фиксация строятся вокруг этих же элементов.

Востребованность такой взаимосвязи проявляется и в концептуальной аморфности этих понятий. Подвижность границ определений при общедоступности их понимания привлекает на разных уровнях, поскольку позволяет описывать сложные явления, включая их в существующую систему смыслов, и в то же время выделять особенности конкретной ситуации и уникальность способа ее понимания. Она дает возможность отразить двойственность того, на что направлено внимание. Границы (во всех смыслах, от государственных границ до границ, причисляемых экономике, природе или теории) становятся определяющим понятием для темы воды в политике — важно, что происходит и внутри, и за их пределами. Так суверенитет проявил себя как основа видения воды в современной политике.

Поступила в редакцию / Received: 04.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 07.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Агамбен Д. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. Москва : Европа, 2011.
- Белозеров В. Страсти по воде // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7, № 3. С. 150–160. EDN: TJZVEB
- Воловиков А.Г. Пресная вода как стратегический ресурс в международной политике // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 176–181. <http://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9967>; EDN: JEJNUD
- Данилов-Данильян В. Глобальный дефицит пресной воды // Международная жизнь. 2008. № 8–9. С. 154–160. EDN: JUOLPP
- Де Бенуа А. Карл Шмитт сегодня. Москва : ИОИ, 2013.
- Де Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания. Москва : ИРИСЭН, Мысль, 2010.
- Джамалов Р.Г., Хасиев Р.С. Современная водная дипломатия // Природа. 2011. Т. 1153, № 9. С. 44–51. EDN: OFAUTB
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. Т. 14, № 3 (86). С. 49–62. EDN: OWMNEZ
- Лихачева А.Б. Проблема пресной воды как структурный фактор мировой экономики // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17, № 3. С. 497–523. EDN: RNLYNV
- Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. Дефицит воды — глобальный вызов КНР–РФ–Казахстан. Как распорядиться водой? // Азия и Африка сегодня. 2010. Т. 638, № 9. С. 34–38. EDN: OFNWUF
- Суздалева А.Л. Россия и глобальный водный кризис // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 4. С. 53–59. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-53-59>; EDN: OYTKZE
- Чернявский С. О политике использования водных ресурсов в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 1. С. 135–138. EDN: VNOEJD
- Boelens R., Hoogesteger J., Swyngedouw E., Vos J., Wester P. Hydrosocial territories: a political ecology perspective // Water International. 2016. Vol. 41, no. 1. P. 1–14. <http://doi.org/10.1080/02508060.2016.1134898>; EDN: XZKLWN
- Doyle T., McEachern D., MacGregor S. Environment and Politics. 2th ed. London: Routledge, 2001. <http://doi.org/10.4324/9780203383704>
- Falkenmark M., Rockström J. Balancing water for man and nature: The new approach to ecohydrology. London : Routledge, 2004. <http://doi.org/10.4324/9781849770521>; EDN: UUTZIH
- Frey F.W. The Political Context of Conflict and Cooperation Over International River Basins // Water International. 1993. No. 18. P. 54–68. <http://doi.org/10.1080/02508069308686151>
- Gleick P.H. Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security // International Security. 1993. Vol. 18, no. 1. P. 79–112. <http://doi.org/10.2307/2539033>
- Heidegger M. Being and Time. New York : Harper & Row, 1962.
- Houston W., Griffiths R. Water the final resource: how the politics of water will impact on the World. Petersfield; Harriman house, 2008.
- James A. The Practice of Sovereign Statehood in Contemporary International Society // Political Studies. 1999. Vol. 47, no. 3. P. 457–473. <http://doi.org/10.1111/1467-9248.00212>
- Keskinen M., Salminen E., Haapala J. Water diplomacy paths — An approach to recognise water diplomacy actions in shared waters // Journal of Hydrology. 2021. Vol. 602. P. 1–13. <http://doi.org/10.1016/j.jhydrol.2021.126737>; EDN: INIUEJ
- McCully P. Silenced Rivers: The Ecology and Politics of Large Dams. London : Zed Books, 2001.
- Meinzen-Dick R., Zwartveen M. Gendered participation in water management: Issues and illustrations from water users' associations in South Asia // Agriculture and Human Values. 1998. Vol. 15, no. 4. P. 337–345. <http://doi.org/10.1023/A:1007533018254>; EDN: AHFPCZ

- Mirumachi N.* Transboundary Water Politics in the Developing World. Abingdon, UK : Routledge, 2015. <http://doi.org/10.4324/9780203068380> EDN: XYPSKJ
- Mitchell R.B.* International environmental politics. Los Angeles : SAGE, 2008. <http://doi.org/10.4135/9781446262108>
- Mokhtari Hashi H., Kavianirad M.* Explaining the Hydropolitics Concept // *Journal of Water and Sustainable Development*. 2019. Vol. 6, no. 2. P. 15–26. <http://doi.org/10.22067/jwsd.v6i2.75117>
- Mollinga P.P.* Water Policy — Water Politics // *Water Politics and Development Cooperation* / ed. by W. Scheumann, S. Neubert, M. Kipping. Berlin, Heidelberg : Springer, 2008. P. 1–29. http://doi.org/10.1007/978-3-540-76707-7_1
- Moore S., Squires D.* Governing the Depths: Conceptualizing the Politics of Deep Sea Resources // *Global Environmental Politics*. 2016. Vol. 16, no. 2. P. 101–109. http://doi.org/10.1162/GLEP_a_00347; EDN: YDWZFN
- Nardin T.* The Diffusion of Sovereignty // *History of European Ideas*. 2014. Vol. 41, no. 1. P. 89–102. <http://doi.org/10.1080/01916599.2014.948293>
- Núñez J.E. State Sovereignty: Concept and Conceptions // *International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2024. No 37. P. 2131–2150. <http://doi.org/10.1007/s11196-024-10170-y>; EDN: XUCEUD
- Pahl-Wostl C., Gupta J., Petry D.* Governance and the Global Water System: A Theoretical Exploration // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2008. Vol. 14, no. 4. P. 419–435. <http://doi.org/10.1163/19426720-01404003>
- Pemberton Ja.C.* The ‘End of Sovereignty’? // *Contending Images of World Politics* / ed. by G. Fry, J. O’Hagan. London : Palgrave, 2000. P. 91–105. http://doi.org/10.1007/978-0-333-98553-3_7
- Ribeiro W.C., Sant’Anna F.M.* Seguretat hídrica i conflicte i cooperació interestatals // *Documents d’Anàlisi Geogràfica*. 2014. Vol. 60, no. 3. P. 573–596. <http://doi.org/10.5565/rev/dag.150>
- The Politics of Water: A Survey* / ed. by K. Wegerich, J. Warner. London : Routledge, 2010. <http://doi.org/10.4324/9780203849187>
- Vukovic M.* International water disputes and cooperative responses to water stress // *Sociološki pregled*. 2008. Vol. XLII, no. 2. P. 241–260. <http://doi.org/10.5937/socpreg0802241V>
- Ward I.* The End of Sovereignty and the New Humanism // *Stanford Law Review*. 2003. Vol. 55, no. 5. P. 2091–2112. EDN: FYIETM
- Warner J., Wegerich K.* Is water politics? Towards international water relations // *The politics of water: a survey* / ed. by J. Warner, K. Wegerich. London : Routledge, 2010. P. 3–17.
- Water politics and development cooperation: local power plays and global governance* / ed. by W. Scheumann, S. Neubert, & M. Kipping. Berlin : Springer, 2008. <http://doi.org/10.1007/978-3-540-76707-7>
- Water Trading and Global Water Scarcity: International Experiences* / ed. by J. Maestu. London : Routledge, 2012. <http://doi.org/10.4324/9780203084151>
- Woertz E.* Virtual water, international relations and the new geopolitics of food // *Water International*. 2022. Vol. 47, no. 7. P. 1108–1117. <http://doi.org/10.1080/02508060.2022.2134516>; EDN: IYIECQ

References

- Agamben, G. (2011). *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Moscow: Evropa. (In Russian)
- Belozyorov, V.K. (2009). Passion for water. *Russia in Global Affairs*, 7(3), 150–160. (In Russian) EDN: TJZVEB
- Boelens, R., Hoogesteger, J., Swyngedouw, E., Vos, J., & Wester, P. (2016). Hydrosocial territories: A political ecology perspective. *Water International*, 41(1), 1–14. <http://doi.org/10.1080/02508060.2016.1134898>

- Chernyavskiy, S. (2022). On the policy of water resources use in the 21st century. *World Economy and International Relations*, 66(1), 135–138. (In Russian) EDN: VNOEJD
- Danilov-Danilyan, V.I. (2008). Global freshwater scarcity. *International Affairs*, (8–9), 154–160. EDN: JUOLPP (In Russian)
- De Benoist, A. (2013). *Carl Schmitt in France*. Moscow: IOI. (In Russian)
- De Jouvenel, B. (2010). *On power: The natural history of its growth*. Moscow: IRISEN, Mysl' (In Russian)
- Doyle, T., McEachern, D. & MacGregor, S. (2001). *Environment and politics* (2th ed.). London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203383704>
- Dzhamalov, R.G., & Khasiev, R.S. (2011). Modern water diplomacy. *Priroda*, 1153(9), 44–51. EDN: OFAUTB (In Russian)
- Falkenmark, M., & Rockström, J. (2004). *Balancing water for man and nature: The new approach to ecohydrology*. London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9781849770521>
- Frey, F.W. (1993). The political context of conflict and cooperation over international river basins. *Water International*, 18, 54–68. <http://doi.org/10.1080/02508069308686151>
- Gleick, P.H. (1993). Water and conflict: Fresh water resources and international security. *International Security*, 18(1), 79–112. <http://doi.org/10.2307/2539033>
- Heidegger, M. (1962). *Being and time*. New York: Harper & Row.
- Houston, W., Griffiths, R. (2008). *Water the final resource: How the politics of water will impact on the World*. Petersfield; Harriman house.
- James, A. (1999). The practice of sovereign statehood in contemporary international society. *Political Studies*, 47(3), 457–473. <http://doi.org/10.1111/1467-9248.00212>
- Keskinen, M., Salminen, E., Haapala, J. (2021). Water diplomacy paths — An approach to recognise water diplomacy actions in shared waters. *Journal of Hydrology*, 602, 1–13. <http://doi.org/10.1016/j.jhydrol.2021.126737>; EDN: INIUEJ
- Likhacheva, A.B. (2013). Fresh water problem as a structural factor of world economy. *The HSE Economic Journal*, 17(3), 497–523. (In Russian) EDN: RNLYNV
- Luzyanin, S.G., Safonova, E.I. (2010). Deficiency of water the global challenge China & Russia & Kazakhstan: How to command water? *Asia and Africa today*, 638(9), 34–38. (In Russian) EDN: OFNWUF
- Maestu, J. (Ed.). (2012). *Water trading and global water scarcity: International experiences*. London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203084151>
- McCully, P. (2001). *Silenced rivers: The ecology and politics of large dams*. London: Zed Books.
- Meinzen-Dick, R., & Zwarteveen, M. (1998). Gendered participation in water management: Issues and illustrations from water users' associations in South Asia. *Agriculture and Human Values*, 15(4), 337–345. <http://doi.org/10.1023/A:1007533018254>; EDN: AHFPCZ
- Mirumachi, N. (2015). *Transboundary water politics in the developing world*. Abingdon, UK: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203068380> EDN: XYPSKJ
- Mitchell, R.B. (2008). *International environmental politics*. Los Angeles: SAGE. <http://doi.org/10.4135/9781446262108>
- Mokhtari Hashi, H., & Kavianirad, M. (2019). Explaining the hydropolitics concept. *Journal of Water and Sustainable Development*, 6(2), 15–26. <http://doi.org/10.22067/jwsd.v6i2.75117>
- Mollinga, P.P. (2008). Water policy — water politics. In: W. Scheumann, S. Neubert, & M. Kipping (Eds.), *Water Politics and Development Cooperation* (pp. 1–29). Berlin: Springer. http://doi.org/10.1007/978-3-540-76707-7_1
- Moore, S., & Squires, D. (2016). Governing the depths: Conceptualizing the politics of deep sea resources. *Global Environmental Politics*, 16(2), 101–109. http://doi.org/10.1162/GLEP_a_00347; EDN: YDWZFN
- Nardin, T. (2014). The diffusion of sovereignty. *History of European Ideas*, 41(1), 89–102. <http://doi.org/10.1080/01916599.2014.948293>

- Núñez, J.E. (2024). State sovereignty: Concept and conceptions. *International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique*, 37, 2131–2150. <http://doi.org/10.1007/s11196-024-10170-y>; EDN: XUCEUD
- Pahl-Wostl, C., Gupta, J., & Petry, D. (2008). Governance and the global water system: A theoretical exploration. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, 14(4), 419–435. <http://doi.org/10.1163/19426720-01404003>
- Pemberton, J.A.C. (2010). The ‘end of sovereignty’? In Fry, G. & J. O’Hagan (Eds.), *Contending Images of World Politics* (pp. 91–105). London: Palgrave. http://doi.org/10.1007/978-0-333-98553-3_7
- Ribeiro, W.C., & Sant’Anna F.M. (2014). Seguretat hídrica i conflicte i cooperació interestatals. *Documents d’Anàlisi Geogràfica*, 60(3), 573–596. <http://doi.org/10.5565/rev/dag.150>
- Scheumann, W., Neubert, S., & Kipping, M. (Eds.) (2008). *Water politics and development cooperation: Local power plays and global governance*. Berlin: Springer. <http://doi.org/10.1007/978-3-540-76707-7>
- Suzdaleva, A.L. (2020). Russia and global water crisis. *World Economy and International Relations*, 64(4), 53–59. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-53-59>; EDN: OYTKEZ
- Volovikov, A.G. (2024). Fresh water as a strategic resource in international politics. *Vlast’*, 32(1), 176–181. (In Russian) <http://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9967> EDN: JEJNUD
- Vukovic, M. (2008). International water disputes and cooperative responses to water stress. *Sociološki pregled*, 42(2), 241–260. <http://doi.org/10.5937/socpreg0802241V>
- Ward, I. (2003). The end of sovereignty and the new humanism. *Stanford Law Review*, 55(5), 2091–2112. EDN: FYIETM
- Warner, J., & Wegerich, K. (2010). Is water politics? Towards international water relations. In J. Warner & K. Wegerich (Eds.), *The politics of water: A survey* (pp. 3–17). London: Routledge.
- Wegerich, K., & Warner, J. (Eds.) (2008). *The Politics of Water: A Survey*. London: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203849187>
- Woertz, E. (2022). Virtual water, international relations and the new geopolitics of food. *Water International*, 47(7), 1108–1117. <http://doi.org/10.1080/02508060.2022.2134516>; EDN: IYIECQ
- Zhiltsov, S.S., & Zonn, I.S. (2008). Fight for water. *Security Index*, 14(3), 49–62. (In Russian) EDN: OWMHEZ

Сведения об авторе:

Михалева Анастасия Анатольевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (e-mail: afan-project@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3662-1071)

About the author:

Anastasia A. Mikhaleva — PhD in Politics, Senior Researcher, Center of Political Transformations Studies, Banzarov Buryat State University (e-mail: afan-project@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3662-1071)

ГИДРОПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ HYDROPOLITICS IN CENTRAL ASIA

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-55-65
EDN: BVKXMA

Научная статья / Research article

Гидродоверие в Центральной Азии

К.К. Рахимов¹ , А.Э. Джоробекова²

¹Общественный фонд «Аппликата — центр стратегических решений», Бишкек, Кыргызская Республика

²Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева, Бишкек, Кыргызская Республика

 kubat.rakhimov@gmail.com

Аннотация. Современная ситуация с водными ресурсами республик Центральной Азии характеризуется возрастающим дефицитом воды в регионе, вызванном глобальным изменением климата, увеличением численности населения, ростом экономической деятельности, износом ирригационных систем и другими причинами. Все вышеуказанное актуализирует вопросы активизации региональной интеграции, которая невозможна без наличия взаимного политического доверия, именуемого авторами «гидродоверием». Цель исследования — определение уровня гидродоверия в регионе, а также разработка механизмов, способствующих его укреплению. В сложившихся условиях государствам региона авторами предлагается проводить более скоординированную гидрополитику, направленную на решение проблемы нехватки воды. Осуществить задуманное удастся лишь в случае достижения доверия по данному вопросу между всеми участниками региональной гидрополитики, которое возможно лишь в атмосфере взаимопонимания и обоюдной поддержки. В институциональном плане для решения водных вопросов предлагается рассмотреть региональные надгосударственные структуры, к которым относится Шанхайская организация сотрудничества. В практическом плане делается упор на привлечении финансовых средств для модернизации существующих и возведения новых объектов водной инфраструктуры; цифровизации мониторинга водных ресурсов; использовании имеющегося опыта и обмене практиками решения аналогичных проблем между непосредственными донорами и потребителями водных ресурсов региона. Подчеркивается, что на данный момент Центральная Азия не может представить общий для всех пяти республик проект по развитию водно-энергетического комплекса, однако существующая кооперация, выстраиваемая между государствами региона, пусть и преимущественно в двустороннем

© Рахимов К.К., Джоробекова А.Э., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

формате, все же дает надежду на изменение ситуации в лучшую сторону. Методология исследования представлена анализом совместных проектов и интеграционных процессов в сфере водного хозяйства в регионе.

Ключевые слова: гидродоверие, водная политика в Центральной Азии, гидропроекты, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, РФ, Китай, ШОС

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Рахимов К.К., Джоробекова А.Э.* Гидродоверие в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 55–65. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-55-65>

Hydro Trust in Central Asia

Kubatbek K. Rakhimov¹ , Ainur E. Dzhorobekova²

¹Public Foundation “Applicata — Center for Strategic Solutions”, *Bishkek, Kyrgyzstan*

²Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after Kazy Dikambayeva, *Bishkek, Kyrgyzstan*

 kubat.rakhimov@gmail.com

Abstract. The current situation with the water resources of the Central Asian republics is characterized by an increasing shortage of water in the region caused by global climate change, an increase in population, an increase in economic activity, wear and tear of irrigation systems and other reasons. All of the above actualizes the issues of enhancing regional integration, which is impossible without mutual political trust, referred to by the authors as “hydro-trust”. This work is designed to determine the level of hydro-trust in the region, as well as to develop mechanisms to strengthen it. Under the current conditions, the authors suggest that the States of the region pursue a more coordinated water policy aimed at solving the problem of water scarcity. At the same time, the authors emphasize that it will be possible to implement their plans only if trust is achieved on this issue between all participants in regional hydro policy, which is possible only in an atmosphere of mutual understanding and mutual support. In the institutional plan, it is proposed to consider regional supranational structures, which include the Shanghai Cooperation Organization, to address water issues. In practical terms, the focus is on attracting financial resources for the modernization of existing and construction of new water infrastructure facilities; digitalization of water resources monitoring; use of existing experience and exchange of practices for solving similar problems between direct donors and consumers of water resources in the region. It is emphasized that at the moment Central Asia cannot present a project for the development of the water and energy complex common to all five republics, however, the existing cooperation being built between the states of the region, albeit mainly in a bilateral format, still gives hope for a change in the situation for the better. The research methodology is presented by analyzing joint projects and integration processes in the field of water management in the region.

Keywords: hydro trust, hydro confidence, water policy in Central Asia, hydro projects, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, Russia, China, SCO

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Rakhimov, K.K., & Dzhorobekova, A.E. (2025). Hydro trust in Central Asia. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 55–65. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-55-65>

Введение

На протяжении многих лет водная проблематика оставалась вне поля зрения государств региона, часто ее игнорировали, и лишь в последнее десятилетие она привлекла к себе международное внимание, превращаясь в дестабилизирующий фактор, наиболее ярким свидетельством которого стали полномасштабные боевые действия на киргизско-таджикской границе в 2021 и 2022 гг.

Глобальное потепление и сокращение водных ресурсов региона на фоне увеличения экономической активности государств, помноженные на неэффективное использование имеющегося гидропотенциала, обострили проблему нехватки чистой питьевой воды, а также стали сказываться на состоянии сельского хозяйства, актуализировав вопросы социально-экономического развития сельских районов и продовольственной безопасности [Дмитриева 2019: 42–48].

Меры, ранее принимаемые государствами региона по отдельности и направленные на решение вопросов водного дефицита, лишь смягчают последствия обозначенных выше проблем, кардинально не меня сложившуюся ситуацию.

Постепенно осознавая безальтернативность региональной «водной» интеграции, центральноазиатские республики стали проводить более скоординированную политику. Тем не менее преждевременно говорить о полном взаимопонимании, поскольку оно невозможно без взаимного доверия, которое в нашем случае уместно было бы обозначить как «гидродоверие».

Другими словами, гидродоверие — это основанное на взаимном доверии сотрудничество между государствами, направленное на решение существующих водных проблем.

Проблемы водно-энергетической отрасли — тема, более тридцати лет не теряющая актуальности в Центральной Азии. Страны региона пытаются решить ее с помощью новых гидропроектов — так, например, в июле 2024 г. Казахстан объявил о начале строительства водохранилища «Байдибек ата» в Туркестанской области. По данным Министерства водных ресурсов и ирригации республики, данный объект будет способен собирать 68 млн кубометров воды. Кроме того, до 2030 г. Казахстан планирует построить водохранилище «Боралдай». Вместе водохранилища смогут подавать 113 млн кубометров воды, что может решить вопрос недостатка воды в Туркестанской области, которая находится в пустынной зоне и граничит с Узбекистаном¹.

¹ В Туркестанской области строят новое водохранилище // Центр деловой информации «Капитал». 2024. 27 июля. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/128103/v-turkestan-skoy-oblasti-stroyat-novoye-vodokhranilishche.html> (дата обращения: 02.09.2024).

Узбекистан, в свою очередь, также сталкивается с недостатком воды. По данным ООН, данная ситуация связана с ростом численности населения, которое в 2024 г. перешагнуло отметку в 37 млн человек. В результате увеличиваются потребности в энергии, из-за чего растет и потребление воды. Параллельно с этим процессом наблюдаются изменения климата — за последние пятьдесят лет ледники в бассейне реки Пскем сократились почти на четверть, а ледники в районе Кашкадарьи — на 70 %². Играет свою роль и проблема Аральского моря, объем которого с 1960 г. по сей день уменьшился более чем в 15 раз. Опустынивание приводит к возникновению пылевых бурь, которые распространяются в других регионах и способствуют загрязнению воды.

Кыргызстан также сталкивается с риском таяния ледников, о чем сообщал президент страны Садыр Жапаров³. Об аналогичной тенденции в Таджикистане ранее говорил председатель Комитета охраны окружающей среды республики Баходур Шерализода⁴. Страдает от водного стресса и Туркменистан.

Помимо этого, страны Центральной Азии сталкиваются с трудностями обеспечения доступа населения к питьевой воде, а также постепенным устареванием инфраструктуры водного хозяйства, приводящим к потере ресурсов. Одним словом, дефицит воды становится глобальным вызовом, который чрезвычайно важен для стабильного развития каждой из пяти стран региона. Для решения этой проблемы необходима совместная работа, строящаяся в первую очередь на факторе, который мы называем гидродоверием.

Историческое прошлое и его влияние на гидродоверие в регионе

Говоря о проблемах межгосударственного, регионального или мирового уровня, никак не обойтись без вопроса о доверии. Его дефицит становится одной из самых важных проблем во взаимоотношениях государств и зависит от политических режимов, которые влияют на динамику взаимоотношений со странами-соседями. Подтверждением тому является Центральная Азия, где только несколько лет назад активизировались переговоры о делимитации и демаркации границ между некоторыми республиками, а саммит глав стран региона впервые состоялся только в 2018 г.⁵ Отсутствие регулярных переговоров, регионального взаимодействия и урегулирования проблем демонстрировало

² Состояние экологии в Узбекистане: сокращение объемов ледников усугубляет дефицит водных ресурсов // ООН : официальный сайт. 2024. 12 марта. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/03/1450307> (дата обращения: 02.09.2024).

³ Каримов Д. Власти Кыргызстана заявили об исчезновении каждого третьего ледника // Российская газета. 2023. 6 декабря. URL: <https://rg.ru/2023/12/06/planeta-na-perepute.html> (дата обращения: 02.09.2024).

⁴ В Таджикистане тают ценные для всей Центральной Азии ледники // Портал «Ia-centr.ru». 2023. 20 марта. URL: <https://ia-centr.ru/publications/v-tadzhikistane-tayut-tsennye-dlya-vsey-sentralnoy-azii-ledniki/> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵ В Астане прошла первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии // Исполком СНГ : официальный сайт. 2018. 15 марта. URL: <https://cis.minsk.by/news/8979/v-astane-prosla-pervaa-konsultativnaa-vstreca-glav-gosudarstv-centralnoj-azii> (дата обращения: 02.09.2024).

недостаток доверия на всех уровнях, поэтому мы выделим гидрологический аспект, анализируя совместные проекты в сфере водного хозяйства в регионе, а также интеграционные процессы в данной области и способствующие, либо препятствующие им факторы.

До 1990-х гг. все возможные противоречия в Средней Азии регулировались Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР, несмотря на множество нюансов, существовавших между отдельными республиками и связанных с уровнями поливной воды или регуляции потоков [Булаевский 1925: 11]. Таким образом, почти вся ирригация, мелиорация и гидротехнические сооружения на территории постсоветских стран — это результат централизованного управления в рамках единой системы, поэтому проблем между республиками не возникало. К тому же Советский Союз разграничивал строящиеся ГЭС по целям их деятельности — например, Токтогульская ГЭС на реке Нарын в Кыргызстане использовалась в сельскохозяйственных целях, преимущественно как накопитель, нежели гидроэнергетическое сооружение. После распада СССР многие республики забыли об этом факте, используя станции не по назначению и тем самым нарушая их предназначение, что тоже послужило основанием водно-энергетических проблем внутри стран [Адамкулова, Айтбаев, Данков и др. 2024: 115]. То есть страны ЦА столкнулись с проблемой path dependence, или зависимостью от траектории пути [Михалев, Рахимов 2023:153-162].

Рациональной и сбалансированной водной политики в регионе за все эти годы достичь не удалось, несмотря на существующие международные соглашения. В их рамках Кыргызстан в летний период сбрасывает воду в расположенные ниже по течению Узбекистан и Казахстан для обеспечения полива сельскохозяйственных культур в этих республиках. В результате эти две республики вынуждены строить так называемые контррегуляторы — например, по Нарыну и Сырдарье, чтобы решить вопрос избыточного количества воды. В зимний период же в связи с ростом потребления электроэнергии Кыргызстан получает электричество, согласно системе взаиморасчетов. Однако при этом расходы на содержание водохранилищ лежат на Бишкеке.

Также, несмотря на многочисленные обсуждения, Центральная Азия не может представить общий для всех пяти республик проект по развитию водно-энергетического комплекса [Жильцов 2008: 49–62]. Поэтому можно утверждать: между странами региона нет гидрополитического доверия, они находятся в некой дихотомии, хотя достигли того уровня взаимопонимания, при котором могут формировать общую водную политику.

Уровень гидродоверия в современной Центральной Азии

На сегодняшний день мы видим, что страны региона готовы к совместным проектам, однако чаще всего выбирают инициативы, которые можно реализовать в одиночку для решения преимущественно внутренних проблем, как в случае с водохранилищами в Казахстане. Тем не менее это

позитивный фактор, поскольку строительство подобных объектов важно в случаях паводков и селей, которые нередко распространяются на несколько государств. Водохранилища помогают сохранить избыток воды, которая станет востребована позже, а не дать ей возможность быть унесенной селевым потоком, поэтому у данных водных регуляторов есть полезный отложенный эффект.

Также страны Центральной Азии предпочитают работать в двустороннем формате — узбекско-таджикском, узбекско-кыргызском, узбекско-туркменском и т.д. И вновь это позитивный сигнал. Например, кейс передачи Кемпир-Абадского водохранилища Узбекистану значим не только с точки зрения делимитации и демаркации границ, но и с точки зрения формирования общих механизмов по справедливому распределению водных ресурсов⁶. Тем не менее необходимо понять, как встроить все эти инициативы в широкий многосторонний формат сотрудничества, который выглядит весьма перспективным даже не в рамках форматов ЕАЭС+ или СНГ, а в рамках ШОС.

Преимущества формата ШОС для решения гидропроблем Центральной Азии

Взаимодействие в формате ШОС+ позволило бы совместить решение водных проблем для максимального количества игроков — и по северной части Центральной Евразии (Россия — Казахстан, Россия — северная часть Синьцзяна, Центральная Азия — Афганистан, где существует проблема канала Кош-Тепа, до конца не согласованного с государствами Центральной Азии). Вовлечение большого количества стран, в свою очередь, обеспечило бы работу подобной инициативы на многолетней основе, что важно, поскольку гидропроекты реализуются на протяжении большого промежутка времени. Более того, Туркменистан, при всем своем нейтралитете, активно участвует во всех мероприятиях ШОС и, таким образом, можно было бы привлечь и эту страну к обсуждению центральноазиатских водных проблем.

Для ШОС же укрепление гидрологического доверия актуально, потому что внутри Организации с вступлением Индии, Пакистана и Ирана появились определенные узлы противоречия. Речь идет о реке Брахмапутра, где Индия и Китай не могут достичь договоренности, а также об индийско-пакистанских пограничных водных вопросах и Иране. Образующим документом для взаимодействия стран ШОС в сфере водного хозяйства могла бы стать водная доктрина, разрабатываемая Россией, — ее реально переформатировать в доктрину на уровне Организации и, тем самым, опережая события, в проактивном режиме заложить контуры программы «Водные ресурсы Евразии — 2050». Россия является второй в мире страной по запасам пресной воды, и это значит, что

⁶ Панфилова В. Кемпир-Абадское водохранилище перейдет Узбекистану // Независимая газета. 2022. 13 ноября. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-11-13/5_8588_parliament.html (дата обращения: 02.09.2024).

ее водные ресурсы будут в центре внимания в ближайшие десятилетия, включая и потенциальный проект по переброске сибирских рек, и формирование водоводов большого диаметра по аналогии с поставками газа и нефти. Вода будет постепенно превращаться в товар с длинной логистикой, который может доставляться на большие расстояния. В мире не так много подобных проектов, однако водная доктрина ШОС может способствовать решению водного дефицита, развитию проектов, связанных с экспортом воды, и формированию гидрополитического доверия в странах Организации, а значит, стабильности в большей части мира.

Краткий обзор механизмов, способствующих укреплению гидродоверия в Центральной Азии

Безусловно, важны работы по бетонированию русел рек и каналов, поскольку большие потери воды происходят за счет инфильтрации. Но необходимо обратить внимание и на следующий факт — на различных региональных встречах и саммитах по водному хозяйству можно услышать различные статистические данные из данной сферы, которые каждая страна Центральной Азии приводит отдельно. Однако для старта совместной работы необходима верифицированная информация по региону в целом — в современных условиях ее могла бы предоставить система спутникового контроля, развитием которой сейчас занимаются Казахстан, Узбекистан, а также, если рассматривать сотрудничество на уровне ШОС, — Россия и Китай. Благодаря работе спутников можно высчитывать наиболее точный объем водоемов, и в данном случае большую помощь оказывает искусственный интеллект, облегчающий механизм подсчета.

Несмотря на то, что спутниковые решения на первоначальном этапе затратны, в дальнейшем процесс можно удешевить, если датчики для мониторинга будут выпускаться в самой Центральной Азии, равно как и программное обеспечение для них, которое в будущем можно экспортировать за рубеж.

Цифровизация мониторинга водных ресурсов способствует и поддержанию исторической, или так называемой в данном случае «гидрологической», памяти, которая важна при строительстве и проектировании. Например, строя дома на берегу, люди иногда не обращают внимания на тот факт, что их предки на протяжении столетий не возводили сооружений или не размещали здесь свои кочевья в данной локации, поскольку она была подвержена затоплениям. Искусственный интеллект может собирать эти данные, на их основе выстраивать цикличность периодов многоводности и маловодности, делать прогнозы и тем самым помогать региону избегать различных чрезвычайных ситуаций. Также технологии с помощью больших данных позволили бы Центральной Азии грамотно выстроить механизм накопления воды, подсказывая, когда и где стоит набирать воду.

Важно привлекать инвестиции, которые могут быть предоставлены Евразийским банком развития с его хорошо разработанной водной

доктриной⁷, содержащей четкие предложения по использованию капельного орошения и строительства малых ГЭС, а также Азиатский банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Интересен в плане инвестиций и недавно созданный Банк БРИКС⁸.

Если же говорить об обмене опытом, принято считать, что самыми передовыми технологиями для решения экологических проблем могут делиться страны Запада. Однако стоит отойти от стереотипов и не бояться наблюдать за опытом некоторых регионов и континентов Глобального Юга — Африки и Южной Азии, где также выработаны решения по сохранению водных ресурсов. Например, Кыргызстан перенял опыт Непала и Бутана, где изготавливают «ледяные ступы», представляющие собой шесты, к которым подводятся шланги⁹. За зиму вокруг этих шестов нарастает большой слой льда, который в высокогорье не отдает воду сразу, то есть служит мини-накопителем воды. Поэтому важно изучать опыт всех стран, прежде всего на предмет целесообразности предлагаемых ими решений.

Известно, что Китай успешно разрабатывает технологии эффективного использования водных ресурсов — например, насосы с абразивостойким покрытием, отвечающие за транспортировку, ирригацию, дренаж, а также подачу воды.

Целесообразно обратиться и к близкому нам во всех отношениях советскому опыту, где существовала практика использования временных водопроводов, в том числе с трубами среднего диаметра для быстрой перекачки воды из одного пункта в другой. Для этого использовались временные трубы большого диаметра, и технологические наработки в данной сфере сохранились, поэтому страны Центральной Азии могли бы использовать все виды пластиковых, стеклопластиковых труб, иных комбинированных труб с металлическим напылением, чтобы не допустить образования коррозии и применять трубы на протяжении длительного времени. Данный механизм послужил бы и дополнительным стимулом для развития совместных промышленных инициатив, которые набирают оборот в регионе. К тому же с учетом проекта строительства малой АЭС в Узбекистане, реализуемого Росатомом, избыток электроэнергии, получаемой со станции, реально было бы направлять на обеспечение работы таких насосов для перекачки воды и на обеспечение работы заводов, которые выпускают трубы.

Уместно вспомнить и об идее по переброске сибирских рек. Как известно, перераспределение части свободного стока рек Оби и Иртыша в Казахстан и Среднюю Азию при Госплане СССР, планируемое в 1970–1980-х гг., в силу определенных причин не было реализовано. Не дало результатов

⁷ Винокуров Е., Ахунбаев А., Чуев С., Адахаев А., Сарсембеков Т. Эффективная ирригация и водосбережение в Центральной Азии : доклады и рабочие документы. Алматы : Евразийский банк развития, 2023. 120 с. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhnie-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 02.09.2024).

⁸ New Development Bank. URL: <https://www.ndb.int/> (дата обращения: 02.09.2024).

⁹ Маратова Э. Искусственный ледник в Нарыне // Общественное Объединение «ЭКОИС-Бишкек». 27.02.2020. URL: <https://ekois.net/iskusstvennyj-lednik-v-naryne/> (дата обращения: 02.09.2024).

и аналогичное предложение президента Казахстана Н. Назарбаева к российским властям в 2010 г.

Тем не менее представляется весьма эффективной переброска сибирских рек на юг в водохранилища-накопители либо из водохранилища в водохранилище за счет использования водоводов, с возможностью дальнейшей переброски воды южнее Казахстана. В данном случае полезными представляются закрытые водоводы, создаваемые по аналогии с газовыми трубами большого диаметра, благодаря которым можно было бы не строить масштабный гидротехнический объект сразу, а реализовать его поэтапно. Однако все эти шаги возможны в условиях полностью сформированного гидрологического доверия в регионе.

Все вышеперечисленные проекты можно реализовать в партнерстве с Российской Федерацией, извлекая благодаря такому формату сотрудничества экономическую пользу для всей Центральной Азии. Россия заинтересована в стабильном развитии региона, поскольку он может обеспечить продовольственную безопасность в пределах СНГ, а также избежать климатического кризиса, который приведет к наплыву беженцев.

И не последнюю роль при этом играет правильное освещение реализации гидропроектов в медиапространстве, чтобы избежать потенциальных провокаций, препятствующих ей. Поэтому странам региона необходимо наладить разъяснительный механизм, поскольку иногда формирование мнения о проекте важнее, чем реальный проект. Так, формирование общественного мнения в отношении гидрополитического доверия важнее, чем сами мероприятия по гидрополитическому доверию в виде круглых столов, конференций, форумов. Обыватель должен понимать цель и важность проектов, а также как они связаны с его повседневной жизнью и как могут улучшить ее качество. Тогда будут минимизированы вопросы о необходимости введения дифференцированных тарифов на воду, строительства АЭС и ее влияния на снижение объемов сжигаемых углеводородов, а значит, на экологию региона в целом, ведь тот же эффект выброса золы и летучих веществ с ТЭЦ пагубно сказывается на состоянии ледников, но не все об этом знают.

Заключение

Невозможность или нежелание государств региона создать единый водно-энергетический комплекс в Центральной Азии свидетельствует об отсутствии гидрополитического доверия друг к другу, чего не наблюдалось в советский период, поскольку все вопросы водного хозяйства решались путем централизованного управления гидроресурсами в рамках одного государства.

Создание дополнительных водонакопительных, селеотводных и иного рода сооружений благотворно сказывается на водообеспечении стран региона поливной и питьевой водой. Вместе с тем принимаемые меры далеко не полностью решают водную проблему. Дефицит воды также негативно сказывается на взаимоотношениях между государствами, обостряя вопросы распределения вод

трансграничных рек и усугубляя решение сложных вопросов, связанных с делимитацией и демаркацией границ. Повышенная конфликтogenicность в регионе не в последнюю очередь связана с решением водных вопросов, подтверждением чему являются происходившие время от времени стычки населения соседствующих республик в приграничных зонах.

При этом не стоит воспринимать ситуацию исключительно с негативной стороны, поскольку в арсенале государств региона есть немало путей решения назревших проблем. Одним из этих путей является использование передового международного опыта в деле совместного использования водных ресурсов с привлечением ШОС в качестве наднационального органа и координатора.

Гидродоверие как основополагающая составляющая водной дипломатии в Центральной Азии неминуемо придет на смену несговорчивости по мере нарастания водного кризиса в регионе. Это лишь вопрос времени.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 26.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Адамкулова Ч.У., Айтбаев Ж.К., Данков А.Г., Джоробекова А.Э., Доскожаева А.К. Новый этап в решении проблем трансграничных рек Центральной Азии (2016–2023 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 114–120. <http://doi.org/10.17223/19988613/87/13> EDN: CCOWLE
- Булаевский В.Ф. Межнациональные ирригационные системы Средней Азии и формы их эксплуатации // Вестник ирригации: ежемесячный журнал управления водного хозяйства Средней Азии, Ташкент: издание водхоза Средней Азии. № 11, ноябрь 1925. 18 с.
- Дмитриева Е.Л. Водные ресурсы Средней Азии: проблемы и пути решения // Россия и мусульманский мир. 2019. № 3 (313). С. 42–48. <http://doi.org/10.31249/rimm/2019.03.02> EDN: KTHMIU
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. № 3. С. 49–62. EDN: OWMNEZ
- Михалев А.В., Рахимов К.К. Центральная Азия и борьба за советское наследие // Россия в глобальной политике. 2023. № 1. С. 153–162 <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162> EDN: DYRZUC

References

- Adamkulova, Ch.U., Aitbaev, Zh.K., Dankov, A.G., Jorobekova, A.E. & Doskozhaeva, A.K. (2024). A new stage in solving problems of transboundary rivers of Central Asia (2016–2023). *Bulletin of Tomsk State University. History*, 87, 114–120. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/19988613/87/13> EDN: CCOWLE
- Bulaevsky, V.F. (1925). Interethnic irrigation systems of Central Asia and the forms of their operation. *Bulletin of irrigation: Monthly journal of the Water Management of Central Asia*. Tashkent: edition of the Central Asian water farm, 11, 18 p. (In Russian).
- Dmitrieva, E.L. (2019). Water resources of Central Asia: problems and solutions. *Russia and the Muslim world*, 3, 42–48. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/rimm/2019.03.02> EDN: KTHMIU

- Mikhalev, A.V., & Rakhimov, K.K. (2023). Central Asia and the struggle for the Soviet legacy. *Russia in Global Affairs*, 1, 153–162. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162> EDN: DYRZUC
- Zhiltsov, S.S. & Zonn, I.S. (2008). The struggle for water. *The security index*, 3, 49–62. (In Russian). EDN: OWMHEZ

Сведения об авторе:

Рахимов Кубатбек Калыевич — доктор философии по экономике (Ph.D), директор Общественного фонда «Аппликата — центр стратегических решений», эксперт по инфраструктурному развитию Центральной Евразии, экс-советник премьер-министра Киргизской Республики по вопросам макроэкономики и евразийской интеграции (e-mail: kubat.rakhimov@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-3756-9375)

Джоробекова Айнуур Эшимбековна — кандидат исторических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД КР им. К. Дикамбаева (e-mail: gonduras1967@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4370-0149)

About the author:

Kubatbek K. Rakhimov — Doctor of Philosophy in Economics (Ph.D.), CEO of the Public Foundation “Applicata — Center for Strategic Solutions”, expert on infrastructure development of Central Eurasia, ex-Adviser to the Prime Minister of the Kyrgyz Republic on macroeconomics and Eurasian integration (e-mail: kubat.rakhimov@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-3756-9375)

Ainur E. Dzhorobekova — PhD in History, Professor, K. Dikambayev Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (e-mail: gonduras1967@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4370-0149)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-66-79
EDN: BVDVAE

Научная статья / Research article

Политические аспекты водного курса стран Центральной Азии

С.С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ sergej-z71@yandex.ru

Аннотация. Проблема политизации водных отношений по-прежнему остро стоит для стран Центральной Азии. Несмотря на усилия, рост дефицита водных ресурсов провоцирует повышенное внимание к проблеме стран региона и внерегиональных государств. Водная политика стран Центральной Азии стала формироваться после распада СССР, когда кардинально изменилась геополитическая ситуация. Получение независимости центральноазиатские государства расценили в качестве возможности упрочить свои позиции в регионе, прежде всего, за счет проведения самостоятельной и национально ориентированной водной политики. Внешнеполитический курс в сфере гидроэнергетики формировался под влиянием внутривнутриполитических процессов, которые получили развитие на момент распада СССР. Несмотря на нарастание проблем в водной сфере, страны региона продолжали проводить курс, который игнорировал интересы соседних государств и не предполагал развитие многостороннего сотрудничества в водной сфере. Большая часть вопросов, касающихся использования ресурсов трансграничных водотоков, находилась под мощным прессингом политических факторов. Сказывалось геополитическое соперничество между центральноазиатскими государствами. Перспективные проекты гидротехнических сооружений рассматривались в контексте исключительно национальной политики, направленной на укрепление своего влияния в регионе и получение геоэкономических преимуществ. Лишь в последние годы, в связи с внутривнутриполитическими изменениями и нарастанием дефицита водных ресурсов, страны Центральной Азии стали менять свои позиции, выступая за развитие диалога. Используя метод сравнительного и системного анализа, выявлено влияние политических факторов на водную сферу стран Центральной Азии. Автором сделан вывод, что, несмотря на смягчение центральноазиатскими странами риторики при обсуждении проблем, связанных с использованием ресурсов трансграничных водотоков, и расширением двустороннего и многостороннего взаимодействия, политические аспекты по-прежнему будут влиять на водный курс стран Центральной Азии.

© Жильцов С.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Центральная Азия, водная сфера, политические аспекты, гидротехнические сооружения, водная политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Жильцов С.С. Политические аспекты водного курса стран Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 66–79. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-66-79>

Water Politics in Central Asian Countries: Political Aspects

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, *Moscow, Russian Federation*

✉ sergej-z71@yandex.ru

Abstract. The problem of politicization of water relations remains acute for the countries of Central Asia. Despite efforts, the growing deficit of water resources provokes increased attention to the problem by the countries of the region and extra-regional states. The water policy of the Central Asian countries began to form after the collapse of the USSR, when the geopolitical situation changed dramatically. The Central Asian states regarded independence as an opportunity to strengthen their positions in the region, primarily through the implementation of an independent and nationally oriented water policy. The foreign policy course in the field of hydropower was formed under the influence of domestic political processes that developed at the time of the collapse of the USSR. Despite the growing problems in the water sector, the countries of the region continued to pursue a course that ignored the interests of neighboring states and did not imply the development of multilateral cooperation in the water sector. Most of the issues related to the use of transboundary watercourses were under powerful pressure from political factors. Geopolitical rivalry between the Central Asian states had an effect. As a result of national policies that were only interested in increasing their power in the region and getting geo-economic benefits, promising projects for hydraulic structures were looked at. Only in recent years, due to internal political changes and the growing shortage of water resources, the Central Asian countries began to change their positions, advocating for the development of dialogue. Using the method of comparative and systemic analysis, the influence of political factors on the water sector of the Central Asian countries was revealed. The article concludes that despite the softening of the rhetoric by the Central Asian countries when discussing problems related to the use of transboundary watercourse resources and the expansion of bilateral and multilateral cooperation, political aspects will continue to influence the water policy of the Central Asian countries.

Keywords: Central Asia, water sector, political aspects, hydraulic structures, water policy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Zhiltsov, S.S. (2025). Water politics in Central Asian countries: Political aspects. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 66–79. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-66-79>

Введение

Актуальность проблемы определяется сохраняющимся конфликтным потенциалом, который не уменьшился между центральноазиатскими государствами по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии. Несмотря на улучшение межгосударственных отношений между странами региона, многие вопросы по-прежнему носят острый характер. Прежде всего, это касается строительства и последующего использования гидротехнических сооружений. Формально они должны способствовать решению водных проблем. Однако на практике, в условиях возрастающего дефицита, они способны усилить межгосударственные противоречия.

В последние годы проблема водных ресурсов находилась в фокусе внимания российских и зарубежных исследователей. Автор статьи не раз обращался к вопросам, связанным с использованием и вододелиением водных ресурсов в странах Центральной Азии. В последние два десятилетия были опубликованы работы, среди которых можно выделить следующие статьи: «Борьба за воду» [Жильцов, Зонн 2008], «Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек» [Жильцов, Бименова 2015], «Роль водных ресурсов в Центральной Азии» [Жильцов, Зонн 2019], [Жильцов 2023]. Кроме того, в 2018 г. в зарубежном издательстве «Springer» вышел в свет сборник, посвященный водным ресурсам Центральной Азии. Во всех работах рассматривались причины нарастания проблем, связанных с водными ресурсами в регионе.

Следует отметить, что проблема использования водных ресурсов в Центральной Азии имеет длительную историю. На протяжении столетий проживающие на этих территориях люди использовали водные ресурсы для удовлетворения своих потребностей. С развитием промышленности и расширением площадей под сельское хозяйство вопросы водопользования вышли на уровень государственной политики. В Средней Азии (название Центральная Азия — с 1993 г.) вопросы использования водных ресурсов в интересах государства стали подниматься с XIX в., когда среднеазиатские ханства вошли в состав Российской империи. Было подготовлено несколько документов, которые показывали, что российские власти уделяют данному вопросу повышенное внимание. Так, в июне 1877 г. первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман утвердил первый правовой нормативный акт — «Временные правила об ирригации Туркестанского края». Они полностью отменяли обычный для местного населения порядок пользования водными ресурсами, что вызвало недовольство у населения. Вода в арыках, каналах и реках, согласно документу, объявлялась собственностью казны царской России, а население получало лишь ограниченное право пользования водой в целях ирригации. Таким образом, царские власти стремились проводить водную политику, направленную на более эффективное использование ресурсов.

Следующим этапом, который напрямую затрагивал водные ресурсы, стал «Сталинский план преобразования природы», предложенный в 1948 г. Он касался развития оросительных систем среднеазиатских республик. Согласно плану, в 1949 г. начала реализовываться программа, которая ставила целью перераспределить сток реки Амударьи по Приаральской низменности. Затем, в 1966 г.

на пленуме центрального Комитета КПСС была утверждена программа по масштабной мелиорации земель в Советском Союзе. Таким образом, как в царское время, так и в Советском Союзе реализовывалась политика, которая ставила задачу установления контроля над водными ресурсами и повышения эффективности их использования. Кроме того, в советский период в странах Средней Азии и Казахстане проводилась централизованная водная политика, которая исходила из интересов экономики всего СССР.

В Советском Союзе республики не проводили самостоятельную политику в водной сфере. Центральные власти решали ключевую задачу, связанную с распределением и использованием водных ресурсов. Водный курс советских властей был направлен на проведение единой политики, которая разрабатывалась исходя из интересов как среднеазиатских республик и Казахстана, так и остальных республик. Единый план позволял устранить противоречия и обеспечить единство региональной экономики: «...Советская система межреспубликанских водных отношений, основывавшаяся на лимитах вододеления между ними и балансе договорных обязательств между республиками и союзным центром. Регулирование речного стока трансграничных рек было направлено на сбалансированное экономическое развитие всех пяти среднеазиатских республик, сочетающих выработку электроэнергии и развитие аграрного сектора экономики» [Сарсембеков, Мироненков 2007]. При этом одним из «критериев работы водохранилищ была максимальная общая выгода» [Гриняев, Фомин 2009: 3].

Политический фактор в водной проблеме

После распада СССР водная проблема вышла на первый план для стран Центральной Азии, которые безуспешно пытались ее разрешить. Исторически водные ресурсы в Центральной Азии формируются в основном в двух крупных реках: Сырдарье и Амударье, которые начинаются в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья берет начало в Киргизии и далее течет в Таджикистан и в Узбекистан (в том числе через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан. Амударья берет начало в Таджикистане и далее следует в Узбекистан и Туркменистан. Среднегодовой сток Сырдарьи составляет около 37 км³, Амударьи — 78 км³.

В условиях единой системы, существовавшей в СССР, был создан механизм, который фактически уравнивал интересы Таджикистана и Киргизии — с одной стороны, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана — с другой. Казахстан, Узбекистан являются наиболее промышленно развитыми странами, располагают крупными запасами нефти, газа и другими ресурсами. Эти страны имеют наибольшую численность населения среди государств региона. Располагаясь в нижнем течении, они находятся в сильной зависимости от «верхних» стран: Киргизии и Таджикистана, которые наиболее обеспечены водными ресурсами и фактически контролируют основные водотоки Амударьи и Сырдарьи, главных водных артерий Центральной Азии.

После обретения независимости страны Центральной Азии стали самостоятельно распоряжаться водными ресурсами трансграничных рек. Они отказались

от советского принципа учета взаимных интересов и стали проводить собственную политику в сфере распределения водных ресурсов. Каждое из государств исходило из собственных интересов, которые были направлены на максимальное использование водно-энергетического потенциала. Соответственно, политика каждого из государств мало учитывала интересы соседних государств, не соотнося их с общей проблемой водных ресурсов в регионе.

Политические аспекты отношений между центральноазиатскими государствами по вопросу использования водных ресурсов возникли из-за отсутствия должного правового регулирования. Отсутствие законодательства, регулирующего «водную проблему», создало предпосылки для обострения двусторонних отношений и, как следствие, вывело водную проблематику на политический уровень. Фактически сразу после распада СССР вопросы использования воды, в силу их значимости для развития каждого из государств, попали в фокус внимания руководства новых стран. Доступ к водным ресурсам является ключевой проблемой, от решения которой напрямую зависело будущее каждой из стран. Соответственно, интересы соседних государств отходили на второй план [Жильцов, Бименова 2015]. В то же время страны региона в первое время не исключали возможность использовать опыт Советского Союза, в котором действовал принцип «общего котла». Это подразумевало преобладание общих подходов к решению водной проблемы над интересами отдельных республик. Важным в этом направлении, именно политическим шагом стала инициатива, которую выдвинули представители национальных водохозяйственных ведомств Средней Азии и Казахстана в октябре 1991 г. В тот период, когда центральные власти утратили свое влияние, руководители среднеазиатских республик понимали, что необходимо найти решение водной проблемы, которая была одной из ключевых. Поиск общих подходов, заинтересованность в достижении компромисса в новых геополитических и экономических условиях нашел отражение в Ташкентском заявлении. Документ заложил основы «переговорного процесса между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек. В заявлении речь шла о совместном использовании водных ресурсов на общих принципах, с учетом интересов всех сторон» [Пикулина 2013]. Однако политическая поддержка инициатив не получила практического воплощения.

Тем не менее стороны продолжили политический диалог, подписав (18 февраля 1992 г., Алма-Ата (Казахстан)) межправительственное соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК). Это решение продемонстрировало готовность новых независимых государств Центральной Азии выйти на выработку общих подходов. Политическое соглашение базировалось на накопленном опыте. По этой причине центральноазиатские страны подтвердили готовность сохранить действовавший ранее режим управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи и придерживаться сложившихся подходов к разделу трансграничных водных ресурсов. «Речь

шла о протоколе № 413 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Сырдарье, подписанного в феврале 1984 г. и протоколе № 566 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Амударье, подписанному в сентябре 1987 г. Данные документы предусматривали годовое распределение воды между странами бассейна Аральского моря, хотя сезонное распределение в них учтено не было» [Искандархонова 2007: 144].

Однако курс на выработку общих подходов не соответствовал политическим устремлениям элит стран Центральной Азии, которые намеревались утвердить свою государственность и решать экономические проблемы за счет своих соседей. Политический эгоизм стал проявляться в полную силу по мере нарастания проблем в экономике каждого из государств. В итоге договоры и соглашения, заключенные в советский период, оказались не востребованы. «Наиболее остро межгосударственные противоречия проявились в отношении режимов водопользования в бассейне реки Сырдарья, в водохранилищах Нарын-Сырдарьинского каскада, прежде всего, Токтогульского» [Кузьмина 2007: 68]. В советское время сток Сырдарьи регулировался водохранилищами Нарын-Сырдарьинского каскада, в первую очередь Токтогульским, в режиме, который был направлен на орошение в Казахстане и Узбекистане.

Конфликт интересов между отдельными странами проявился в 1993 г., когда Узбекистан за долги оставил Киргизию без газа. «В ответ Бишкек осуществил сброс из Токтогульского водохранилища» [Гусейнов, Гончаренко 2010: 68–88]. Изменение графика работы Токтогульского водохранилища Киргизия объяснила необходимостью производства электроэнергии в зимний период и накопления ее в летний период. Подобные действия киргизской и узбекской сторон были санкционированы на высшем уровне.

Безусловно, были факторы, которые в какой-то степени вынуждали Киргизию и Узбекистан действовать в одностороннем порядке. На экономику Киргизии негативное влияние оказал разрыв экономических связей в рамках региона и увеличение стоимости углеводородных ресурсов. В результате Киргизия, как и Таджикистан, столкнулась с энергетическим кризисом. «Простым» решением казалось изменить режим работы водохранилищ и использовать водные ресурсы исключительно в собственных интересах. В итоге водный вопрос был политизирован, поскольку оказался в фокусе внимания руководителей государств. Однако односторонние действия каждой из сторон, вне зависимости от причин, оказали негативное влияние на двусторонние отношения.

Двойственность политики, которую проводили страны Центральной Азии, вновь проявилась в 1993 г. Страны Центральной Азии вновь провели переговоры по водной проблематике и попытались устранить разногласия по вопросу водodelения и совместного использования водных ресурсов. Было принято «Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников». Однако в политическом плане этот документ противоречил интересам центральноазиатских государств, каждое из которых жестко стояло на своих позициях.

Причины политизации водного вопроса следует усматривать в неготовности новых стран, образованных на территории Центральной Азии, к компромиссным решениям. Преобладала линия на принятие односторонних решений, без учета интересов соседних государств, что отражало политические подходы стран региона. По этой причине принятие в 1995 г. странами Центральной Азии Нукусской декларации не внесло изменений в ситуацию с водными ресурсами. В документе была подчеркнута важность ранее подписанных соглашений, регулирующих отношения в сфере водных ресурсов. Страны региона подтвердили приверженность принципу использования водных ресурсов в интересах всех государств. Однако практического механизма решения водных проблем предложено не было.

Вопрос о водных ресурсах был политизирован в силу монетизации водного вопроса. Этот подход получил поддержку в ряде стран Центральной Азии на высшем уровне. Активно данную позицию продвигала Киргизия, отстаивая свое право собственности на воду трансграничных водотоков. По мере нарастания дефицита воды вопрос собственности на воду получил новый импульс. В результате из-за «высокого уровня рождаемости и безработицы в Центральной Азии водная проблема превратилась в серьезный фактор дестабилизации региона» [Жильцов 2001]. Кроме того, для новых независимых стран Центральной Азии «наиболее сложной оказалась проблема вододеления» [Жильцов, Зонн 2008: 50]. Разрушив прежнюю систему, страны Центральной Азии не смогли предложить новую систему, что спровоцировало взаимные претензии. Они были связаны, прежде всего, с определением объема водных ресурсов. Каждая из стран перестала считаться с интересами своих соседей, проводя эгоистичную политику [Ибатуллин, Ясинский, Мироненков 2009: 44]. Вместе с тем страны демонстрировали готовность к решению водной проблематике. При этом сохранялось «отсутствие межгосударственного регулирования водных ресурсов, необходимого для удовлетворения неравномерных в течение года потребностей в воде на ирригацию» [Винокуров и др. 2021].

В 1998 г. было заключено соглашение между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья». Таджикистан присоединился к документу в 1999 г. Данный документ имел рамочный характер, хотя в нем были зафиксированы принципы компенсаций. При этом в нем «не был описан экономический механизм взаимоотношений между гидроэнергетикой и ирригацией» [Петров 2010: 63]. В итоге страны нижнего течения летом, в период наибольшей потребности в воде, по-прежнему испытывали ее дефицит, а зимой — сталкивались с подтоплениями и затоплениями водохозяйственных объектов.

Принимаемые документы не способствовали решению проблемы эффективного использования водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, поскольку не были подкреплены практическими механизмами компенсаций. Политический курс каждого из государств был направлен на самостоятельное решение проблемы и игнорирование интересов соседей. В свою очередь, в силу экономических проблем, страны нижнего течения были не готовы компенсировать потери от изменения режима работы водохранилищ странам верхнего течения. Более того, «каждое из государств региона рассчитывало самостоятельно

решить возникающие проблемы в сфере водных ресурсов и через давление на соседей добиться положительного для себя результата. Фактически речь шла о конфликте национальных программ развития всех центрально-азиатских государств» [Боришполец 2010: 29]. В результате между Туркменистаном и Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией периодически обострялись межгосударственные отношения по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек.

Причины конфликтных ситуаций между странами региона в сфере водных ресурсов трансграничных рек скрывались в положениях, которые были зафиксированы в национальных законодательствах. В документах ряда центрально-азиатских стран вода была определена в качестве ресурса, который принадлежит государству. В Водном кодексе Таджикистана (статья 4), принятом в декабре 1993 г., водные ресурсы рассматривались в качестве исключительной собственности государства. Аналогичное положение содержится в законе Киргизии «О воде» (статья 5), принятом в январе 1994 г. Эти два государства занимали и занимают ключевые позиции с точки зрения контроля над водными ресурсами, что нашло отражение в первые годы после распада СССР. Впрочем, схожие положения были прописаны в Законе Узбекистана «О воде и водопользовании» (статья 3), принятом в мае 1993 г. Там говорится о принадлежности государству водных ресурсов. Схожая позиция отражена в Водном кодексе Туркменистана, принятом в июне 1993 г. В Водном кодексе Казахстана (статья 8), принятом в июле 2003 г., говорится об исключительной собственности государства на водные ресурсы. Данные документы впоследствии дополнялись и уточнялись, однако главный тезис в них оставался неизменным — водные ресурсы являются исключительной собственностью государства, которое по своему усмотрению регулирует их использование.

Политизацию водного вопроса усилили решения, принятые в государствах верхнего течения — Таджикистане и Киргизии, которые придерживались линии о том, что являются единоличными владельцами водных ресурсов. В 2001 г. в Киргизии был принят закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсах и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». В документе подчеркивались права страны на водные ресурсы и водохозяйственные объекты в пределах границ государства, а кроме того, отмечалось, что вода имеет стоимость. Схожую позицию занимал Таджикистан.

Страны региона придерживались собственных представлений относительно использования водных ресурсов трансграничных рек. Более того, во многих внутригосударственных законах стран Центральной Азии, двусторонних и многосторонних соглашениях отсутствует определение «трансграничные реки». В основном используются термины «водный ресурс», «водно-энергетический ресурс» и т. п. Подобный подход противоречит «положениям международного права, в котором рассматриваются вопросы трансграничных водных ресурсов и порождает значительные трудности в использовании международного законодательства» [Искандархонова 2007: 146]. В результате «недостаточно четкое понимание и весьма слабое применение государствами Центральной Азии

принципов и норм международного права в области использования и охраны трансграничных ресурсов являлось одним из сдерживающих факторов в решении существующих в регионе проблем» [Аманжолов 2007: 231].

Межправительственные соглашения, призванные регулировать использование водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, не сняли с повестки дня проблему. Соответственно, выработка механизма, учитывающего интересы всех стран Центральной Азии в использовании водно-энергетического потенциала, остается в числе приоритетов центральноазиатских государств.

В итоге, несмотря на договоренности, подписанные документы, так и не был выработан механизм совместного управления водными ресурсами. Более того, диаметрально противоположные позиции стран региона не позволяют приступить к решению водных проблем. В условиях отсутствия законодательства, регулирующего использование водных ресурсов, страны Центральной Азии стали действовать в одностороннем порядке. Подобные решения принимались на высшем уровне в каждом из центральноазиатских государств, тем самым подчеркивая политический характер проводимого внешнеполитического курса в этой сфере. Отсутствие четкого законодательства, регулирующего использование гидроресурсов трансграничных рек, также затрудняет поиск взаимовыгодных решений. «Страны Центральной Азии испытывают значительные трудности в сопоставлении топливно-энергетических ресурсов и водных ресурсов, которые каждая из стран региона пока еще предлагает обменивать» [Ауелбаев, Ержанов 2009: 14].

Ключевые проблемы

В последние десятилетия вода в Центральной Азии превратилась в ресурс, который необходим не только для развития региона, но и отдельных государств. При этом политическое значение водных ресурсов многократно возросло. Ключевым вопросом для стран региона по-прежнему остается управление водными ресурсами. С ним тесно переплетаются задачи, связанные с развитием сельского хозяйства, производством электроэнергии, расширением производственной базы. С каждым годом выполнять намеченные планы в этих и других секторах экономики становится все труднее, поскольку доступ к водным ресурсам ограничен вследствие политики соседей по региону либо в силу нарастания дефицита водных ресурсов.

Еще в начале второго десятилетия XXI в. были опубликованы прогнозы, которые показывали, что среднее количество водных ресурсов, приходящихся на одного жителя Земли, сократится с текущих 750 м³ воды в год до 450 м³ воды в год к 2025 г. [Орлов, Чечевишников, Чернявский 2011: 5]. Эти прогнозы в целом оправдываются, поскольку дефицит водных ресурсов возрос. Рост численности населения усилит спрос на водные ресурсы, поскольку возникла необходимость в выработке дополнительной энергии [Glanz 2018].

Политический курс стран Центральной Азии, направленный на самостоятельное решение проблемы с водой, сталкивался с нарастающими

экономическими проблемами. Прежде всего, значительно снизился уровень финансирования инфраструктуры. Так, «за 1994–2020 гг. объем забора воды на коммунально-бытовые нужды вырос в 2 раза, а инвестиции в инфраструктуру питьевого водоснабжения были неадекватны этому росту. Для решения вызовов в 2025–2030 гг. сектор нуждается в дополнительных 2 млрд долл. инвестиций ежегодно» [Винокуров и др. 2024].

Другой проблемой являлось изменение режима работы крупных водохранилищ — перевод работы гидроузлов из ирригационного режима в энергетический. В итоге произошло «нарушение проектных режимов работы водохранилищ и ГЭС» [Винокуров и др. 2024]. Данный курс, который носил политический характер, поскольку такие решения принимались не специалистами, занимающимися проблемами ГЭС и водохранилищ, а на высшем уровне, в действительности привел к конфликтным ситуациям. Страны верховья стремились увеличить производство гидроэнергии, что противоречило интересам стран нижнего течения, которые были заинтересованы получать воду в летний период. Подобные нестыковки и расхождения интересов в использовании водно-энергетических ресурсов обострили ситуацию в регионе и между отдельными странами и негативно сказались на межгосударственных отношениях в регионе.

Водные ресурсы превратились в источник потенциальных социально-политических, этнонациональных и межгосударственных конфликтов. Это связано с расхождением политики стран, расположенных в верхней и нижней части течения трансграничных рек. Таджикистан и Киргизия (по разным оценкам, контролируют 80 % всех запасов поверхностных вод в регионе), обладая значительными водными ресурсами, для выработки электроэнергии спускают воду не только в летний, но и в зимний период. Построенные в советское время в верховьях Амударьи и Сырдарьи водохранилища позволяют регулировать сток, поступающий в страны, расположенные в низовьях. В результате, имея столь мощный «рычаг» влияния, Киргизия и Таджикистан получают возможность влиять на сопредельные страны — Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

На политизацию вопросов, связанных с водными ресурсами, большое влияние оказывает проблема изменение климата. В Центральной Азии происходит быстрое изменение климата. В результате все чаще страны региона сталкиваются с проблемой снижения объема водных осадков, уменьшения площади ледников. За последние десятилетия площадь ледников, которые являются основным источником наполнения трансграничных рек Амударьи и Сырдарьи, уменьшилась примерно на треть. Это оказывает негативное влияние на сток данных рек. При этом быстрыми темпами увеличивается численность населения, что ведет к росту нагрузки на экономическую и социальную системы.

Современный этап

В последние годы ситуация с водными ресурсами в Центральной Азии обострилась. При этом положительные изменения претерпели политические отношения между странами региона. В последние годы политический курс стран

региона направлен на поиск взаимоприемлемых решений, расширение взаимодействия в водно-энергетической сфере. Так, на VI Консультативной встрече лидеров стран Центральной Азии, которая прошла в августе 2024 г., подчеркивалось, что «планомерно решаются вопросы водопользования»¹.

Подтверждением курса на решение водной проблематики являются подписанные многосторонние соглашения между центральноазиатскими государствами. Одним из подобных примеров сотрудничества стало сотрудничество в 2023–2024 гг. между Киргизией, Казахстаном и Узбекистаном, которые подписали документы о совместном реализации проекта строительства Камбаратинской ГЭС-1. Достижение данных договоренностей показывает изменение в политике центральноазиатских государств, которые рассчитывают посредством данного проекта решить проблему дефицита водных ресурсов.

Страны создали совместную компанию, в которой Киргизии принадлежит 34 %, а остальным участникам — по 33 %. Стоимость проекта составляет около 6 млрд долл. США. Поскольку подобных средств нет ни у одного из центральноазиатских государств, то принято политическое решение привлекать средства международных финансовых структур. Активную роль в продвижении проекта принимает Всемирный банк, который уже обещал предоставить киргизской стороне порядка 500 млн долл. Кроме того, Всемирный банк заручился поддержкой Азиатского банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Европейского банка реконструкции. Подобная вовлеченность международных финансовых структур может привести к росту геополитического соперничества между западными государствами, которые реализуют водную политику в Центральной Азии, а также Россией и Китаем, имеющими в регионе свои интересы в этой области.

Демонстрация политической воли к решению водной проблемы не снижает остроты данного вопроса. Двусторонние и многосторонние договоренности осуществляются на фоне принятия решений внутри каждого из государств, вынужденных обращать внимание на данную сферу повышенное внимание, поскольку проблемы с водой нарастают. Так, Узбекистан был вынужден «продолжить сокращение посевов риса»². В свою очередь, Казахстан стремится выработать комплекс мер, направленных на снижение негативного влияния возрастающего дефицита водных ресурсов [Жильцов, Зонн 2019]. Данные вопросы нашли отражение в проекте Водного кодекса страны, принятого парламентом в первом чтении. В документе зафиксированы пять принципов, среди которых необходимо осуществлять «комплексное использование поверхностных и подземных вод»³.

¹ Под председательством Касым-Жомарта Токаева состоялась VI Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 9 августа 2024 г. URL: <https://www.akorda.kz/ru/podpredsedatelstvom-kasym-zhomarta-tokaeva-sostoyalas-vi-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-971327> (дата обращения: 17.09.2024).

² Надежда на сибирские реки: страны Центральной Азии вновь делят воду. 17 января 2024 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19740749> (дата обращения: 17.10.2024).

³ Мажилис Казахстана принял проект нового Водного кодекса в первом чтении. 29 ноября 2024 г. <https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-11-29--mazhilis-kazahstana-prinjal-proekt-novogo-vodnogo-kodeksa-v-pervom-chtenii-77124> (дата обращения: 29.11.2024).

Заключение

В последние годы нет недостатка в прогнозах относительно ситуации с водными ресурсами в Центральной Азии и, соответственно, оценок о будущем характере отношений между центральноазиатскими государствами. Они исходят из нарастающего дефицита водных ресурсов в регионе, которые разобраны по национальным государствам. Сложившаяся ситуация отражает итоги принятых после распада СССР политических решений, которые практически не учитывали интересы соседей. Отсутствие прогресса в вопросах создания наднациональных (или межгосударственных) структур в регионе для регулирования водных отношений или внедрение альтернативных вариантов получения воды по-прежнему ведет к политизации вопроса. При этом на политическом уровне обсуждаются различные варианты переброски воды из соседних государств, например из России. Однако в современных условиях геополитического противоборства и сокращения финансовых возможностей у российской стороны и отсутствия средств у центральноазиатских государств реализация масштабных инфраструктурных проектов практически невозможна.

На фоне обсуждения путей решения водного вопроса усиливается дефицит воды, физические объемы которой в последнее десятилетие сократились. Процесс этот имеет тенденцию к продолжению. Нарастающий дефицит водных ресурсов связан с изменениями климата и проводимой государствами региона политикой. Изменение климата уже привело к сокращению площади ледников и снежного покрова в горах. В итоге объем водных ресурсов значительно снизился. За последние годы Амударья потеряла около трети водных ресурсов. На фоне тенденции снижения объема доступной воды спрос на нее увеличивается. Это связано с ростом численности населения в странах Центральной Азии, амбициозными планами развития национальных экономик, а также продолжающимся курсом стран региона на строительство гидротехнических объектов⁴.

К существующим факторам добавился «фактор» Афганистана, который приступил к строительству канала Кош-Тепа. Реализация данного проекта увеличит забор воды из Амударьи. Помимо этого, афганская сторона активизировала строительство Дашт-и-Джунского гидроузла, который сможет аккумулировать значительную часть летнего стока реки Пяндж⁵. Строительство данных объектов может ухудшить ситуацию с водными ресурсами для Узбекистана и Туркменистана.

В целом можно говорить о том, что страны, расположенные в верховьях и низовьях трансграничных водотоков, недовольны позицией друг друга и заинтересованы изменить режим действующих соглашений по использованию

⁴ Жильцов С.С. Центральная Азия: в поисках общей водной политики. 16 июня 2024 г. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2024-06-16/11_9028_asia.html (дата обращения: 23.09.2024).

⁵ Новые соглашения по воде в Центральной Азии: что делать Кыргызстану. 8 августа 2023 г. URL: https://www.water.gov.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=2163:novye-soglasheniya-po-vode-v-tsentralnoj-azii-chto-delat-kyrgyzstanu&Itemid=1437&lang=ru (дата обращения: 24.10.2024).

водных ресурсов. Однако подобные решения, принятые на высшем уровне, будут носить политический характер и неизбежно ухудшать межгосударственные отношения.

При этом во многом существующие соглашения по воде не устраивают не только страны, находящиеся в низовьях рек. Государства, где формируются реки, полагают, что нижние страны получают гораздо больше воды, чем они сами, и при этом финансовая нагрузка по строительству и обслуживанию гидротехнических сооружений в основном лежит на верхних государствах.

Ключевая проблема для региона заключается в том, что страны Центральной Азии не продвинулись дальше деклараций. До сих пор отсутствуют общие политические подходы к регулированию трансграничных водотоков, не говоря уже о механизмах, способных реально регулировать использование водных ресурсов в интересах всех сторон.

В последние годы страны Центральной Азии проводят консультации. Однако они больше направлены на обсуждение сложившейся ситуации, нежели на выработку практических шагов, способных наладить многостороннее сотрудничество.

Все более остро встает вопрос, что будет происходить, когда дефицит водных ресурсов достигнет критического предела, после которого страны будут поставлены перед выбором: соглашаться на расширение сотрудничества и сообща искать непопулярные и непростые решения или попытаться решить проблему в одностороннем порядке. Последний вариант приведет к обострению ситуации в регионе. Без отказа от национального эгоизма в водной сфере решить данную проблему будет практически невозможно.

Поступила в редакцию / Received: 22.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 19.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Аманжолов Ж.М.* Многосторонние международные договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии // *Московский журнал международного права*. 2007. № 4. С. 226–244. <http://doi.org/10.24833/0869-0049-2007-4-226-244>; EDN: IISUPP
- Ауелбаев Б., Ержанов Т.* Политика стран Центральной Азии и водно-энергетические проблемы региона // *Analytic (Казахстан)*. 2009. № 3. С. 13–18.
- Боришполец К.П.* Вода как *perpetuum Mobile* центрально-азиатской политики // *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. 2010. № 5. С. 29–34. EDN: NCFETB
- Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н., Цукарев Т., Сарсембеков Т.* Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии : доклады и рабочие документы 21/3. Алматы, Москва : Евразийский банк развития, 2021.
- Винокуров Е., Ахунбаев А., Чуев С., Адахаев А., Сарсембеков Т.* Питьевое водоснабжение и водоотведение в Центральной Азии. Доклад 24/5. Алматы : Евразийский банк развития, 2024.

- Гриняев С.Н., Фомин А.Н. Актуальные вопросы применения механизма биржевой торговли для решения водно-энергетических проблем стран Центральной Азии. Аналитический доклад. Москва : Центр стратегических оценок и прогнозов, 2009.
- Гусейнов В., Гончаренко А. Водные ресурсы ЦАР // Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. Москва : Красная звезда, 2010. С. 68–88.
- Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18, № 1. С. 90–100. EDN: TQVBAR
- Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. М.: Эдель-М, 2001. EDN: SOZTAX
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду // Индекс безопасности 2008. №3. С. 49–62. EDN: OWMNEZ
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Роль водных ресурсов в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6, №3. С. 228–237. <http://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-228-237> EDN: VZBOMC
- Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10, №2. С. 110–119. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>; EDN: OQTYVK
- Ибатуллин С.Р., Ясинский В.А., Мироненков А.П. Влияние изменения климата на водные ресурсы в Центральной Азии. Алматы : Евразийский банк развития, 2009.
- Искандархонова Б.А. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии // Московский журнал международного права. 2007. №3. С. 140–153. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2007-3-140-153>; EDN: IBQDOR
- Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007. EDN: QOGPOT
- Орлов А.А., Чечевишиников А.Л., Чернявский С.И. Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России. Москва : МГИМО-У, 2011.
- Петров Г. Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления // Центральная Азия и Кавказ. 2010. №3. С. 59–72. EDN: PXMLPX
- Пикулина М.Л. Проблема трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии // Казахстан Спектр. 2013. № 1. С. 30–42
- Сарсембеков Т., Мироненков А. Два в одном: можно ли разделить воду и гидроэнергию // Мировая энергетика. 2007. № 8. С. 50–51.
- Glanz M.H. Water Security in a Changing Climate // WMO Bulletin. World Meteorological Organization / ed. by E. Manankova. 2018. Vol. 67. (1). P. 4–8.

Сведения об авторе:

Жильцов Сергей Сергеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России (e-mail: sergej-z71@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4898-2627)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-80-90
EDN: BSGMUP

Научная статья / Research article

Водно-энергетические проекты США и Евросоюза в Центральной Азии

Е.Е. Власов , М.О. Дмитриева

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

 vlasov.ee@dvfu.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с тем, что в настоящее время водно-энергетический кризис в Центральной Азии (ЦА) стал одной из наиболее острых проблем региона, затрагивающей как внутренние процессы, так и международные отношения. Дефицит электроэнергии, который уже существует в республиках ЦА, в скором времени может стать причиной замедления экономического развития, роста социальной напряженности и возникновения конфликтов. Осознание важности вопроса толкает республики на поиски путей решения как внутри региона, так и с привлечением партнеров извне. Западные внерегиональные акторы, присутствующие в Центральной Азии, предлагают свои проекты решения проблем водопользования и производства энергии. Авторами проанализированы проекты Соединенных Штатов и Европейского Союза, направленные на разрешение водно-энергетического кризиса. Сделан вывод, что в большинстве своем они являются частью стратегии по отделению региона от России (и Китая) и не приносят реальных результатов. Очевидно, что на данный момент только РФ обладает необходимыми компетенциями и предлагает проекты, в том числе в гидроэнергетические, реализация которых может кардинально изменить ситуацию.

Ключевые слова: Центральная Азия, водно-энергетический кризис, Соединенные Штаты Америки, Европейский Союз

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Власов Е.Е., Дмитриева М.О. Водно-энергетические проекты США и Евросоюза в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 80–90. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-80-90>

© Власов Е.Е., Дмитриева М.О., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

U.S. and EU water and energy projects in Central Asia

Evgeny E. Vlasov , Marina O. Dmitrieva

Far Eastern Federal University, *Vladivostok, Russian Federation*

 vlasov.ee@dvfu.ru

Abstract. The relevance of the study is related to the fact that currently the water and energy crisis in Central Asia (CA) has become one of the most acute problems in the region, affecting both internal processes and international relations. The shortage of electricity, which already exists in the Central Asian republics, may soon cause a slowdown in economic development, an increase in social tension and the emergence of conflicts. Awareness of the importance of the issue pushes the republics to search for solutions both within the region and with the involvement of partners from outside. Western non-regional actors present in Central Asia are offering their projects to solve the problems of water use and energy production. The article analyzes the projects of the United States, and the European Union aimed at resolving the water and energy crisis. The authors conclude that for the most part they are part of a strategy to separate the region from Russia (and China), and do not bring real results. It is obvious that now only the Russian Federation has the necessary competencies and offers projects, including hydropower, the implementation of which can radically change the situation.

Keywords: Central Asia; water and energy crisis; United States; European Union

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Vlasov, E.E., & Dmitrieva, M.O. (2025). U.S. and EU water and energy projects in Central Asia. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 80–90. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-80-90>

Введение

Водно-энергетический кризис в Центральной Азии стал одной из наиболее актуальных проблем региона, затрагивающей как внутренние процессы, так и международные отношения. Активное индустриальное развитие и демографическая ситуация в странах Центральной Азии увеличивают их потребность в электроэнергии. По прогнозам Евразийского банка развития, к 2030 г. страны Центральной Азии будут потреблять на 34 % больше энергоресурсов, главным образом из-за роста численности населения¹.

Однако на сегодняшний день водно-энергетическая инфраструктура в Центральной Азии находится в критическом состоянии [Крицкий, Щедров 2024]. Слабое региональное сотрудничество также усугубило сложившийся кризис. В регионе гидроэлектростанции страдают от недостатка воды (что представляет еще одну важную проблему для стран ЦА) из-за частых засух, что приводит к снижению выработки электроэнергии. Тепловые электростанции,

¹ ЕАБР: энергопотребление Центральной Азии вырастет на 34 % к 2030 г. URL: <https://expert.ru/news/eabr-energopotreblenie-tsentralnoy-azii-vyrastet-na-34-k-2030-godu/> (дата обращения: 05.10.2024).

работающие на угле и газе, также не обеспечивают стабильное снабжение из-за износа оборудования и нехватки топливных ресурсов.

Дефицит электроэнергии, который уже существует в республиках Центральной Азии, в скором времени может стать причиной замедления экономического развития, роста социальной напряженности и возникновения конфликтов в регионе.

Высокий гидроэнергетический потенциал региона (прежде всего Таджикистана и Кыргызстана) в основном остается нереализованным, поскольку строительство ГЭС требует больших финансовых вложений, которыми республики не обладают. В этих условиях страны региона вынуждены обращаться к внешним партнерам, которые, как отмечает С. Притчин, «крайне пассивны в своих планах и возможностях» [Притчин 2023]. Западные внерегиональные акторы, присутствующие в Центральной Азии, предлагают свои проекты решения проблем водопользования и производства энергии. Однако следует отметить, что в большинстве своем они являются частью стратегии по отделению региона от России и Китая и не приносят реальных результатов. Очевидно, что на данный момент только РФ обладает необходимыми компетенциями и предлагает проекты, в том числе гидроэнергетические, реализация которых может кардинально изменить ситуацию.

Поиск путей решения внутри региона

Водно-энергетическая тематика рассматривалась в повестке взаимодействия республик Центральной Азии с момента обретения ими независимости (и даже раньше еще в рамках Советского Союза) [Абдиева 2023; Гусев 2013; Сизов 2024; Nesmashnyi 2024]. В 1992 г. было подписано соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников». Этим Соглашением фактически был создан единый орган — Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК). Данное Соглашение было подтверждено Решением Глав государств в г. Кызыл-Орде от 26 марта 1993 г. и их «Соглашением о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона», а позже — Соглашением пяти стран региона от 9 апреля 1999 г. «О статусе МФСА и его организаций».

Как отмечают А. Михалев и К. Рахимов, в Центральной Азии «насчитывается около десятка проектов по сотрудничеству в сфере водных ресурсов, но в разной степени готовности»². Если говорить о современных договоренностях, в июне 2024 г. министры энергетики Киргизии, Узбекистана и Казахстана подписали соглашение о совместном участии в строительстве Камбаратинской ГЭС

² Центральная Азия в поисках водной кооперации // РСМД : официальный сайт. URL: Михалёв А., Рахимов К. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsentralnaya-aziya-v-poiskakh-vodnoy-kooperatsii/> (дата обращения: 08.10.2024).

в Киргизии³. Стороны, в частности, договорились о создании трехстороннего акционерного общества для управления проектом, Бишкек будет владеть 34 % акций, Ташкент и Астана — по 33 %. Кроме того, соглашение предусматривает, что после завершения строительства участники будут согласовывать режимы работы ГЭС и гарантированно выкупать часть электроэнергии. Возвести объект рассчитывают за 10 лет, первый гидроагрегат хотят запустить через пять лет. Однако вопрос финансирования не решен до конца. Тем не менее это можно считать позитивным развитием событий, поскольку против этого проекта жестко выступал прежний президент Узбекистана И. Каримов, который говорил о возможном военном конфликте между странами региона⁴.

6 августа 2024 г. в Астане состоялась первая встреча министров энергетики государств Центральной Азии. По итогам было подписано коммюнике, которое, как ожидается, заложит фундамент для дальнейшего успешного сотрудничества по всем ключевым направлениям между странами⁵.

Стороны поддерживают расширение сотрудничества между странами Центральной Азии в области развития энергетики, включающее в себя расширение партнерских отношений в области традиционных источников энергии, таких как нефть, газ и нефтепродукты, а также в области возобновляемых источников энергии, таких как гидроэнергетика, солнечная энергия и энергия ветра. Выражена также общая приверженность развитию сотрудничества в области использования ядерной энергии в мирных целях и продвижению инициатив в области экологически чистых технологий. Кроме того, стороны выразили готовность наладить обмен опытом и сотрудничество по области цифровой трансформации электроэнергетики.

Тема сотрудничества в водно-энергетической сфере обсуждалась на VI Консультативной встрече глав государств Центральной Азии. Президент Казахстана К.-Ж. Токаев в очередной раз предложил разработать инициативы по совместному строительству гидроэнергетических объектов и учреждению Водно-энергетического консорциума для стран Центральной Азии. По его мнению, требуется выработка новой консолидированной водной политики, основанной на равноправном и справедливом водопользовании, неукоснительном выполнении взаимных обязательств⁶.

³ Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан подписали соглашение о подготовке к строительству и эксплуатации Камбаратинской ГЭС // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/06/11/kambarata/> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ См.: Россию втягивают в войну за воду. Узбекистан грозит начать войну за контроль над энергоресурсами Средней Азии. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2015/10/12/7815935.shtml?ysclid=m2v6lnh3w473151517> (дата обращения: 12.10.2024).

⁵ О чем договорились главы Минэнерго Узбекистана, Казахстана и Азербайджана в Астане // Sputnik Узбекистан. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20240807/vstrecha-glav-minenergo-sa-astana-45066554.html?ysclid=m2v71rsmuf520938400> (дата обращения: 10.10.2024).

⁶ Под председательством Касым-Жомарта Токаева состоялась VI Консультативная встреча глав государств Центральной Азии 9 августа 2024 г. // Президент Республики Казахстан : официальный сайт. URL: <https://www.akorda.kz/ru/pod-predsedelstvom-kasym-zhomarta-tokaeva-sostoyalas-vi-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-971327> (дата обращения: 12.10.2024).

Подобные инициативы уже оглашались и в рамках двусторонних встреч, и на площадках международных организаций, однако до настоящего времени не были реализованы.

Водно-энергетические проекты Соединенных Штатов

Центральная Азия стала представлять интерес для Соединенных Штатов после распада СССР в 1991 г. Вашингтон одним из первых признал независимость новообразованных стран, а также одним из первых открыл свои посольства во всех республиках региона. Первоначально американская стратегия заключалась в углублении политических контактов, продвижении демократического управления и либерализации рынка. Также зачастую США продвигали и поддерживали идею возрождения «национального самосознания» и национальной культуры народов Центральной Азии, ставящей основной целью отторжение региона в культурном, историческом и ментальном аспекте от России.

Стратегическое значение региона для США обусловлено значительными запасами энергоресурсов, редкоземельных металлов и выгодным географическим положением в Евразии, которое определяет одну из ведущих ролей Центральной Азии в борьбе с терроризмом и поддержании региональной стабильности. Вместе с тем Центрально-Азиатский регион с точки зрения вопросов экономической интеграции, миграционного потока, традиционных и нетрадиционных угроз безопасности является буферной зоной для воздействия на Россию и Китай. Минимизация значимости и влияния России, а теперь и Китая в регионе остается ключевой целью геополитической стратегии США на евразийском направлении.

Сразу после распада СССР политика США для центральноазиатских стран была генерализирована и универсальна в силу размытой идентичности на постсоветском пространстве. Открытое насаждение либеральной повестки не давало нужных результатов. Под влиянием западных акторов в странах Центральной Азии начали активизироваться националистические движения, в том числе дирижируемые извне. Затем стратегия влияния США стала более адресной, отвечающей специфике каждой из стран. Экономические и политические инициативы Запада были адаптированы к необходимости учитывать интересы центральноазиатских элит, которые в свою очередь пытались сохранить многовекторность своей внешней политики в силу исторического сопряжения с Россией и желанием продолжить выгодные отношения с северным соседом [Геополитические проекты... 2018].

В сентябре 2023 г. во время саммита «С5+1» Джо Байден заявил, что США заинтересованы в увеличении финансирования проектов, развивающих энергетическую безопасность стран Центральной Азии.

С 2020 г. США реализуют проект USAID⁷ «Энергетика Центральной Азии», который, как указано в паспорте, «оказывает помощь пяти странам

⁷ Деятельность Агентства США по международному развитию USAID фактически прекращена с февраля 2025 г. (*Прим. ред.*)

региона — Казахстану, Кыргызской Республике, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану — в достижении их национальных и региональных приоритетов в области энергетической безопасности и в получении экономических выгод от региональной торговли электроэнергией»⁸. Период реализации проекта: октябрь 2020 — сентябрь 2025; бюджет составил 39 млн долл. США.

В рамках этого проекта USAID запустил Региональный форум «Чистая энергия», в котором участвуют 300 представителей сектора энергетики. Агентство также организовало партнерство между компаниями США и местными институтами посредством запуска Американского Инновационного Центра для Центральной Азии и через налаживание связей между Ташкентским государственным техническим университетом и Университетом Делавэр. USAID предоставляло поддержку через обучающие и гендерные инициативы. Однако настораживает то, что Агентство занималось разработкой реформ по модернизации энергетического сектора. Так, например, сотрудники USAID принимали участие в рабочем заседании Министерства энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан⁹.

В 2021 г. Агентство запустило новый региональный проект по водным ресурсам и окружающей среде. В течение пяти лет проект с бюджетом в 24 млн долл. США должен реализовываться во всех пяти странах Центральной Азии и Афганистане «для укрепления регионального сотрудничества по управлению трансграничными водными ресурсами в бассейнах рек Сырдарья и Амударья»¹⁰. Сравнительно новый фактор Афганистана в водно-энергетической сфере в настоящее время заслуживает особого внимания [Жильцов 2023]. Очевидно, что данная программа не будет способствовать преодолению водно-энергетического кризиса в Центральной Азии, а призвана восстановить собственное влияние на Кабул, а также наладить отношения с правительством Афганистана, сформированном представителями движения «Талибан»¹¹. Поддержка USAID строительства Афганистаном канала Куш-Тепа подтверждает данный тезис. По мнению И. Шестакова, «начав реализацию этого проекта, Вашингтон абсолютно не интересовался, как он отразится на странах ЦА и какой урон нанесет их национальным интересам»¹². Необходимо отметить, что упомянутые инициативы Соединенных Штатов реализуются вместе с их «Глобальной водной стратегией на 2022–2027 гг.»,

⁸ Энергетика Центральной Азии // USAID : официальный сайт. URL: <https://www.usaid.gov/ru/fact-sheet/usaid-power-central-asia> (дата обращения: 12.10.2024).

⁹ Проект USAID «Энергетика Центральной Азии» // Министерство энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан : официальный сайт. URL: <https://www.mewr.tj/?p=1715> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁰ Региональный проект USAID по водным ресурсам и окружающей среде // сайт USAID. URL: <https://www.usaid.gov/ru/central-asia-regional/fact-sheets/usaid-regional-water-and-vulnerable-environment-activity> (дата обращения: 21.10.2024).

¹¹ Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено.

¹² США берут под контроль гидроресурсы Центральной Азии. Запад вынуждает страны региона отказаться от сотрудничества с Россией // Независимая газета. 12.05.2024. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-05-12/1_9005_asia.html (дата обращения: 18.10.2024).

которая была принята в 2022 г. и, как позиционируется, «предусматривает создание мира, в котором будет обеспечена безопасность водных ресурсов, что будет способствовать укреплению здоровья, процветанию, стабильности и жизнестойкости за счет устойчивого и справедливого управления водными ресурсами и доступа к безопасной питьевой воде, санитарным услугам и гигиене»¹³. Исследователь А. Михалев рассматривает ее как «всего лишь одну из версий управления водными ресурсами»¹⁴. Цель данной стратегии — помешать странам Центральной Азии сформировать интегрированную позицию для решения своих водных проблем и дистанцировать их от сотрудничества с Россией.

Самым известным энергетическим проектом, который поддерживает Соединенные Штаты, является CASA-1000 (Central Asia — South Asia — 1000). Он предусматривает соединение энергетических систем Центральной и Южной Азии, а именно Таджикистана и Кыргызстана с Афганистаном и Пакистаном, для экспорта электроэнергии.

Проект поддерживают Госдепартамент США, USAID, Всемирный банк, Исламский банк развития, Министерство международного сотрудничества Великобритании (DFID) и Австралийское агентство международного развития (AusAID).

Переговоры по этой инициативе велись с 2007 г. В 2008 г. представители четырех стран заказали технико-экономическое обоснование проекта. Разработку ТЭО завершили в 2011 г.

Так, Кыргызстан в рамках CASA-1000 обязался взять на себя долю в 40 % от предполагаемых поставок электроэнергии в Южную Азию. Оставшиеся 60 % готов обеспечить Таджикистан.

Однако этот проект таит большую опасность: Киргизия и Таджикистан, согласно условиям, должны летом сбрасывать воду, обеспечивая ею соседей — Казахстан и Узбекистан, и экспортировать электроэнергию в Пакистан. Зимой на вырученные деньги Бишкек может покупать электричество у Астаны или Ташкента. Однако в условиях кризиса киргизские энергетики будут опасаться спускать летом воду, дабы не оставить Токтогульское водохранилище пустым, а страну — без света и тепла. Это грозит проблемами и политической дестабилизацией. Проект не реализован не только из-за проблем, имеющихся в Афганистане, но и из-за сезонной неравномерности производства электроэнергии на ГЭС двух горных республик. Международные обязательства по экспорту электроэнергии в определенных объемах при дефиците электроэнергии на внутреннем рынке могут привести к тому, что потребители в Кыргызстане и Таджикистане будут лишены доступа к этому стратегически важному ресурсу.

¹³ U.S. Global Water Strategy // USAID. URL: <https://www.usaid.gov/water-and-sanitation/us-global-water-strategy> (accessed: 12.10.2024).

¹⁴ Инициативы США провоцируют водные конфликты в Центральной Азии — эксперт // Евразия Эксперт. URL: <https://eurasia.expert/initsiativy-ssha-provotsiruyut-vodnye-konflikty-v-tsentralnoy-azii-ekspert/> (дата обращения: 02.10.2024).

Американский интерес в создании такой энергетической инфраструктуры — сугубо политический: интегрировать Киргизию и Таджикистан не с Россией, а с Афганистаном и Пакистаном.

Водно-энергетические проекты Европейского Союза

После распада СССР Европейский союз начал постепенно наращивать присутствие в Центральной Азии. Сначала это происходило через предоставление помощи развитию и проецирование стандартов управления в экономике и государственном управлении. Растущая важность региона на международной арене заставляет Брюссель активизировать и диверсифицировать свою политику в Центральной Азии, предлагая в том числе проекты по водно-энергетическому сотрудничеству.

В 2009 г. при ведущей роли Италии была учреждена Платформа сотрудничества ЕС — Центральная Азия в сфере охраны окружающей среды и водных ресурсов, как основа для сотрудничества между ЕС и странами Центральной Азии в области охраны окружающей среды, водных ресурсов и изменения климата. ЕС возобновил проект «Европейский Союз — Центральная Азия: сотрудничество в области водных ресурсов, окружающей среды и изменения климата» (WECOOP) в октябре 2019 г.

Проект завершился в апреле 2023 г. Его деятельность была направлена в том числе «на усовершенствование и рационализацию политических стратегий и укрепление потенциала национальных министерств и государственных ведомств, работающих в соответствующих сферах»¹⁵.

Еще один проект — Программа «Вода и энергия Центральной Азии» (CAWEP). Это партнерство между Всемирным банком, Европейским союзом, Швейцарией (через SECO) и Соединенным Королевством было реализовано 2018–2022 гг. Бюджет проекта составил 11,2 млн¹⁶. Цель программы — содействовать региональному сотрудничеству для более устойчивого и комплексного управления водными и энергетическими ресурсами в условиях меняющегося климата¹⁷.

Одна из последних инициатив Брюсселя — проект Европейского Союза «Устойчивые энергетические связи в Центральной Азии» (SECCA) (2022–2026 гг.) с общим бюджетом в 6,8 млн евро.

В описании проекта говорится, что «ЕС стремится способствовать укреплению энергетической устойчивости региона, повышению уровня энергетической безопасности, обеспечению энергетической независимости, поддержке в достижении климатических целей, а также созданию рабочих мест и возможностей для бизнеса. Страны ЕС и ЦА работают вместе, чтобы создать синергию для

¹⁵ Обзор проекта // WECOOP. URL: <https://wecoop.eu/ru/about/> (дата обращения: 02.10.2024).

¹⁶ Central Asia Water and Energy Program (CAWEP) // European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/central-asia-water-and-energy-program-cawep_und_en (accessed: 12.10.2024).

¹⁷ Central Asia Water & Energy Program // The World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/brief/cawep> (accessed: 07.10.2024).

устойчивого энергетического сектора и сделать регион ЦА более сильным игроком на мировой арене»¹⁸. Отдельно отмечается, что проект SECCA также будет учитывать гендерную проблематику, поддерживая гендерную политику и законодательство как в области энергоэффективности, так и в области возобновляемых источников энергии, а также повышение роли женщин в данной сфере.

Миссия проекта SECCA заключается в содействии более устойчивому энергетическому балансу в регионе Центральной Азии в соответствии с передовым опытом ЕС. Однако, пропагандируя «зеленое» энергообеспечение, страны Европейского Союза сами окончательно не готовы к «зеленому» переходу. Германия Нидерланды и Италия были вынуждены возобновить работу некоторых закрытых ранее угольных электростанций.

Следует отметить, что проект SECCA реализуется в рамках стратегии «Глобальный шлюз» (Global Gateway). Ее цели: повысить доступность Интернета в Центральной Азии (проложив каналы для оптоволоконных кабелей); диверсифицировать транспортные маршруты с опорой на Транскаспийский мультимодальный коридор; внедрить в регионе возобновляемую энергетику и «умное» сельское хозяйство¹⁹.

Можно сказать, что в водно-энергетических проектах Европейского Союза главный упор проекта делается не на предотвращение энергокризиса, а на переход к возобновляемым источникам энергии и достижение климатических целей энергопользования. Зачастую они направлены на изменение законодательства республик Центральной Азии, что может представлять угрозу их государственному суверенитету.

Заключение

Таким образом, водно-энергетические проблемы в Центрально Азии требуют комплексного решения и вовлечения всех республик. Кроме того, критически необходимо подключение к этому процессу России. Это обусловлено не только существованием в общем энергетическом пространстве в прошлом, но и объективным требованием географии. Со своей стороны Москва предлагает реализацию серии проектов, которые способны качественно изменить ситуацию в регионе. К ним относятся поставки газа в страны региона через трубопровод «Средняя Азия — Центр», строительство АЭС и ГЭС.

Кроме реализации больших энергетических проектов Россия через филиалы российских вузов готовит специалистов, способных впоследствии их обслуживать (например, Ташкентский и Казахстанский филиалы Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»).

¹⁸ Обзор проекта // SECCA. URL: <https://secca.eu/ru/about-us/overview/> (дата обращения: 02.10.2024).

¹⁹ Матяшова Дарья. Для чего ЕС хочет инвестировать в Центральную Азию? Возможности и риски «Глобального шлюза» // ИАЦ. URL: <https://ia-centr.ru/experts/darya-matyashova/dlyachego-es-khochet-investirovat-v-tsentralnuyu-aziyu-vozmozhnosti-i-riski-globalnogo-shlyuza/> (дата обращения: 02.10.2024).

Подход РФ отличает комплексный характер подхода решения проблемы: от готовых передовых инженерных решений до подготовки местных профессионалов для их обслуживания. Кроме того, предложения Москвы не предусматривают политического контекста и основаны на взаимной выгоде в их реализации. Осознавая важность развития ВИЭ, РФ делает ставку на сооружение более реалистичных, быстрее воплощаемых и эффективных источников энергии.

Соединенные Штаты и Европейский Союз в свою очередь, предлагая многочисленные проекты и программы сотрудничества по водно-энергетической тематике в Центральной Азии, во главу угла ставят не решение проблем, а насаждение «зеленой» и гендерной повестки, изменение законодательства и отторжение региона от сотрудничества с Россией.

Поступила в редакцию / Received: 27.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 23.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Абдиева А.И., Асанов Н.М., Туратбеков А.Т. Некоторые особенности водной политики в Центральной Азии // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2023. № 32. С. 31–39. EDN: JDHPGA
- Гусев Л.Ю. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их разрешения // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 34–41. <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-6-33-34-41>; EDN: RQDLXT
- Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10, № 2. С. 110–119. <http://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>; EDN: OQTUVK
- Крицкий Д.В., Щедров И.Ю. Перспективы использования солнечных электростанций в Центральной Азии в условиях энергоперехода // Экономический журнал ВШЭ. 2024. № 28 (2). С. 329–351. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-2-329-351>; EDN: RNXHAZ
- Притчин С. Энергетический кризис в странах Центральной Азии и перспективы их сотрудничества с Россией // Россия и новые государства Евразии. 2023. № III (LX). С. 94–104. <http://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-94-104>; EDN: CTD AIS
- Салиев А.Л., Асанбеков М.К., Омаров М.Н. Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии / отв. ред. А.Л. Салиев; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2018.
- Сизов А.А. Политические инструменты разрешения международных проблем водопользования: на примере региона Центральной Азии // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 3. С. 183–187. EDN: JQKLYA
- Nesmarshnyi A. The water-energy security nexus in Central Asia: evaluating the effectiveness of international governance // Pathways to Peace and Security. 2024. No. 1 (66). P. 229–253. <http://doi.org/10.20542/2307-1494-2024-1-229-253>; EDN: JZARJV

References

- Abdieva, A.I., Asanov, N.M., & Turatbekov, A.T. (2023). Some features of water policy in Central Asia. *Bulletin of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic*, 32, 31–39. (In Russian). EDN: JDHPGA

- Gusev, L.Y. (2013). Water and energy problems of Central Asia and possible ways to resolve them. *Bulletin of MGIMO University*, (6), 34–41. (In Russian). <http://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-6-33-34-41> EDN: RQDLXT
- Kritsky, D.V., & Shchedrov, I.Y. (2024). Prospects for the use of solar power plants in Central Asia in terms of energy transition. *HSE Economic Journal*, 28(2), 329–351. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-2-329-351> EDN: RNXHAZ
- Nesmeshny, A. (2024). The relationship between water and energy security in Central Asia: An assessment of the effectiveness of international governance. *Paths to Peace and security*, 1(66), 229–253. <http://doi.org/10.20542/2307-1494-2024-1-229-253>; EDN: JZARJV
- Pritchins, S. (2023). The energy crisis in the Central Asian countries and the prospects for their cooperation with Russia. *Russia and the new states of Eurasia*, III (LX), 94–104. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-94-104>; EDN: CTDAIS
- Saliev, A.L., Asanbekov, M.K., & Omarov, M.N. (2018). *Geopolitical projects of world centers of power in Central Asia*. Bishkek: ISAP KRSU. (In Russian).
- Sizov, A.A. (2024). Political instruments for solving international water use problems: On the example of the Central Asian region. *Socio-Humanitarian Knowledge*, (3), 183–187. (In Russian). EDN: JQKLYA
- Zhiltsov, S.S. (2023). The problem of water scarcity in Central Asia: The factor of Afghanistan. *Problems of the post-Soviet space*, 10(2), 110–119. (In Russian). <http://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119> EDN: OQTYBK

Сведения об авторах:

Власов Евгений Евгеньевич — кандидат политических наук, проректор по международным отношениям, директор Восточного института, Дальневосточный федеральный университет (e-mail: vlasov.ee@dvfu.ru) (ORCID: 0009-0003-3487-0717)

Дмитриева Марина Олеговна — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Восточный институт, Дальневосточный федеральный университет (e-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru) (ORCID: 0000-0003-1010-5108)

About authors:

Evgeny E. Vlasov — PhD in Political Science, Vice-Rector for International Relations, Director of the Oriental Institute, Far Eastern Federal University (e-mail: vlasov.ee@dvfu.ru) (ORCID: 0009-0003-3487-0717)

Marina O. Dmitrieva — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of International Relations, Oriental Institute, Far Eastern Federal University (e-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru) (ORCID: 0000-0003-1010-5108)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-91-101

EDN: BOVYIZ

Научная статья / Research article

Реализация афганского проекта Куш-Тепа в контексте водной проблематики Центральной Азии

Ю.Н. Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Российская Федерация

✉ guzvenko@yandex.ru

Аннотация. Политико-правовые основы реализации проекта Куш-Тепа подразумевают строительство канала и увеличение стока воды трансграничной реки Амударья на территорию северных провинций Афганистана. Историко-политологический анализ позволил охарактеризовать исторические предпосылки дефицита водных ресурсов в регионе, провоцирующий напряженность в межгосударственных отношениях Афганистана и центральноазиатских республик. Выявлена правовая база разграничения советско-афганской границы в XX в. и выделения доли водостоков трансграничной реки Амударья для Афганистана и центральноазиатских республик. В результате анализа социально-экономического положения населения трех афганских провинций на севере Балх, Джаузджан, Фарьяб было выявлено, что 30–40 % населения проживает в условиях тяжелого продовольственного кризиса. Доказано, что реализация проекта Куш-Тепа, завершение строительства которого планируется в 2028 г., для Афганистана решает важнейшие национальные и региональные задачи. Выявлено, что странам нижнего бассейна Амударьи — Узбекистану и Туркменистану придется существенно снижать объемы водостока из реки после завершения строительства канала Куш-Тепа. На примере Узбекистана показаны механизмы «мягкого» включения узбекской стороной Афганистана в переговорный процесс. Автором сделан вывод, что Узбекистану в обозримом будущем придется ускоренными темпами переходить к модернизации водного хозяйства и экономичным методам полива сельскохозяйственных угодий.

Ключевые слова: Амударья, Афганистан, канал Куш-Тепа, Узбекистан, сельское хозяйство, Центральная Азия, дефицит водных ресурсов

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Цыряпкина Ю.Н. Реализация афганского проекта Куш-Тепа в контексте водной проблематики Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 91–101. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-91-101>

© Цыряпкина Ю.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Realization of Afghan Project Qosh-Tepa in the Context of Water Issues of Central Asia

Yulia N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

✉ guzvenko@yandex.ru

Abstract. The political and legal background of the realization of Qosh-Tepa project means the construction of the channel and increase of water flow from the trans-border river Amu Darya to the territory of Northern provinces of Afghanistan. Historical and political analysis allowed to characterize historical background of the deficiency of water resources in the region, provoking tension in state-to-state relations of Afghanistan and the republics of Central Asia. The article reveals the legal base of demarcation of Soviet-Afghanistan border in the XX century and the assignment of the share of water drains of the trans-border river Amu Darya for Afghanistan and the republics of Central Asia. The results of the conducted analysis of social and economic state of population in three Afghan provinces in the North (Balkh, Jowzjan, Faryab) show that 30–40 % of population live in the conditions of hard food crisis. The article proves that the realization of Qosh-Tepa project, its construction is planned to be finished in the year 2028, solves the important national and regional problems of Afghanistan. It was revealed that the countries of the lower pond of Amu Darya — Uzbekistan and Turkmenistan will have to reduce significantly the amount of water flow from the Amu Darya, when the project of Qosh-Tepa construction is finished. Using the example of Uzbekistan the mechanisms of «smooth» inclusion of Afghanistan by Uzbek's side in the process of negotiation are shown. The author concludes that Uzbekistan in the foreseeable future will have to accelerate the process of modernization of water management and introduce the economically efficient methods of watering cultivated lands.

Keywords: Amu Darya, Afghanistan, Kosh-Tepa Canal, Uzbekistan, agriculture, Central Asia, water scarcity

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Tsyryapkina, Yu.N. (2025). The realization of Afghan project Qosh-Tepa in the context of water issues of Central Asia. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 91–101. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-91-101>

Введение

В последние десятилетия в Центрально-Азиатском регионе нарастают кризисные явления в водной сфере, связанные с нехваткой пресной воды для сельскохозяйственных угодий Узбекистана и Туркменистана и продовольственной безопасности жителей северных провинций Афганистана. Афганская сторона долгое время не участвовала в обсуждении вопросов водных ресурсов из-за череды военно-политических конфликтов и фактической дефрагментации страны. При этом 30 % ресурсов трансграничной реки Амударьи формируется в горах на территории Афганистана, и страна имеет право на забор своей доли водных ресурсов. С 1990-х гг. Афганистан использовал водосток из Амударьи в размере 2 км³ в год, что значительно преуменьшало отведенную по договоренностям с СССР в 1980-е гг. квоту для страны. Кроме того, Афганистан не участвовал

в управлении и распределении водных ресурсов Амударьи и не являлся членом Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии стран Центральной Азии, в которую входят первые руководители водохозяйственных республик Центрально-Азиатского региона. В политико-правовом смысле не учитывался тот факт, что Амударья протекает по территории трех афганских провинций и в ее бассейне проживает 25 % населения страны, от водостоків реки зависит снабжение сельскохозяйственных плантаций и экологическая ситуация на севере Афганистана.

В самом Центрально-Азиатском регионе после распада СССР действует сложный консенсус по разделу воды Амударьи преимущественно между странами, находящимися в нижнем течении бассейна реки, — Узбекистаном и Туркменистаном, которые в 1996 г. подписали двустороннее соглашение о долях водозабора из Амударьи. Эти договоренности работали до марта 2022 г., пока пришедшее к власти правительство движения «Талибан»^{*1} не включилось в борьбу за водные ресурсы реки Амударьи. Напряжение в решении водного вопроса привело в 2023 г. к ирано-афганскому спору за воду реки Гильменд², в результате которого погибли иранские пограничники и представитель движения «Талибан»*.

Наиболее сложный комплекс проблем возник в результате инициированного афганской стороной в марте 2022 г. строительства канала Куш-Тепа по реке Амударья на границе Узбекистана и афганской провинции Балх, по завершении которого водосток из Амударьи для афганской стороны увеличится. По разным экспертным оценкам, Узбекистан и Туркменистан могут потерять до 15 % оросительной воды из основной реки региона [Жильцов 2023: 112], что неизбежно отразится на развитии сельского хозяйства, методах ирригации и экологической безопасности Центральной Азии.

В этой связи принципиальное значение приобретает анализ исторического контекста и осмысление текущей ситуации всего комплекса водных проблем для Афганистана и Центрально-Азиатского региона при реализации проекта Куш-Тепа.

В российской историографии в последние 2 года опубликованы экспертно-аналитические статьи с анализом текущего состояния распределения водно-энергетических ресурсов региона и возможного напряжения водной повестки в Центрально-Азиатском регионе [Жильцов 2023; Мустафабейли 2024]. Центральноазиатскими авторами также детально анализируется вопрос водного регулирования на Амударье для разных стран и предлагаются возможные пути выхода из создавшейся ситуации [Арифов 2024]. Учитывая тот факт, что в обеспечении водной безопасности региона возникают новые вызовы, влияющие на ситуацию со строительством канала Куш-Тепа, актуальность статьи заключается в осмыслении реализации проекта Куш-Тепа в широкой исторической

¹ *Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено.

² Tensions Rise As Iran Accuses Taliban Of Hoarding Water Share. 4.04.2024. URL: <https://www.iranintl.com/en/202403047935> (accessed: 25.11.2024).

ретроспективе, исходя из социально-экономического положения северных провинций Афганистана и дипломатической активности ключевого государства региона — Узбекистана.

Цель статьи — на основе опубликованных источников проанализировать реализацию афганского проекта Куш-Тепа в контексте решения водного вопроса Центрально-Азиатского региона.

Предыстория вопроса

Правовая основа вопросов разграничения водных ресурсов в Центрально-Азиатском регионе была заложена в конце XIX в. Граница между Афганистаном и Бухарским эмиратом, признавшим протекторат Российской империи, была оформлена в 1895 г. согласно «Соглашению между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния в области Памиров»³. Это разграничение легло в основу последующих пограничных договоренностей между СССР и Афганистаном. В 1946 г. был запущен процесс подтверждения границы, определения ее спорных участков, особенно по водным границам Амударьи и Пянджа⁴. Порядок использования пограничных вод между Афганистаном и СССР детально регламентировался договором 1958 г. о режиме советско-афганской границы (раздел II), согласно которому отдельные участки проходили по тальвегу рек Амударья и Пяндж, уважались и учитывались права и интересы обеих сторон (ст. 7)⁵. Фактически этот договор являлся ключевым в регулировании режима афгано-советской границы.

Бассейн реки Амударья располагался на территории четырех советских республик (Таджикская, Узбекская, Туркменская и Киргизская ССР), и его гидрография была представлена большим количеством рек малой и большой водоносности, в том числе и рекой Пяндж⁶, находящейся на границе Афганистана и Таджикской ССР. Учитывая сложное сочетание гидроэнергетики региона, сельского хозяйства и высокой плотности населения, СССР стремился централизованно регулировать забор воды республиками Центрально-Азиатского региона и Афганистана.

³ Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния в области Памиров Лондон, 27 февраля/11 марта 1895 г. // Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). Москва : государственное издательство политической литературы, 1952. С. 284–286.

⁴ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Афганистаном по пограничным вопросам. 13 июня 1946 г. // Советско-афганские отношения 1919–1969 гг. : документы и материалы. Москва : Политиздат, 1971. С. 98–100.

⁵ Договор между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Королевским Правительством Афганистана о режиме советско-афганской государственной границы. 18 января 1958 г. // Советско-афганские отношения 1919–1969 гг. : документы и материалы. Москва : Политиздат, 1971. С. 143–168.

⁶ Уточнение схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов реки Амударья / Институт Средазгипроводхлопок им. А.А. Саркисова. Сводная записка. Ташкент, 1984. С. 22.

В 1980-е гг. для центральноазиатских республик были разработаны лимиты забора воды для крупнейших рек региона, протокол использования воды для Амударьи был принят в 1987 г. До этого в 1984 г. была принята схема использования и охраны водных ресурсов Амударьи, подготовленная Институтом «Средазгипроводхлопок» им. А.А. Саркисова. Согласно данному документу, в 1984 г. территория бассейна реки занимала площадь 101 783 тыс. га и по союзным республикам распределялась следующим образом: Узбекская ССР — 38 949 тыс. га, Таджикская ССР — 12 913 тыс. га, Киргизская ССР — 800 тыс. га, Туркменская ССР — 49 121 тыс. га⁷. Самые крупные доли водозабора были у Узбекской и Туркменской ССР, что осталось неизменным и в постсоветский период. Вся территория бассейна р. Амударьи была поделена на 10 водохозяйственных районов, два из которых выделены на зарубежных территориях Северного Афганистана и Северо-Восточного Ирана⁸. В аналитической записке отмечалось, что в 1960-е гг. была зафиксирована проблема нехватки нормы орошения для Северного Афганистана и страна нуждалась в дополнительном стоке из реки Амударьи⁹.

После распада СССР и суверенизации Центрально-Азиатских республик обострилась проблема водных ресурсов, что привело к столкновению интересов стран региона. Противоречия возникают между государствами верхнего течения Амударьи (Таджикистан и Афганистан), которые используют водные ресурсы реки в качестве источника гидроэлектроэнергии, а также для ирригации. Для государств нижнего течения (Узбекистан и Туркменистан) река представляет собой источник воды, который используется в целях орошения хлопковых и рисовых площадей.

Для урегулирования водных вопросов в феврале 1992 г. было принято Алматинское соглашение¹⁰ между пятью республиками региона, в котором прописывались обязательства каждой страны в вопросах водопользования ресурсами главных водных артерий региона — Сырдарьи и Амударьи, а также намечался план совместных мероприятий по предотвращению пересыхания Аральского моря. Принятие Алматинского соглашения положило начало созданию Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии стран Центральной Азии (МКВКА). Афганская сторона из-за вооруженных конфликтов, прихода к власти правительства непризнанного движения «Талибан»¹¹ не была включена ни в одну региональную международную организацию, координирующую водно-энергетическое хозяйство. Хотя право Афганистана на водосбор из Амударьи является неоспоримым.

⁷ Уточнение схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов реки Амударьи / Институт Средазгипроводхлопок им. А.А. Саркисова. Сводная записка. Ташкент, 1984. С. 29.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ Там же. С. 141.

¹⁰ Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников». URL: http://icwc-ara1.uz/statute1_ru.htm (дата обращения 12.12.2024).

¹¹ Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено.

В 1996 г. было подписано двустороннее узбекско-туркменское соглашение о сотрудничестве по водохозяйственным вопросам, согласно статье 6 водосток Амударьи равными долями (50 на 50) делился между Узбекистаном и Туркменистаном¹². Данное соглашение действовало до 2022 г., вплоть до момента активной фазы строительства канала Куш-Тепа.

Социально-экономическая ситуация на севере Афганистана и строительство канала Куш-Тепа

Куш-Тепа является самым масштабным проектом освоения земель на севере Афганистана. Идея орошения сельскохозяйственных угодий на севере Афганистана зародилась при республиканском правительстве М. Дауда в 1976 г., когда был разработан 7-летний план развития Афганистана, в рамках которого в период с 1976 по 1983 г. закладывалась задача обследовать ирригационные возможности по расширению пахотных земель в Северном Афганистане. В этот период было выявлено 217 800 гектаров земель, которые уже орошались, а дополнительные 83 600 га были определены как потенциально орошаемые [Faigiyar 2024: 33]. Планировалось оросить эти сельскохозяйственные наделы с помощью проекта водяного насоса, известного как Куш-Тепа, который включал перекачку воды из Амударьи. Отчет по технико-экономическому обоснованию проекта Куш-Тепа был первоначально подписан между Афганистаном и Советским Союзом с участием Сельхозпромэкспорта на период два года и был подготовлен афганскими и советскими экспертами. В период с 1976 по 1982 г. планировалось завершить все мероприятия, связанные с обследованием, планированием проекта, строительством насосной станции и др. Большая часть средств (64 млн долл. США) выделялась в качестве иностранной помощи от Советского Союза [Faigiyar 2024: 33]. Реализация этих планов была прервана чередой военно-политической нестабильности, в которую погрузился Афганистан после Саурской революции 1978 г.

В постталибский¹³ период в 2004 г. афганское правительство снова возвращается к идее развития сельского хозяйства на севере страны, что предполагало расширение орошаемых земель с использованием воды из Амударьи с целью увеличения сельскохозяйственного производства, ввода в эксплуатацию неиспользуемых залежных земель и повышения качества существующих сельскохозяйственных угодий.

Исламская Республика Афганистан привлекала деньги на строительство канала с помощью кредитов международных банков, организаций-доноров и своего национального бюджета. Наиболее результативными стали усилия западно-ориентированного правительства президента Ашрафа Гани с непосредственным участием Агентства США по международному развитию (United State Agency

¹² Соглашение между Республикой Узбекистан и Туркменистаном о сотрудничестве по водохозяйственным вопросам. 16.01.1996. URL: <https://lex.uz/ru/docs/2571728> (дата обращения: 29.12.2024).

¹³ Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено.

for International Development, USAID), которое в 2018 г. заявило о завершении технико-экономического обоснования проекта¹⁴.

Правительство движения «Талибан»¹⁵ начинает реализацию масштабного проекта по строительству канала Куш-Тепа в провинции Балх с марта 2022 г., используя техническую документацию, подготовленную в 2018 г. На сайте Кабульского политехнического университета представлены общие официальные характеристики проекта: длина канала составляет 285 км, ширина 100 м, глубина 8,5 м. Ожидается, что после завершения строительства водные ресурсы Куш-Тепа смогут превратить 550 000 га пустыни в сельскохозяйственные угодья¹⁶. Строительство началось в районе Кальдар провинции Балх, проходит через провинцию Джаузджан до района Андхой и закончится в провинции Фарьяб. Сроки начала работ 31.03.2022 г., завершение планируется примерно в 2027–2028 гг. Официально проект реализует Афганская компания по национальному развитию.

Активизация афганского правительства в вопросах водного обеспечения страны обусловлена социально-экономическим развитием в последние десятилетия. По данным на 2016–2017 гг., в сельской местности Афганистана проживало 71 % населения, 24 % — городские жители, около 5 % маргинализованная группа кочевников кучи [Цыряпкина 2024: 76]. Кроме того, что в Афганистане большая часть населения проживает в сельской местности, по данным Всемирного банка, Афганистан — страна с высоким уровнем продовольственной нестабильности¹⁷.

В провинциях Балх, Фарьяб и Джаузджан на севере страны имеются значительные сельскохозяйственные угодья, пригодные для развития земледелия и скотоводства, но из-за нехватки воды подвержены опустыниванию. Вся сельскохозяйственная продукция, производимая в этих провинциях, делится на четыре категории: пшеница, овощи, фрукты и садовая продукция, зерновые/бобовые.

В каждой из этих трех провинций население ощущает нехватку питьевой воды и продуктов питания, например, в Фарьябе 40 % населения живет в условиях дефицита продовольствия, в провинции Джаузджан только 50–69 % жителей имеют доступ к безопасной питьевой воде, в провинции Балх только 30 % населения обеспечены продовольствием [Faqiryar 2024: 42–44]. Во всех провинциях существуют сельскохозяйственные плантации, на которых фермеры выращивают хлопок. В Балхе фермеры собирают воду за счет таяния зимнего снега и сезонных дождей в больших ямах. Последние 2–3 года проблема нехватки воды решалась путем бурения глубоких скважин в нескольких районах [Faqiryar 2024: 46]. Тем не менее часть населения продолжает испытывать тяжелый продовольственный кризис.

¹⁴ Feasibility Study for Khush Tepa Irrigation Canal Ceremony Held. 10.12.2018. URL: <https://2017-2020.usaid.gov/afghanistan/news-information/press-releases/Dec-10-2018-Feasibility-Study-for-Khush-Tepa-Irrigation-Canal-Ceremony-Held> (accessed: 29.12.2024).

¹⁵ Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено.

¹⁶ The Qosh Tepa Canal. 14.02.2023. URL: kpu.edu.af/index.php/en/qosh-tepa-canal (accessed: 03.01.2025).

¹⁷ Afghanistan. URL: <https://data.worldbank.org/country/afghanistan> (accessed: 03.01.2025).

В этой связи строительство канала Куш-Тепа, кроме реализации законного права страны выбрать свою квоту воды из Амударьи, преследует важнейшие национальные задачи:

- 1) снизить уровень продовольственной необеспеченности населения севера;
- 2) расширить возможности заработка для населения, специализирующегося на производстве сельскохозяйственной продукции, которую можно экспортировать в соседние страны;
- 3) ограничить миграцию населения из этих провинций в соседние государства и в страны дальнего зарубежья;
- 4) не допустить опустынивание сельскохозяйственных территорий.

Остается открытым вопрос об источниках финансирования масштабной стройки, хотя афганское правительство и заявляет, что строит канал из государственных средств. Общая стоимость проекта составляет 684 млн долл. США¹⁸.

Высказываются различные предположения, в том числе что финансовую помощь в строительстве оказывают США через Катар [Мустафабейли 2024: 71]. Считается, что строительство канала Куш-Тепа может финансировать китайская сторона, которая выступает инвестором многочисленных проектов в Афганистане, наиболее крупными из которых является добыча нефти в бассейне реки Амударья, разработка медного рудника «Айнак» в непосредственной близости от Кабула. Косвенно на это указывает информация на новостном портале Исламского Эмирата Афганистан о визите в Китай исполняющего обязанности министра водных ресурсов и энергетики Афганистана Альхаджа Муллы Абдул Латиф Мансура в октябре 2024 г., который провел ряд встреч в посольстве ИЭА в Пекине¹⁹.

Согласно последним официальным новостям из Афганистана, датированным декабрем 2024 г., Национальная корпорация развития сообщила о завершении второго этапа строительства канала Куш-Тепа на 81 %, степень готовности плотины канала составляет 67 %. Национальная корпорация развития предполагает завершить земляные работы второго этапа проекта Куш-Тепа в провинции Фарьяб к концу текущего солнечного года (март 2025 г. — Ю.Ц.). Также в официальном заявлении отмечается, что в настоящее время усилия строителей сосредоточены на возведении четырех мостов, планируется строительство дополнительных мостов вдоль канала²⁰.

Кроме объективной социально-экономической потребности в строительстве канала Куш-Тепа для снабжения сельскохозяйственных пастбищ северных

¹⁸ Ильхамов А. Последствия строительства канала Кош-Тепа в Афганистане для системы водоснабжения в Узбекистане. URL: <https://m.asiaterra.info/news/alisher-ilkhamov-posledstviya-stroitelstva-kanala-kosh-tepa-v-afganistane-dlya-sistemy-vodosnabzheniya-v-uzbekistane> (дата обращения: 23.12.2024).

¹⁹ وزیر پانی و توانائی کا چین میں افغان سفارت خانے کا دورہ // Islamic Emirate of Afghanistan. The Afghanistan Official Voice. URL: <https://www.alemarahurdu.af/افغان-میں-چین-کا-توانائی-و-پانی-وزیر-سفا-افغان/> (accessed: 19.12.2024).

²⁰ افغانستان: وسطی ایشیا کے بڑے آبی منصوبے کے دوسرے مرحلے پر کام تیزی سے جاری، 81 فیصد مکمل // Islamic Emirate of Afghanistan. The Afghanistan Official Voice. URL: <https://www.alemarahurdu.af/3-افغانستان-وسطی-ایشیا-کے-بڑے-آبی-منصوبے/> (accessed: 19.12.2024).

провинций пресной водой для правительства «Талибан»²¹ этот проект обладает важным имиджевым ресурсом. Официально он осуществляется без иностранной помощи. После завершения проекта Куш-Тепа повышается политический вес Афганистана, и он получает мощный инструмент влияния на страны Центральной Азии, что уже иллюстрируется усиливающимся переговорным процессом Афганистана с республиками Центральной Азии.

Строительство Куш-Тепа и перспективы решения водного вопроса для Узбекистана

По данным Института мировых ресурсов, Узбекистан (34-е место), наряду с Афганистаном (40-е место) и Туркменистаном (33-е место), находится в числе стран с «высоким» водным дефицитом²². В Узбекистане 90 % водных ресурсов, имеющихся в его распоряжении, уходит на нужды сельского хозяйства, которое, по данным 2019 г., обеспечивает 28 % ВВП страны²³.

Как уже отмечалось выше, с 1990-х гг. забор воды из Амударьи Узбекистаном и Туркменистаном, располагающимися в нижнем течении реки, регулировался на основе двустороннего соглашения, подписанного в 1996 г. в г. Чарджоу (ныне Туркменабад). Узбекистан до строительства канала Куш-Тепа получал 23 км³, по расчетам экспертов после завершения строительства канала, при наиболее ожидаемом сценарии Узбекистану достанется в год только 16.4 км³²⁴. Этим странам в дальнейшем придется существенно пересматривать свои доли в сторону снижения общего объема водных ресурсов Амударьи, можно отметить, что этот процесс уже запущен.

Пока рано оценивать весь комплекс мер, которые предпринимает Узбекистан для «мягкого» решения водного кризиса, но очевидно, что узбекская сторона пытается включить Афганистан в переговорный процесс, предлагает различные варианты сотрудничества и инвестиции. Например, в марте 2023 г. делегация Республики Узбекистан во главе со специальным представителем президента Узбекистана по вопросам внешней политики Абдулазизом Камиловым посетила Афганистан с визитом, по итогам которого узбекская сторона заявила о том, что обсуждались вопросы сотрудничества в сфере водно-энергетического хозяйства²⁵.

²¹ Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено.

²² 25 Countries Housing One-Quarter of the Population, Face Extremely High Water Stress / World Resources Institute. 16.08.2023. URL: <https://www.wri.org/insights/highest-water-stressed-countries> (accessed: 20.12.2024).

²³ Ильхамов А. Последствия строительства канала Кош-Тепа в Афганистане для системы водоснабжения в Узбекистане. URL: <https://m.asiaterra.info/news/alisher-ilkhamov-posledstviya-stroitelstva-kanala-kosh-tepa-v-afganistane-dlya-sistemy-vodosnabzheniya-v-uzbekistane> (дата обращения: 23.12.2024).

²⁴ Ильхамов А. Последствия строительства канала Кош-Тепа в Афганистане для системы водоснабжения в Узбекистане. URL: <https://m.asiaterra.info/news/alisher-ilkhamov-posledstviya-stroitelstva-kanala-kosh-tepa-v-afganistane-dlya-sistemy-vodosnabzheniya-v-uzbekistane> (дата обращения: 23.12.2024).

²⁵ Не было печали: станет ли строительство канала Куштепа катастрофой для Узбекистана? 10.06.2023. URL: <https://kun.uz/ru/news/2023/06/10/ne-bylo-pechali-stanet-li-stroitelstvo-kanala-kushtepa-katastrofoy-dlya-uzbekistana?ysclid=m5ex92pru1845864654> (дата обращения: 25.12.2024).

Расширение партнерства между Республикой Узбекистан и правительством движения «Талибан»²⁶ наблюдается в 2024 г. В октябре 2024 г. между сторонами было подписано пять договоров в сфере горнодобывающей промышленности и энергетики. Узбекистан заключил с афганским правительством соглашения на сумму 1,15 млрд долл. США в сфере энергетики, а также добычи золота и меди. Планируется строительство тепловой электростанции мощностью 120 МВт и геофизические исследования углеводородных ресурсов на участке Тути-Майдон. Таким образом, только за последнее время объем узбекских инвестиций превысил 4 млрд долл. США²⁷.

Другой аспект затрагиваемой проблемы связан с необходимостью внутренней перестройки организации сельского хозяйства. Узбекистану в обозримом будущем придется ускоренными темпами переходить к модернизации водного хозяйства и методов обработки сельскохозяйственных угодий, ускорить переход к водосберегающим технологиям орошения посевных площадей, реорганизовать фермерское хозяйство. Возможно, реализация афганской стороной проекта Куш-Тепа ускорит эти изменения.

Заключение

Водная проблематика в Центрально-Азиатском регионе в последние десятилетия была отягощена нехваткой водных ресурсов для ведения сельского хозяйства ключевыми республиками, отсутствием современной правовой базы. Фактор строительства канала Куш-Тепа привел к необходимости пересмотра всех существующих соглашений по разделу водных ресурсов реки Амударья, заключенных еще в XX в., а также пересмотра роли Афганистана в решении водных вопросов в Центрально-Азиатском регионе. В настоящее время заключать какие-либо юридические соглашения с непризнанным правительством движения «Талибан»^{*} крайне затруднительно, так же как и продолжать игнорировать афганский фактор. В ближайшей перспективе понадобится совместная работа по урегулированию вопросов водного дефицита в регионе. Афганистан, реализуя проект Куш-Тепа, завершение которого планируется в 2028 г., решает важнейшие национальные и региональные задачи.

Поступила в редакцию / Received: 20.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 07.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

²⁶ *Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено.

²⁷ Сотрудничество между Узбекистаном и Афганистаном является важным элементом обеспечения стабильности и развития в регионе. URL: <https://uzconsulate-aktau.kz/2024/%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83-%D1%83%D0%B7%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%BC-%D0%B8-2/> (дата обращения: 25.12.2024).

Библиографический список

- Арифов Х.О. Афганистан приступил к реализации проектов по использованию своих водных ресурсов по реке Амударья // *Международные отношения и безопасность*. 2024. № 2 (10). С. 128–141. EDN: ILGUCW
- Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана // *Проблемы постсоветского пространства*. 2023. Т. 10. № 2. С. 110–119. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>; EDN: OQTYBK
- Мустафабейли А.М. Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепа // *Россия и мир: научный диалог*. 2024. № 2 (12). С. 66–79. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-66-79](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-66-79); EDN: FCOXOO
- Цыряпкина Ю.Н. Эволюция языковой политики в системе образования Афганистана в 1920–2010-е гг. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2024. № 5 (139). С. 70–78. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2024\)5-09](https://doi.org/10.14258/izvasu(2024)5-09); EDN: INCMYG
- Faqiryar J.N. Food-Climatic Nexus in the North River Basin in Afghanistan: a Case Study of Qush Tepa National Irrigation Canal // *Research Series of Rumi Organization for Research*. 2024. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.15738.09922>

References

- Arifov, H.O. (2024). Afghanistan has started implementing projects to use its water resources along the Amu Darya River. *International relations and security*, 2(10), 128–141. (In Russian). EDN: ILGUCW
- Faqiryar, J.N. (2024). *Food-Climatic Nexus in the North River Basin in Afghanistan: a Case Study of Qush Tepa National Irrigation Canal*. Research Series of Rumi Organization for Research. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.15738.09922>
- Mustafabeyli, A.M. (2024) Central Asia: the Problem of Water Use in the Situation of the Construction of the Afghan Kush-Tepa Canal. *Russia & World: Sc. Dialogue*, 2, 66–79. (In Russian). [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-66-79](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-66-79); EDN: FCOXOO
- Tsyryapkina, Yu N. (2024). Evolution of Language Policy in Afghanistan Education System in the 1920s-2010s. *Izvestiya of Altai State University*, (5), 70–78. (In Russian). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2024\)5-09](https://doi.org/10.14258/izvasu(2024)5-09); EDN: INCMYG
- Zhil'tsov, S.S. (2023). The problem of water scarcity in Central Asia: The factor of Afghanistan. *Post-Soviet Issues*, 10(2), 110–119. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>; EDN: OQTYBK

Сведения об авторе:

Цыряпкина Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Алтайский государственный педагогический университет (e-mail: guzvenko@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-8537-8410)

About the author:

Yulia N. Tsyryapkina — PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History and International Relations, Altai State Pedagogical University (e-mail: guzvenko@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-8537-8410)

ГИДРОПОЛИТИКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

HYDROPOLITICS: THE REGIONAL CONTEXT

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-102-115

EDN: AZHADO

Научная статья / Research article

Альтернатива для государственности Тувалу: отправиться на дно или в метавселенную?

Д.Б. Казаринова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ d.kazarinova@mail.ru

Аннотация. Глобальное потепление вследствие климатических изменений производит неравные эффекты для различных государств международного сообщества. На основе кейс-стадии опыта микрогосударства Тувалу в Океании, которое оказалось перед угрозой полного затопления, показано, как, совмещая меры по физической миграции населения в соседние страны и цифровой миграции государственности в метавселенную, решается вопрос о будущем государственности в новых условиях. Гипотеза исследования состоит в том, что опыт создания первого в истории цифрового государства представляет собой как модельный образец для стран, столкнувшихся с подобными вызовами, так и в качестве примера становления при поддержке международного сообщества платформы для реализации будущих инициатив человечества, связанных с цифровизацией общественной и политической жизни, создания цифровых двойников государств, а также переходом в метавселенные, которые сейчас находятся лишь на стадии формирования. Ключевые выводы заключаются в том, что в социальных науках цифровизация подразумевает ситуацию удвоения: наряду с физическим пространством предполагается переход в цифровое, однако кейс государства Тувалу может продемонстрировать в перспективе исключительно цифровое существование государства, социума и его культуры.

Ключевые слова: Тувалу, цифровое государство, метавселенная, цифровой двойник государства, доменное имя, цифровой ресурс, государственность без территории

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Казаринова Д.Б. Альтернатива для государственности Тувалу: отправиться на дно или в метавселенную? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 102–115. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-102-115>

© Казаринова Д.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Alternative for Tuvalu's Statehood: Sunk to the Bottom or Move to the Metaverse?

Daria B. Kazarinova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ d.kazarinova@mail.ru

Abstract. Global warming caused by climate change has disparate effects on different parts of the international community. Based on the case-study of Tuvalu, an Oceanian microstate, faced the possibility of complete flooding; therefore, it implemented plans for both the physical migration of the population to nearby countries and the digital transfer of statehood to the metaverse. The hypothesis of the study states that the experience of constructing the first digital state in history provides a model of state's transformation for countries experiencing similar issues as well as for providing a platform for the implementation of future humanitarian projects with the cooperation of the international community. These projects concern the digitalization of public and political life, the formation of digital counterparts for states, and the transition to newly emerging metaverses. The key conclusions are that the digitalization means doubling of phenomena in the social sciences: along with physical space, a transfer to the digital one is assumed, however the case of Tuvalu can indicate in the future that the state, society, and culture will exist purely digitally.

Keywords: Tuvalu, digital state, metaverse, digital twin of the state, domain name, digital resource, statehood with no territory, landless state

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kazarinova, D.B. (2025). Alternative for Tuvalu's statehood: Sunk to the bottom or move to the metaverse? *RUDN Journal of Political Science*, 27 (1), 102–115. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-102-115>

Введение

В условиях глобального изменения климата многие островные государства сталкиваются с серьезными угрозами для своего существования. Одним из таких государств является Тувалу — небольшая страна, расположенная в южной части Тихого океана. Тувалу состоит из девяти коралловых атоллов, большинство из которых находится всего лишь на несколько метров выше уровня моря. В связи с повышением уровня Мирового океана, вызванным таянием ледников и расширением воды при нагревании, Тувалу оказывается под угрозой полного исчезновения. Эту страну называют «идушей ко дну» [Mortreux, Barnett 2009] в прямом смысле этого слова.

Как отмечает И.Ю. Окунев, «современный политический ландшафт Океании во многом выглядит как мир в миниатюре. В Океании в уменьшенном масштабе воспроизводятся почти все основные тенденции и черты современного мира. Здесь мы встречаем и удивительное разнообразие типов политического устройства, и многочисленные конфликты различного свойства, и интеграционные процессы, и традиционные для всего мира вызовы устойчивому развитию» [Окунев 2014].

Однако в отличие от других стран, которые могут быть вынуждены переселять свое население или адаптироваться к новым условиям жизни, правительство Тувалу рассматривает уникальный подход — создание цифрового государства. Более того, в 2023 г. эта стратегия получила закрепление в Конституции Тувалу: «Государство Тувалу будет существовать всегда, несмотря на последствия изменения климата и другие [обстоятельства], которые приведут к утрате его территории»¹. Эта концепция предполагает сохранение национальной идентичности и культурного наследия, государственности, институтов, суверенитета страны даже после возможного физического исчезновения ее территории. В данной статье мы исследуем возможности создания цифрового государства как альтернативного пути сохранения нации.

Повышение уровня Мирового океана представляет собой одну из самых серьезных экологических проблем современности. Согласно последним данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), уровень моря может подняться на 0,3-1 м к концу XXI в. Для низко расположенных островов (5 м над уровнем океана), таких как Тувалу, это означает неизбежное затопление значительной части их территорий.

2024 г. оказался не только самым жарким за все время наблюдений, но и впервые преодолел рубеж в 1,5 °С потепления, удержать который договорились почти все страны мира в Париже в 2015 г. Служба Коперника по изменению климата (C3S) объявила итоги наблюдения за климатом в 2024 г. Согласно выводам этого авторитетного центра, 2024 г. стал самым теплым за всю историю наблюдений за глобальной температурой, начиная с 1850 г. В 2024 г. средняя глобальная температура составила 15,10 °С, что на 0,12 °С выше предыдущего самого высокого годового значения в 2023 г. Последние десять лет были самыми теплыми за всю историю наблюдений². Исследования показывают, что уже сейчас некоторые районы Тувалу страдают от наводнений во время приливов и штормов. Это приводит к разрушению инфраструктуры, загрязнению источников пресной воды и ухудшению условий жизни населения. Если текущие тенденции сохранятся, то к середине XXI в. большая часть суши Тувалу окажется под водой.

Обзор литературы

Собственно судьбе государства Тувалу посвящено не так много научной литературы политологического характера. Однако проблемы более широкого теоретического плана, которые оказываются связанными с перспективами сохранения государственности Тувалу, находят отражение в новейших работах российских и зарубежных авторов. Комплексные проблемы

¹ В Тувалу заявили, что государство продолжит существовать даже в случае утраты территории. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18775269?ysclid=m6f649gvh3323858304> (дата обращения: 10.01.2025).

² The 2024 Annual Climate Summary: Global Climate Highlights 2024 // UNDDR. URL: <https://climate.copernicus.eu/global-climate-highlights-2024> (accessed: 10.01.2025).

социотехнологических изменений, цифровизации и влияния климатических изменений рассматриваются А. Хедж [Hegde 2023]. Проблемы цифрового суверенитета Тувалу — в фокусе исследований Д. Рот [Rothe et al. 2024], В. Дикстейн [Dickstein 2023]. Проблемы метавселенной как альтернативного интегрированного цифрового пространства социально-политического взаимодействия рассматривают Н. Накви [Naqvi 2023], О.Ю. Ангел [2023], С. Риезкия [Riezqia 2024], А.М. Вафин [2022], Х. Проданов [2023], М. Дугаев и др. [2023]. Тематика цифровых двойников освещена в работе М. Болена [Böhlen 2024], появляются отдельные работы, посвященные цифровым двойникам государств (Дж. Соттет и К. Прусски [Sottet, Pruski 2023]) и их бюрократии (С. Эом [Eom 2022]), регионов (В.И. Абрамов и В.Д. Андреев [2023]), городов (М. Харагучи и его коллеги [Haraguchi, Funahashi, Biljecki 2024]), а также работа В.И. Абрамова и А.А. Громыко [2021]). И явления, и, тем более, понятия, их описывающие, находятся на ранней фазе становления. В связи с новизной темы стоит задача обсудить следующие вопросы: о возможности существования государства без территории; о возможных источниках финансирования существования цифровых государств; о метавселенной как пространстве для существования цифровых государств; о тенденции возникновения цифровых двойников государств и о пути Тувалу в метавселенную.

Великий Потоп и Исход для национального государства

Угроза, стоящая перед Тувалу, носит поистине экзистенциальный характер, безусловно поворотный с точки зрения истории этой страны и народа, ее населяющего. Полное исчезновение территории в результате затопления оставляет только один путь спасения жизни населения Тувалу — миграционный исход. В качестве стратегии реагирования на проблемы, связанные с изменением климата, правительство Тувалу уже в течение довольно продолжительного времени поощряет миграцию [Shen, Binns 2012]. Миграция из Тувалу в основном происходит в Новую Зеландию. Общие исторические и культурные связи облегчают адаптацию жителей Тувалу в этой стране [Shen, Gemenne 2011]. Новая Зеландия с 1970-х гг. создала особый инструмент международной солидарности для жителей стран Океании, которые сталкиваются с подобными угрозами, и продвигает «резидентскую визу тихоокеанской категории доступа» (PACRV), по которой жители островных государств, которым угрожает затопление — Ай-Кирибати, Тувалу, Тонга и Фиджи, могут участвовать в голосовании, а также подать заявление на получение вида на жительство. По данным на конец 2021 г., уже половина населения Тувалу эмигрировало в Новую Зеландию³.

³ Половина населения тонущего государства уехала из-за глобального потепления. URL: <https://news.ru/world/ministr-tonushego-gosudarstva-obyasnil-posledstviya-globalnogo-potepleniya/?ysclid=mb6f6hbp16m834058538> (дата обращения: 10.01.2025).

В Новой Зеландии общее число представителей тихоокеанских народов, в том числе народа Тувалу, увеличилось с примерно 2000 чел. в 1986 г. до более чем 11 000 в 2018 г. Большинство из них проживает на севере страны, преимущественно в Окленде, крупнейшем городе с населением 1,5 млн чел. В настоящее время в Окленде насчитывается самая большая полинезийская община в мире, что делает город неофициальной столицей Полинезии. Наряду с другими выходцами из островных микросоциальных государств бывшие жители Тувалу сформировали отдельные общины, которые компактно проживали и сохраняли культурные традиции и родной язык⁴.

Случай этой небольшой страны наглядно показывает, во-первых, что от изменения климата больше страдают те страны, которые несут за него наименьшую ответственность. И во-вторых, реальные угрозы для государства и общества, которые несет в себе изменение климата, имеют поистине драматический характер для малых народов. Единственный выход для них — это миграция и в перспективе растворение в принимающих обществах. Но сегодня для них появляются и иные возможности, которые открывает цифровизация в виде метавселенной, создания цифровых двойников и использования цифровых ресурсов как главного источника национального благосостояния.

Государственность без территории: возможность существования

Государство традиционно определяется как политическая организация, обладающая суверенитетом над определенной территорией и населением. Территория считается одним из основных признаков государства, наряду с населением, властью и правом. Однако в современном мире возникают ситуации, когда традиционные представления о государстве подвергаются сомнению. В истории существовали государственные образования без привязки к территории, например, Мальтийский орден. Сегодня существуют государства, которые признаны, но не имеют своей территории, ведя за нее политическую и военную борьбу (Палестина, Западная Сахара). Существуют самопровозглашенные виртуальные государства маргинального характера, такие как Княжество Силенд (конституционная монархия со всеми атрибутами государственности, созданная на заброшенной нефтяной платформе в Северном море), Молоссия, Аэрика, Либерлэнд и целый ряд других.

Однако Тувалу никак не может быть отнесена к этому списку, так как исторически является международно признанным государством, членом ООН и целого ряда других международных организаций. Это бывшая британская колония, получившая независимость в 1978 г., парламентская монархия, входящая в Содружество наций. Главой государства в Тувалу является британский монарх, законодательную власть осуществляет однопалатный парламент.

⁴ Story: South Pacific peoples. Page 2: Island groups and recent migration. URL: <https://teara.govt.nz/en/south-pacific-peoples/page-2> (accessed: 12.01.2025).

Исполнительная власть представлена генерал-губернатором, представляющим главу государства и премьер-министром и его Кабинетом.

С 2011 г. между Тувалу и Российской Федерацией установлены дипломатические отношения, тогда же Тувалу признало независимость Абхазии и Южной Осетии.

Поскольку суверенитет традиционно ассоциируется с контролем над определенной территорией, а международное право основано на признании территориальных границ и суверенитета, создание цифрового государства без привязки к территории потребует значительных изменений в международном праве и практике. Помимо этого, для реализации перехода государства в цифровое состояние требуется амбиция сохранения государства, национальной идентичности, мотивация элит и материальные ресурсы.

Главный ресурс национального благосостояния — доменное имя

Тувалу в силу климатического вызова с необходимостью оказывается в авангарде социальных трансформаций всего человечества. Для того чтобы пройти этот путь сохранения государственности без территории, Тувалу имеет свой одновременно мотив и ресурс, и лежит он в цифровой сфере. Домен .tv — это национальный домен верхнего уровня (ccTLD) для Тувалу. Он был делегирован Тувалу в 1996 г. Первоначально он использовался только для внутренних нужд страны, однако вскоре стало очевидно, что его буквенное сочетание идеально подходит для компаний, занимающихся телевизионным контентом и видеохостингом. В результате доменом начали активно интересоваться зарубежные компании и частные лица. В 1998 г. правительство Тувалу заключило соглашение с американской компанией Idealab, которая получила эксклюзивные права на продажу и регистрацию доменов .tv. Это позволило монетизировать популярность доменного имени, и доходы от регистрации доменов .tv стали важным источником дохода для Тувалу.

Небольшое государство с ограниченным экономическим потенциалом нашло способ увеличить свой бюджет, продавая права на использование доменного имени. Доходы от продажи доменов составляют приблизительно десятую часть ВВП страны. Эти доходы позволили правительству Тувалу инвестировать в развитие инфраструктуры, здравоохранения и образования. Сегодня домен .tv играет важную роль в экономике Тувалу, демонстрируя, как креативное использование национальных ресурсов может принести пользу даже самым маленьким странам.

Уход в цифровое измерение и проблемы метавселенной

В связи с проблемой перехода функционирования государства и общества в цифровую ипостась возникает понятие метавселенной. Метавселенная — это концепция, описывающая интегрированное виртуальное пространство,

которое объединяет различные платформы, сервисы и устройства в единую экосистему. Она представляет собой совокупность взаимосвязанных виртуальных миров, где пользователи могут взаимодействовать, работать, учиться, проводить досуг и жить цифровой жизнью параллельно с жизнью в реальном мире.

Метавселенная обладает такой характеристикой, как *иммерсивность*, то есть предлагает пользователям погружение в виртуальную или дополненную реальность. Благодаря этим технологиям создается ощущение присутствия в виртуальном мире. Виртуальный мир существует *постоянно*, вне зависимости от активности пользователей. События происходят в режиме реального времени, и пользователи могут подключиться в любой момент. Характеристика *интероперабельности* предполагает, что различные платформы и сервисы внутри метавселенной должны быть совместимы друг с другом. Пользователи могут перемещать свои аватары, активы и достижения между разными виртуальными пространствами. Важной частью метавселенной являются *социальные взаимодействия*. Пользователи могут общаться, сотрудничать, создавать сообщества и участвовать в совместных мероприятиях. Внутри метавселенной существуют собственные *экономические системы*, основанные на криптовалютах, невзаимозаменяемых токенах (NFT) и других цифровых активах. Пользователи могут зарабатывать деньги, покупать и продавать товары и услуги. Все эти характеристики позволяют метавселенной быть практически полноценным социальным пространством и ареной публичной политики.

Примеры реализации метавселенных можно найти в различных проектах, таких как *Decentraland*, *Sandbox*, *Roblox* и *Fortnite*. Эти платформы предлагают пользователям разнообразные возможности для творчества, игры и социального взаимодействия. Метавселенная привлекает внимание как разработчиков, так и инвесторов, поскольку она открывает новые горизонты для бизнеса, образования, развлечений и социальной жизни, а в перспективе — и политической. Уже в наши дни проводятся виртуальные политические мероприятия, например митинги. А дистанционное электронное голосование (ДЭГ) перевело электоральный процесс в цифровое пространство. Сегодня мы сталкиваемся лишь с отдельными проявлениями цифровизации и виртуализации политических процессов. Со временем эти социальные и политические практики будут только расширяться.

Связь между метавселенной и политикой становится все более актуальной темой по мере развития и интеграции виртуальных миров в повседневную жизнь. Метавселенная, как единое пространство, объединяющее различные платформы и сервисы, предоставляет уникальные возможности для политического участия, пропаганды, мониторинга общественного мнения и даже проведения выборов. Так, метавселенная может стать мощным инструментом для политической мобилизации и агитации. Политики и партии все чаще используют виртуальные пространства для проведения митингов, встреч с избирателями и распространения своих идей. Такие мероприятия могут привлекать больше

участников благодаря доступности и удобству, особенно для тех, кто не может присутствовать физически. Даже в России проводятся такого рода виртуальные политические мероприятия⁵. Кроме того, метавселенная позволяет создавать интерактивные кампании, вовлекающие пользователей в процесс обсуждения и принятия решений, а в ряде западных стран появилась практика возникновения и существования виртуальных (кибер) политических партий. Будучи новым явлением, они получают распространение на местном и национальном уровнях, а также в Европарламенте. Такие партии получили наименования виртуальные партии, киберпартии, «партии одного автобуса» (coach party), «партии вспышки» (flash party)⁶.

Метавселенная предоставляет огромные возможности для сбора и анализа данных о поведении и предпочтениях пользователей. Политики и аналитики могут использовать эту информацию для понимания настроений общества, выявления актуальных тем и корректировки своих стратегий.

Метавселенная изменяет динамику международных отношений, предоставляя новые площадки для дипломатии и сотрудничества. Виртуальные встречи и конференции позволят лидерам стран общаться напрямую, минуя физические границы и ограничения. Вместе с тем метавселенная может стать ареной для кибердипломатии и кибервойн.

Таким образом, метавселенная имеет огромный потенциал для трансформации политической сферы. Она может сделать политическую активность более доступной и удобной, но одновременно создает новые вызовы, такие как распространение дезинформации и нарушение конфиденциальности. Сегодня мы видим лишь первые спорадические выходы сферы политического в метавселенную, однако в перспективе количество и масштаб социальных и политических коммуникаций в ней будут только нарастать. Метавселенная станет, таким образом, пространством существования цифрового государства.

Цифровой двойник государства

Как и многие концепты современного гуманитарного знания, понятие «цифрового двойника» приходит в социальные науки из экономической науки. Как пишут В.А. Абрамов и А.А. Громыко, смысл этого явления в том, что «цифровой двойник может связать физическую систему с ее виртуальным эквивалентом для осуществления интеллектуального управления в режиме реального времени через целостную перспективу» [Абрамов, Громыко 2021: 218]. Концепция цифрового двойника появилась в начале 2000-х гг. применительно к концепции жизненного цикла продукта, а затем

⁵ Так, ЛДПР провела в компьютерной игре Minecraft первую цифровую Первомайскую демонстрацию. URL: <https://ldpr.ru/event/282129> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Виртуальные (кибер) политические партии. URL: https://psyera.ru/virtualnye-kiber-politicheskie-partii_13298.htm?ysclid=m8ptzcm1ss797992204 (дата обращения: 10.01.2025).

постепенно стала охватывать все больше объектов, которые становились все более масштабными.

Цифровой двойник государства — это концепция, связанная с созданием точной копии реальной инфраструктуры, процессов и систем государства в виртуальной среде. Основная цель такого подхода заключается в том, чтобы моделировать и анализировать поведение реальных объектов и систем, прогнозировать возможные сценарии развития событий и принимать обоснованные решения на основе этих данных.

Основные элементы цифрового двойника государства могут включать в себя модели инфраструктуры — дорог, зданий, энергетических сетей, водных ресурсов и других физических объектов. Моделирование экономических, социальных и политических процессов позволяет понять, как те или иные изменения повлияют на общество. Для этого осуществляется сбор и анализ больших объемов данных из различных источников, таких как сенсоры, камеры наблюдения, социальные сети и государственные базы данных. Эти данные используются для построения моделей и прогнозирования будущих событий на основе использования искусственного интеллекта.

Цифровые двойники государств представляют собой мощный инструмент для повышения качества управления и планирования. Этот подход предполагает проективный взгляд на управление реальной физически существующей системой. Речь может идти не только о конструктивной составляющей политического управления с помощью цифровых двойников. Так, А. Дугин в книге «Русская война» в главе, посвященной сетевой войне, говорит о необходимости создания цифрового двойника России для обеспечения успешного участия в гибридной войне [Дугин 2023].

Отдельные элементы этой модели уже сейчас активно реализуются в крупных мегаполисах с их системой «Умного города». В государственном масштабе пионером этого направления является Китай, где внедрение таких масштабных цифровых проектов во имя безопасности и качества управления не встречает сопротивления гражданского общества. Применение smart-технологий сегодня осуществляется чаще всего для решения таких задач, как обеспечение городской безопасности, борьба с природными катаклизмами и развитие систем мониторинга (Япония и Южная Корея), профилактика и контроль за общественным порядком посредством единой интегрированной сети видеонаблюдения (Китай), создание «умной» нации и цифрового правительства (Сингапур)⁷. Очевидно, что страны Юго-Восточной Азии реализуют эти проекты наиболее масштабно. Однако все это подразумевает дополнительный, сервисный функционал цифрового государства. В случае же Тувалу речь идет о полном переходе в цифровой формат, без существования аналогового.

⁷ Как устроены «умные» города в России и в мире. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/616e613c9a79473e73ff9138?from=copy> (дата обращения: 10.01.2025).

Безусловно, создание «умных» и «цифровых» городов, государств, тотальная цифровизация социально-экономического и социально-политического пространства, которая происходит довольно лавинообразно во всем мире почти вне зависимости от культурной и цивилизационной принадлежности и характеристики режима правления, вызывает не только восторг технооптимистов, но и серьезные опасения техноскептиков, которые видят в будущей тотальной транспарентности «цифровой ГУЛАГ» и сбывшуюся антиутопию. Все чаще можно слышать о неготовности человечества к сверхбыстрому внедрению цифровых технологий и необходимости искусственного сдерживании такого развития (подробнее об этом см. [Виноградов, Казаринова 2022]).

Путь, избранный Тувалу

Если традиционные методы адаптации к изменениям климата включают строительство защитных сооружений, повышение устойчивости зданий и инфраструктуры, а также переселение населения, то в случае Тувалу они не сработают в силу того, что в долгосрочной перспективе все острова архипелага могут оказаться полностью затопленными. В связи с этим правительство Тувалу начало рассматривать более радикальные подходы — перенос всех государственных функций и культурных ценностей в виртуальное пространство. В таком случае граждане Тувалу смогут сохранять свою национальную идентичность и продолжать взаимодействовать друг с другом, несмотря на утрату физической территории.

Создание цифрового государства, которое сохранит суверенитет Тувалу, подразумевает с необходимостью разработку и внедрение современных технологий для обеспечения *связи между гражданами и государственными органами* на основе блокчейн-технологий для хранения данных, облачных сервисов для управления документами и виртуальных платформ для проведения собраний и совещаний, а в перспективе — подключение к метавселенной. Она будет включать *оцифровку и хранение всех значимых культурных артефактов*, включая музыку, литературу, искусство и традиции. Эти данные будут доступны всем гражданам через интернет, позволяя им поддерживать связь со своей культурой независимо от местоположения.

Цифровое государство требует разработки новых правовых норм, регулирующих деятельность общества в новых условиях: вопросы гражданства, налогообложения, прав собственности и другие аспекты, связанные с функционированием государства в виртуальном пространстве.

Вероятно, самым сложным для реализации направлением может стать переориентация экономики на цифровые услуги и продукты. Крайне небольшое по численности население (около 10 тыс. человек), занятое традиционными видами деятельности — сельским хозяйством и рыболовством, вряд ли сделает Тувалу центром разработки программного обеспечения, предоставления образовательных услуг онлайн или создания цифровых валют без помощи международного сообщества.

Международная помощь Тувалу

Необходимо отметить, что международное сообщество осознает ответственность за климатические изменения, в результате которых Тувалу оказалось под угрозой затопления [Abedinpour 2010]. Неоднократные выступления представителей государства на глобальных климатических саммитах позволили привлечь внимание мировой общественности к этой стране.

Тувалу получает международную помощь и содействие в области развития от стран-доноров и организаций. Помощь направляется на проекты в таких областях, как инфраструктура, здравоохранение и образование⁸. Европейский союз предоставляет Тувалу значительную помощь и техническую поддержку⁹. Япония является важным донором помощи в форме грантов и технического сотрудничества. В 1987 г. Новая Зеландия, Австралия и Великобритания создали Международный фонд Тувалу, цель которого — помочь Тувалу достичь финансовой автономии.

Важнейшим источником международной помощи выступает Тайвань¹⁰. Тайвань установил дипломатические отношения с Фунафути (столицей и крупнейшим городом Тувалу) с момента обретения независимости и много лет является источником жизненно важной помощи, инвестиций и торговли, ежегодно оказывая островному государству поддержку в размере около 12 млн долл. США. Для Тувалу, страны, наиболее зависимой от внешней помощи в мире, эта поддержка сыграла важную роль в стимулировании развития и поддержании экономического роста.

В 2022 г. Тувалу получила иностранную помощь в размере 63,56 млн долл. США, что увеличилось по сравнению с 36,01 млн долл. США в 2021 г. (рис. 1)¹¹.

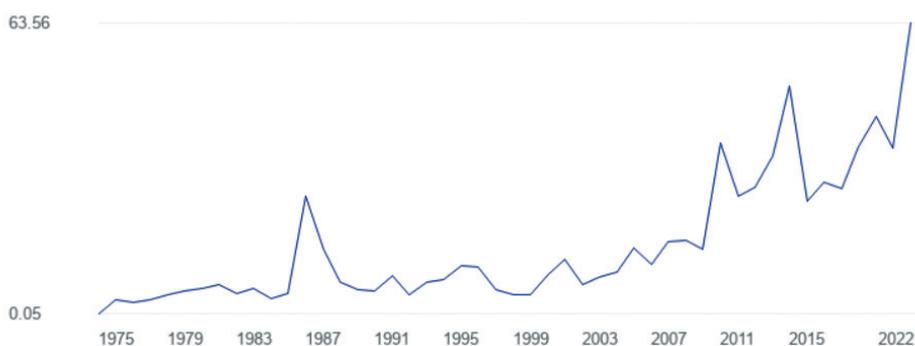

Рис. 1. Динамика объема международной помощи государству Тувалу в 1975–2022 гг., млн долл. США

Источник: Tuvalu: Foreign aid. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Tuvalu/foreign_aid/ (accessed: 10.01.2025).

⁸ Economic sectors of Tuvalu. URL: iamaccepted.com/economic-sectors-of-tuvalu/ (accessed: 10.01.2025).

⁹ The European Commission's Delegation for the Pacific — Achievements For Tuvalu. URL: <https://web.archive.org/web/20111008065407/http://www.delfji.ec.europa.eu/en/achievements/tuvalu.htm> (accessed: 10.01.2025).

¹⁰ Taiwan, Tuvalu, and Uncertainty in the Pacific // Global Taiwan Institute. Global Taiwan Brief. 2024. Vol. 9, iss. 3. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/02/taiwan-tuvalu-and-uncertainty-in-the-pacific/> (accessed: 10.01.2025).

¹¹ Tuvalu: Foreign aid. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Tuvalu/foreign_aid/ (accessed: 10.01.2025).

Инициатива по обеспечению прозрачности международной помощи (International Aid Transparency Initiative) (IATI) демонстрирует, что в настоящее время в отношении Тувалу реализуется 152 инициативы в рамках международной помощи. В топе организаций-доноров: Министерство иностранных дел и торговли Новой Зеландии (New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade), Australia Aid, Азиатский банк развития (Asian Development Bank), Всемирный банк (World Bank), Глобальный экологический фонд (Global Environment Facility), ВОЗ (World Health Organization), Еврокомиссия (European Commission), Global Green Growth Institute (рис. 2)¹².

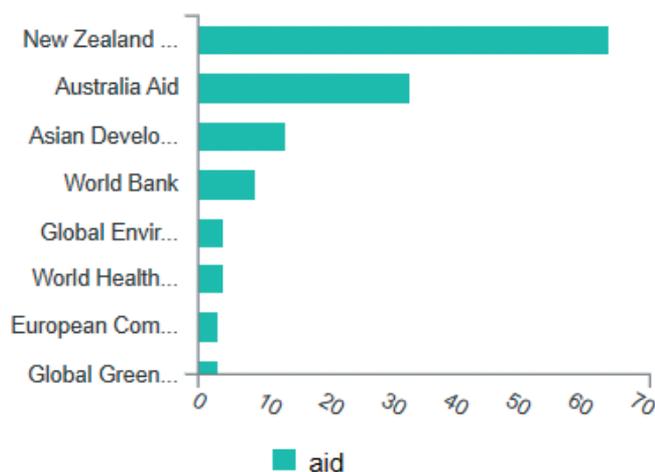

Рис. 2. Инициативы международной помощи Тувалу правительственных и международных благотворительных организаций, январь 2025 г., количество инициатив.

Источник: Current IATI aid activities in Tuvalu. URL: https://data.humdata.org/dataset/iati-tuv?force_layout=desktop (accessed: 10.01.2025)

Такая масштабная международная помощь как результат осознания глобальной ответственности за изменения климата перед микрогосударством Тувалу позволяет надеяться на реализацию планов по сохранению государственности в цифровом формате, которые не только были сформулированы, но и внесены в Основной закон этого государства.

Заключение

Затопление территории микрогосударства Тувалу в результате климатических изменений и повышения уровня Мирового океана — реальная угроза, которая требует беспрецедентных действий по сохранению государственности в условиях утраты всей территории. Правительство страны предпринимает смелые шаги, нормативно закрепляя возможность создания первого в мире

¹² Current IATI aid activities in Tuvalu Current IATI aid activities in Tuvalu — Humanitarian Data Exchange. URL: https://data.humdata.org/dataset/iati-tuv?force_layout=desktop (accessed: 10.01.2025).

цифрового государства, создавая его цифровой двойник без существования физического аналога. Хотя этот путь сопряжен с множеством трудностей, он открывает новые горизонты для сохранения национального суверенитета и культурной самобытности. Тувалу может стать примером не только для других малых островных государств, сталкивающихся с аналогичными проблемами, но и стать площадкой воплощения в жизнь тех проектов будущего человечества, связанных с цифровизацией общественно-политической жизни и частичным или полным переходом в метавселенную, которые сегодня только начинают обретать свои контуры.

Поступила в редакцию / Received: 29.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 09.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Abedinpour N.* Взгляд на Тувалу — размышления о государственной ответственности и изменениях климата // *Международное право и международные организации*. 2010. № 3. С. 6–8. EDN: PWDVIF
- Абрамов В.И., Андреев В.Д.* Сравнительный анализ цифровых двойников регионов // *Информационное общество*. 2023. № 4. С. 106–117. 10.52605/16059921_2023_04_106 EDN: ULSHWD
- Абрамов В.И., Громыко А.А.* Цифровой двойник умного города как современная тенденция цифровой экономики // *Государство и общество России в контексте современных геополитических вызовов: новации, экономика, перспективы : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.В. Тимофеева. Чебоксары : Новое время, 2021. С. 215–220. EDN: RCRTFX*
- Ангел О.Ю.* Метавселенная как новый медиафеномен социума: перспективы создания и социальные последствия // *Государственное и муниципальное управление : ученые записки*. 2023. № 3. 221–226. <http://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-221-226>; EDN: LHYKCG
- Вафин А.М.* Феномен метавселенной в контексте бизнес-практик и политического управления // *Вопросы медиабизнеса*. 2022. Т. 1, № 1. С. 51–57. <http://doi.org/10.24412/3034-1930-2022-0070>; EDN: OIRTYM
- Виноградов М.Ю., Казаринова Д.Б.* Инструмент «философского вопрошания»: CHAT GPT и другие модели искусственного интеллекта в политической теории, методологии и прикладных исследованиях // *Сравнительная политика*. 2022. Т. 13, № 3. С. 130–139. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-3-13-130-139>; EDN: EDAVDL
- Дугаев М.В., Алтынов Ю.А., Болотских Д.И.* Государственные проекты в сфере метавселенной как новый тренд цифровизации экономики // *Вестник Академии знаний*. 2023. № 6. С. 475–480. EDN: ZPVLQT
- Дугин А.Г.* *Русская война*. Москва : Родина, 2023.
- Окунев И.Ю.* *Геополитика микросоциальных государств*. Москва : МГИМО, 2014. EDN: SMWEZD
- Проданов Х.* Метавселенная — следващият етап на интернет // *Ikonomiceski I Socialni Alternativi*. 2023. № 3.
- Böhlen M.* On models and digital twins. twins // *On the Logics of Planetary Computing*. London : Routledge, 2024. P. 161–196
- Dickstein V.A.* *Nation Without Land* // *Brown Political Review*, Spring, 2023.

- Eom S.J.* The emerging digital twin bureaucracy in the 21st century // *Perspectives on Public Management and Governance*. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 174–186. <http://doi.org/10.1093/ppmgov/gvac005> EDN: ZUZZLT
- Haraguchi M., Funahashi T., Biljecki F.* Assessing governance implications of city digital twin technology: A maturity model approach // *Technological Forecasting and Social Change*. 2024. Vol. 204. P. 23409. <http://doi.org/10.1016/j.techfore.2024.123409> EDN: NSERBM
- Hegde A.* Sociotechnical change: Tracing flows, languages, and stakes across diverse cases. Digital nations and the future of the climate crisis // *International Journal of Communication*. 2023. Vol. 18. P. 7.
- Mortreux C., Barnett J.* Climate change, migration and adaptation in Funafuti, Tuvalu // *Global Environmental Change*. 2009. Vol. 19. no. 1. P. 105–112. <http://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2008.09.006>
- Naqvi N.* Metaverse for public good: Embracing the societal impact of metaverse economies // *The Journal of The British Blockchain Association*. 2023. Vol. 6. no. 1. P. 1–17. [http://doi.org/10.31585/jbba-6-1-\(6\)2023](http://doi.org/10.31585/jbba-6-1-(6)2023)
- Riezqia S.* Exploring utilisation of the metaverse to strengthen Indonesian economic diplomacy // *International Journal of Economics Development Research (IJEDR)*. 2024. Vol. 5. no. 1. P. 394–405.
- Rothe D. et al.* Digital Tuvalu: state sovereignty in a world of climate loss // *International Affairs*. 2024. Vol. 100. no. 4. P. 1491–1509. <http://doi.org/10.1093/ia/iaae060> EDN: VRPVAE
- Shen S., Binns T.* Pathways, motivations and challenges: Contemporary Tuvaluan migration to New Zealand // *GeoJournal*. 2012. Vol. 77. P. 63–82. <https://doi.org/10.1007/s10708-010-9386-2>; EDN: HBUBGL
- Shen S., Gemenne F.* Contrasted views on environmental change and migration: The Case of Tuvaluan migration to New Zealand // *International Migration*. 2011. Vol. 49. no. 1. P. e230. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2010.00635.x>

Сведения об авторе:

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-116-128

EDN: ARNJCL

Научная статья / Research article

Особенности политики Армении и Азербайджана в отношении водных ресурсов: сравнительный анализ

Л.М. Алексанян

Институт научной информации общественных наук Российской академии наук, Москва,
Российская Федерация

✉ larisa.aleksanyan@mail.ru

Аннотация. Армения и Азербайджан, находясь в составе Советского Союза, придерживались общих принципов управления водными ресурсами, предоставляли единую статистическую отчетность по использованию воды. Однако после приобретения независимости эти государства разработали собственные законы о воде, а также перестали обмениваться данными, полученными национальными гидрометеорологическими агентствами. Новая региональная реальность и сложные отношения между двумя странами препятствовали разработке общих механизмов по управлению трансграничных водных ресурсов, что привело к негативным последствиям для окружающей среды. Качество воды и ее эффективное управление стали одним из острых уголков неразрешенных проблем, существующих между двумя государствами. Исследование посвящено изучению водной политики Армении и Азербайджана. Проанализированы эффективность, а также недостатки управления водными ресурсами этих стран. Сделана попытка определить, насколько эффективен процесс внедрения принципов интегрированного управления водными ресурсами. На основе сравнительного анализа водного хозяйства Армении и Азербайджана установлены аналогии и отличия в законодательстве водной политики и политических механизмах водопользования этих стран.

Ключевые слова: Армения, Азербайджан, водные ресурсы, интегрированное управление водными ресурсами, водная безопасность, гидродавление, гидротеррор

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Алексанян Л.М. Особенности политики Армении и Азербайджана в отношении водных ресурсов: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. №1. С. 116–128. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-116-128>

© Алексанян Л.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Features of the Water Policy of Armenia and Azerbaijan: A Comparative Analysis

Larisa M. Aleksanyan

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ larisa.aleksanyan@mail.ru

Abstract. Armenia and Azerbaijan, when in Soviet Union, had adhered to common principles of water management and provided unified statistical reporting on water use. However, after gaining independence, these states developed their own water laws and stopped exchanging data obtained by national hydrometeorological agencies. The new regional reality and complex relations between the two countries hindered the development of common mechanisms for transboundary water management, which led to negative consequences for the environment. Water quality and its effective management have become one of the acute corners of unresolved problems existing between the two states. This study is devoted to the study of water policies of Armenia and Azerbaijan. The effectiveness and shortcomings of water management in these countries are analyzed. An attempt is made to determine how effective the process of implementing the principles of integrated water resources management is. Based on a comparative analysis of the water management of Armenia and Azerbaijan, analogies and differences in the legislation of water policy and political mechanisms of water use in these countries are established.

Keywords: Armenia, Azerbaijan, water resources, integrated water resources management, water security, hydro suppression, hydroterror

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Aleksanyan, L.M. (2025). Features of the water policy of Armenia and Azerbaijan: A comparative analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 116–128. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-116-128>

Введение

Вода является дефицитным ресурсом во многих частях мира. Согласно отчету ООН, примерно половина населения мира испытывает острую нехватку воды (по крайней мере часть года)¹. Эта проблема усугубляется на фоне климатических изменений. Кроме климатического воздействия на качество и количество воды негативно влияют проблемы, связанные с неэффективным управлением водными ресурсами, в том числе сточными водами, особенно на фоне роста хозяйственной деятельности человечества и урбанизации. По состоянию на 2022 г., 2,2 млрд человек не имеют доступа к безопасно управляемым услугам по снабжению питьевой водой². Среди них 771 млн человек не могут полу-

¹ Water for prosperity and peace. Statistics 2024 // UN World Water Development Report. 26 Feb 2024. URL: <https://www.unesco.org/reports/wwdr/en/2024/s> (accessed: 12.10.2024).

² Water and Climate Change. United Nations. WWDR 2020. URL: <https://en.unesco.org/themes/water-security/wwap/wwdr/2020> (accessed: 02.11.2024).

чить доступ даже к базовым услугам по снабжению питьевой водой³. По отчетам ООН за 2018 г., во всем мире 80 % сточных вод возвращаются в экосистему без очистки или достаточной очистки, ухудшая состояние водных ресурсов⁴. Сегодня водная безопасность является серьезной проблемой для многих стран. К 2040 г., по оценкам Всемирного банка, каждый четвертый ребенок будет жить в районах с острой нехваткой воды⁵.

Для Южного Кавказа важное значение имеет эффективное управление трансграничными водными ресурсами. Речной бассейн Кура-Аракс охватывает восточную часть Грузии, 70 % территории Азербайджана и всю территорию Армении, что повышает необходимость синхронизации механизмов водной политики региональных государств относительно трансграничных водных ресурсов и укрепления систем мониторинга качества воды. Однако ввиду армяно-азербайджанских сложных отношений недостает эффективных механизмов совместного управления трансграничными водными ресурсами. Отсутствие регионального сотрудничества привело к тому, что борьба за воду стала определяющим аспектом постсоветских реалий южнокавказских стран.

Правовые аспекты водной политики Армении и Азербайджана

Армения располагает достаточным количеством водных ресурсов⁶. Однако их неравномерное распределение по территории республики, а также значительное колебание годового и сезонного речного стока повышают необходимость рационального водопользования. На решение этой цели направлены законодательные и институциональные реформы, успешно проведенные в последние два десятилетия. Правовой основой водной политики Армении является новый Водный кодекс Республики Армения (РА) (2002 г.), благодаря которому идет процесс внедрения принципов интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР). Этот кодекс действует непрерывно и включает в себя такие приоритеты, как «создание соответствующих механизмов управления водными ресурсами; предупреждение вредного воздействия вод; обеспечение учета водных ресурсов; организация управления, охрана и развитие водных систем и т.д.»⁷. Для адаптации интегрированного подхода к управлению водными ресурсами

³ Global Issues. Water // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/global-issues/water> (accessed: 12.10.2024).

⁴ Water Quality and Wastewater. United Nations. UN Water. 2021. URL: <https://www.unwater.org/water-facts/quality-and-wastewater/> (accessed: 12.10.2024).

⁵ Water resources management // World Bank Group. 5 October 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/waterresourcesmanagement> (accessed: 14.10.2024).

⁶ В Армении насчитывается около 9480 рек и речушек, 14 из которых являются наиболее крупными, а длина пяти составляет больше 100 км (Аракс (158 км), Ахурян (186 км), Дебед (154 км), Раздан (141 км), Воротан (119 км)). Также особое место занимает озеро Севан, которое является самым крупным горным озером в речном бассейне Кура-Аракс.

⁷ Водное законодательство Республики Армения. 10.10.2002. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=166600> (дата обращения: 12.10.2024).

законодательная база до сих пор подвергается планомерному пересмотру⁸. Последние изменения в кодекс были внесены в 2022 г.

Согласно Водному кодексу Армении управлением водными ресурсами занимаются Орган по управлению и охране водных ресурсов (ст. 10), Органы бассейнового управления (ст. 11), Органы по управлению водными системами (ст. 12), Регулирующая комиссия (ст. 14). Следует отметить, что одним из важнейших шагов в рамках реформирования водной сферы Армении стало решение правительства о создании органов бассейнового управления (2003 г.). Согласно принятому решению было создано 6 территориальных подразделений (Ахурянский, Северный, Севанский, Разданский, Араратский, и Южный бассейны) с целью оптимального и децентрализованного управления водных ресурсов. Кодекс также предусматривает национальную водную политику (ст. 15) и водную программу (ст. 16), устанавливает необходимость разработки планов управления бассейнами (ст. 17), задачи мониторинга водных ресурсов (ст. 19.1).

Правовыми основами ИУВР стали также такие ратифицированные и действующие юридические документы, как закон «О национальной водной политике» (2005 г.), закон «О национальной водной программе» (2006 г.), Дорожная карта водной политики (2020). В целом эти законы являются довольно обширными и служат прочной основой для планирования и управления в водном секторе [Yu, Cestti, Lee 2015].

Практической реализацией водной стратегии Армении занимаются Министерство окружающей среды, Комиссия трансграничных водных ресурсов, Водный комитет МТУИ РА, Инспекционный орган охраны природы и недр при правительстве РА. В 2006 г. был начат Национальный диалог по водной политике для вовлечения в процесс реформирования водной отрасли страны представителей разных министерств, научных кругов, государственных учреждений, международных организаций, частного сектора и НПО. В инструментарии водной политики республики можно выделить выдачу разрешений водопользования согласно принципам ИУВР, систему тарифов и сборов, базу данных государственного водного кадастра.

В отличие от Армении Азербайджан испытывает серьезный водный дефицит. Главными особенностями водных ресурсов этой страны являются их ограниченность, неравномерное распределение и формирование 70 % всего объема водных ресурсов на территории сопредельных государств⁹. Согласно данным, представленным Государственным статистическим комитетом Азербайджана, с 2000 по 2023 г. возобновляемые ресурсы пресной воды сократились на 28,6 %¹⁰. При

⁸ Управление водными ресурсами в Армении : национальный отчет. URL: https://www.gwp.org/globalassets/global/gwp-cacena_files/ru/pdf/armenia.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

⁹ Азербайджанская Республика: краткий доклад в соответствии с протоколом по проблемам воды и здоровья Министерства экологии и природных ресурсов и Министерства здравоохранения АР: 2009. С. 2. URL: https://unece.org/DAM/env/water/Protocol_reports/reports_pdf_web/Azerbaijan_summary_report_rus.pdf (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁰ Environment in Azerbaijan 2024 // The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/?lang=en (accessed: 13.10.2024).

этом объемы водозабора и водопотребления возросли на 15 и 48 %¹¹ соответственно, при увеличении общей численности населения на 22 % за тот же период. Такая ситуация привела к значительному сокращению доступной пресной воды на душу населения на 40 %¹². Следовательно, Азербайджан очевидно нуждается в эффективном управлении водными системами, так как социально-экономическое развитие страны непосредственно зависит от обеспечения водной безопасности.

Основным законодательным актом Азербайджана, регулирующим водный сектор, является Водный кодекс (1997 г.)¹³, который периодически дополняется новыми законами. На основе этого документа приняты законы «Об экологической безопасности», «О водоснабжении и сточных водах», «О мелиорации и ирригации», «О муниципальном водном хозяйстве» и т.д., цель которых также заключается в эффективном управлении водными ресурсами.

Азербайджанское руководство акцентирует развитие институционального механизма. Основным исполнителем государственной водной политики является Министерство экологии и природных ресурсов, которое отвечает за управление и охрану водных ресурсов. Ответственность за управление водными ресурсами также несут Министерство по чрезвычайным ситуациям, АОА «Азерсу», АОА мелиорации и водного хозяйства, Министерство здравоохранения.

В отличие от Армении Азербайджан довольно поздно начал процесс внедрения принципов интегрированного управления водными ресурсами. Несмотря на то, что в Водном кодексе страны подчеркивалась необходимость управления водными ресурсами как по административно-территориальному принципу, так и бассейновому, тем не менее лишь в 2010 г. начались диалоги по ИУВР в контексте разработки национальной водной стратегии страны. В 2010 г. была создана внутриминистерская платформа «Национальный диалог по водной политике» для оказания поддержки осуществлению водных реформ. В 2020 г. была создана «Комиссия по мерам обеспечения эффективного использования водных ресурсов», результатом работы которой стало утверждение плана действий. Лишь в 2024 г. азербайджанское правительство утвердило Национальную водную стратегию страны¹⁴, на основе которой базируются принципы ИУВР. Предполагается, что стратегия укрепит правовую базу Азербайджана и будет способствовать реализации принципов ИУВР. Стратегия рассматривает расширение национальной системы мониторинга водных ресурсов, создание

¹¹ Environment in Azerbaijan 2024 // The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/?lang=en (accessed: 13.10.2024).

¹² Водные ресурсы, качество поверхностных вод и водопотребление в странах «Восточного партнерства»: отчет Европейского агентства по окружающей среде. 2020. №14. С. 80. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/18ffcf2d-2239-11eb-b57e-01aa75ed71a1/language-ru; doi:10.2800/088732> (дата обращения: 12.10.2024).

¹³ The Water Code of the Azerbaijan Republic. URL: <https://ampeid.org/static/bb88fa62bdc68aad3547a5c7d1519aa/aze32664E..pdf> (accessed: 12.10.2024).

¹⁴ Azerbaijan adopts National Water Strategy to promote integrated water management // EU4Environment. Water and Data in Eastern Partner Countries. 12 November 2014. URL: <https://eu4waterdata.eu/en/blog-news/31-azerbaijan/397-azerbaijan-adopts-national-water-strategy-to-promote-integrated-water-management.html> (accessed: 15.11.2024).

комплексной базы данных о поверхностных и подземных водных ресурсах, а также улучшение сбора и очистки сточных вод по всей стране. На сегодняшний день в Азербайджане планы управления речными бассейнами по принципам ИУВР доступны только для ограниченного числа бассейнов¹⁵.

Особенности и вызовы водной политики Армении

В последние два десятилетия Армения достигла серьезных успехов в сфере реформирования законодательного и институционального механизмов управления водным сектором согласно принципам ИУВР, однако в практическом плане страна сталкивается с проблемами, препятствующими эффективному управлению водными ресурсами.

Одной из характерных черт водной политики Армении является уязвимость мониторинговой системы, которая оказывает сильное влияние на рациональное управление водным сектором страны. Учитывая необходимость повышения эффективности мониторинга водных ресурсов, в последнее десятилетие Армения при поддержке ЕС стала принимать меры по модернизации и обновлению национальных сетей мониторинга, внедрению принципов Общей системы экологической информации, улучшению обмена данными между министерствами и различными ведомствами, общественностью, а также использованию новых технологий¹⁶.

Водная политика Армении сталкивается с проблемами системы водоотведения и недостаточным качеством и количеством очистных сооружений сточных вод. В Армении только 70 % всего населения имеет доступа к централизованной системе канализации¹⁷. Около 579 (20 % населения) населенных пунктов не обслуживаются специализированными предприятиями, оказывающими услуги водоснабжения и водоотведения [Trancon, Halpern 2024: 36]. Несмотря на то, что 95 % городского населения имеет доступ к централизованным канализационным системам, большая часть этих систем построена в советские годы и находится в неудовлетворительном техническом состоянии. Ситуация с канализационной системой обостряется недостаточным качеством и количеством канализационных очистных сооружений (КОС) сточных вод. Армения нуждается в реконструкции старых или строительстве новых КОС, что требует больших финансовых средств.

¹⁵ Azerbaijan. General Water Assessment // World Bank Group. 2020. P. 33. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062424121020896/pdf/P1700301052f320b1a9b11f795ee5a6ba0.pdf> (accessed: 11.10.2024).

¹⁶ Water Policy Highlights. Armenia // EUWI+ 2022. P. 7. URL: https://issuu.com/oecd.publishing/docs/armenia_euwi_highlights_web-1_/2?ff (accessed: 12.10.2024).

¹⁷ Общая протяженность канализационной сети в республике составляет около 3700 км, ливневой канализации — 350 км, а также существуют 8 насосных дренажных станций. Национальные задачи Армении, установленные в контексте протокола по проблемам «Воды и здоровья»: ЕЭК ООН / ВОЗ Евро. Republic of Armenia. 2019. 55 с. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/water/Protocol_on_W_H/Target_set_other_states/Armenia/EUWI-book-arm-FINAL.pdf (дата обращения: 03.10.2024).

В 2020 г. Армения заняла 69-е место в мире по индикатору, оценивающему эффективность водоочистки в стране¹⁸. Для достижения высокого уровня очистки водных ресурсов руководство Армении стремится привлечь инвестиции в строительство и модернизацию очистных сооружений. Помимо этого, власти Армении установили плату за водопользование и сброс загрязняющих веществ, рассматривая это в качестве наиболее эффективного способа улучшения экологической ситуации. В последние годы разрешение вопросов водоотведения и очистки сточных вод стало приоритетным направлением водной политики страны. Это направление включено также в «Программу финансирования и стратегии сектора водоснабжения и водоотведения Республики Армения на 2018–2030 гг.»¹⁹.

По сравнению с региональными государствами Армения занимает лидирующее место в сфере питьевого водоснабжения. Однако изношенность действующей сети, недостаточный уровень внедрения системы бухгалтерского учета, отсутствие финансовых вложений, низкие тарифы на использование водных ресурсов привели к значительной потере воды. На систему общественного (централизованного) водоснабжения (в среднем составляет 20,5 % забираемой воды²⁰) приходится основная потеря воды (в среднем 59 %). Несмотря на то, что Армения интенсивно работает над развитием общественного водоснабжения (уже подключено 96,1 % населения²¹) с привлечением частного сектора и международных инвестиций, потери воды по-прежнему значительны.

Гидроэнергетика играет ключевую роль в водной политике Армении. Потенциал водных энергоресурсов страны составляет 21,8 млрд кВт·ч. Наибольшим энергетическим потенциалом обладают реки Раздан, вытекающая из озера Севан, а также Аракс, Воротан и Дебет. В Армении действуют два крупных комплекса ГЭС — Севан-Разданский (560 МВт мощностью) и Воротанский каскад (404,2 МВт мощностью). Армения активно стимулирует строительство малых ГЭС. Однако при их эксплуатации страна сталкивается с вызовами сокращения и загрязнения водных ресурсов из-за недостаточного законодательного, технического и институционального регулирования.

¹⁸ Armenia: Country Profile. Environmental performance index 2020. 2020. 3 p. URL: https://epi.yale.edu/sites/default/files/files/ARM_EPI2020_CP.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁹ Программа финансирования и стратегии сектора водоснабжения и водоотведения Республики Армения на 2018–2030 гг. Выдержка из протокола заседания Правительства Республики Армения № 10. 15 марта 2018. URL: <http://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=94452> (дата обращения: 01.10.2024).

²⁰ Потеря вод / Статистический комитет Республики Армения. URL: [https://armstatbank.am/pxweb/hy/ArmStatBank/ArmStatBank__8%20Environment__\(C\)%20Water%20resources/EE-c7.px/table/tableViewLayout2/?rxid=6f9d17ea-3fb0-4e00-84a0-ea6b3c2338dc](https://armstatbank.am/pxweb/hy/ArmStatBank/ArmStatBank__8%20Environment__(C)%20Water%20resources/EE-c7.px/table/tableViewLayout2/?rxid=6f9d17ea-3fb0-4e00-84a0-ea6b3c2338dc) (дата обращения: 17.10.2024).

²¹ Доступность населения к централизованному водоснабжению / Статистический комитет Республики Армения. URL: [https://armstatbank.am/pxweb/hy/ArmStatBank/ArmStatBank__8%20Environment__\(C\)%20Water%20resources/EE-c6.px/?rxid=0af2fab3-9149-4fe3-aa41-3eae37781703](https://armstatbank.am/pxweb/hy/ArmStatBank/ArmStatBank__8%20Environment__(C)%20Water%20resources/EE-c6.px/?rxid=0af2fab3-9149-4fe3-aa41-3eae37781703) (дата обращения: 17.10.2024).

Изменение баланса сил в регионе после Карабахской войны 2020 г. привело к существенным изменениям в водной безопасности Южного Кавказа. Карвачарский и Лачинский районы, которые были водным донором как непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (Арцах), так и Армении, перешли под контроль Азербайджана. Следовательно, после войны Армения стала довольно уязвимой, так как реки Арпа и Воротан, которые впадают в озеро Севан (здесь сосредоточено 80 % водных ресурсов страны), текут из Карвачарского района. «В результате Азербайджан приобрел не только новые источники водных ресурсов, но и гидрополитический козырь»²². И этот козырь станет инструментом политического давления на Армению. Бывший министр иностранных дел непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, эксперт в водной безопасности Д. Бабаян допускал, что, «начав с гидродавления, Азербайджан может перейти и к гидротеррору»²³, что нередко практиковалось в советские годы со стороны азербайджанского руководства в отношении армянского населения Нагорного Карабаха [Бабаян, 2019]. Рычаги гидродавления со стороны азербайджанского руководства были использованы также во время гуманитарной блокады Арцаха (декабрь 2022 — сентябрь 2023 гг.). Кроме того, отрезание Азербайджаном электрических и газовых кабелей в Арцахе привело к зависимости местного населения от Сарсангской плотины в плане выработки электроэнергии, что, следовательно, стало одной из причин высыхания водохранилища, провоцируя экологическую катастрофу в регионе.

Сегодня Армения ищет пути решения проблем, возникших в результате потери контроля над водными ресурсами Нагорного Карабаха. Для достижения этой цели армянское руководство уже внедрило системы капельного орошения на более чем 5400 гектарах сельскохозяйственных земель. Вместе с тем для Армении Нагорный Карабах представлял собой значительный источник энергии из-за большого количества гидроэлектростанций, откуда Армения импортировала от 150 до 200 млн кВт·ч в год²⁴. Потеря контроля над этими ГЭС (37 станций) обусловила появление новых вызовов для экономики Армении.

Особенности и вызовы водной политики Азербайджана

На территории Азербайджана с середины XX в. прослеживается рост влияния климатических и антропогенных факторов на годовой сток трансграничных и местных рек [Иманов, Алиева 2019]. Вырубка лесов, сельское хозяйство и урбанизация, а также повышение температуры являются негативно влияющими

²² Козырь Баку и риск Карабаха: Азербайджан может начать гидрошантаж армян // Sputnik Армения. 30.06.2021. URL: <https://am.sputniknews.ru/20210630/Kozyr-Baku-i-risk-dlya-Karabakha-Azerbaydzhan-mozhet-nachat-gidroshantazh-armyan-28114825.html> (дата обращения: 12.12.2024).

²³ Там же.

²⁴ Alshehhi A.A. Nagorno-Karabakh Conflict: Looking Through the Lens of Water Security // PIR Center. No 15. 23.09.2024. URL: <https://pircenter.org/en/editions/strong-15-2024-nagorno-karabakh-conflict-looking-through-the-lens-of-water-security-strong/> (accessed: 12.12.2024).

факторами на речной сток страны [Abbasov, Smakhtin 2012]. Из-за интенсивного забора воды для орошаемого земледелия, производства энергии и хозяйственно-бытовых нужд значительную нагрузку испытывают особенно малые и средние реки бассейна Куры и Аракс.

Глобальное потепление и активная хозяйственная деятельность населения Азербайджана способствуют не только усилению водного дефицита в стране, но и изменению гидрохимического режима речных вод, что создало серьезные проблемы для водного хозяйства республики. Не случайно защита водных ресурсов в качественном и количественном измерении, а также их рациональное использование для нужд экономики являются важнейшими экологическими проблемами в Азербайджане [Yolchiyeva, Nasijyeva et al., 2020].

Основные проблемы, существующие в водной сфере Азербайджана, связаны с водоснабжением и управлением сточными водами. Услуги централизованного водоснабжения и водоотведения во всей стране предоставляет открытое акционерное общество «Азерсу» (100 % его акций принадлежат государству). Канализационные сети обслуживают только 78 % населения Баку (при этом 50–55 % локальных канализационных сетей не подключены к центральной канализации²⁵), 32 % населения других городов и 36 % сельского населения. На 70 % площади Апшеронского полуострова отсутствует канализационная система²⁶. При этом вся канализационная система нуждается в срочных восстановлении и модернизации. По официальным данным, 77 % коллекторно-дренажной сети и 72 % гидротехнических сооружений в Азербайджане являются советским наследием и не отвечают современным требованиям²⁷. Согласно индикатору, оценивающему эффективность канализационной системы в стране, в 2020 г. Азербайджан занял 105-е место в мире, при том что Армения заняла 92-е место²⁸.

Водный сектор государства сильно страдает также из-за неэффективного управления сточными водами, причина которого заключается в качестве и количестве очистных сооружений. Например, в Баку очистке подвергается лишь половина собираемых сточных вод [Абдуев, 2020]. В Азербайджане очистные сооружения построены и сданы в эксплуатацию в пяти районных центрах (Гейгель, Загатала, Огуз, Масаллы, Джалилабад). По данным 2020 г., Азербайджан занял

²⁵ Отсутствие канализационной сети в поселках Баку приводит к загрязнению окружающей среды — минэкологии // Trend news agency. 2021. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/society/3411987.html> (дата обращения: 01.10.2024).

²⁶ «ОАО Азерсу»: на территории Апшеронского полуострова частично отсутствует канализационная система // Mediz.az. 01.02.2021. URL: <https://media.az/society/oao-azersu-na-territorii-absheronского-poluostrova-chastichno-otsutstvuet-kanalizacionnaya-sistema> (дата обращения: 01.10.2024).

²⁷ Azerbaijan: moving toward more diversified, resilient, and inclusive development. / ed. by Aimee Hampel-Milagrosa, Haydarov A., Anderson K. et al. Asian Development Bank 2020. Vol. 194. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/624476/aze-diversified-resilient-inclusive-development.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

²⁸ Armenia: Country Profile // Environmental performance index 2020. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/country/arm> (дата обращения: 08.10.2024).

84-е место в мире по индикатору, оценивающему эффективность водоочистки в стране²⁹, в то время как Армения заняла соответственно 69-е³⁰.

В сфере водоснабжения в Азербайджане проблемы связаны с потерей вод. Согласно официальным данным, лишь 51 % населения страны имеет доступ к системе питьевого водоснабжения³¹. Фактически 49 % населения удовлетворяет свои потребности в водных ресурсах путем самообеспечения, внося свой вклад в нерациональное потребление воды и создавая условия для усиления водного дефицита в стране. Основная потеря воды приходится на отрасли сельского хозяйства³². В среднем потери составляют 32,5 % от общего водозабора. Водная политика Азербайджана также сталкивается с проблемами мониторинга качества и количества водных ресурсов. Согласно отчету об оценке мониторинга вод в Азербайджане, подготовленному в 2019 г. в рамках «Водной инициативы ЕС плюс для стран Восточного партнерства», мониторинговая система этой страны нуждается в развитии и модернизации.

В ближайшие годы тенденция уменьшения стока рек в Азербайджане сохранится. Водный дефицит Азербайджана, возможно, будет несколько смягчен за счет использования водных ресурсов территорий Нагорного Карабаха, которые перешли под контроль Азербайджана после Второй Карабахской войны (сентябрь-ноябрь 2020 г.). В данном контексте особое значение имеют Карвачарский и Лачинский районы, где сконцентрировано большинство истоков всех основных водных артерий Нагорного Карабаха (среднегодовой сток достигает до 2 млрд куб. м). На этих территориях формируется 25 % водных ресурсов Азербайджана. В данном контексте особое значение имеет Сарсангское водохранилище, которое в 2023 г. перешло под контроль Баку. Это водохранилище, потенциальным объемом 556 млн куб. м воды, сможет обеспечить орошение 95 тыс. га сельскохозяйственных угодий в 7 азербайджанских районах³³. Необходимо подчеркнуть, что еще в 2013 г. руководство непризнанной Республики Арцах неоднократно выступало с предложением о разработке способов совместного использования Сарсангского водохранилища с Азербайджаном [Zanatta, Alvi 2024: 87]. Однако азербайджанская сторона отклонила это предложение, претендуя на весь регион.

После победы в Карабахской войне азербайджанское руководство выступило с масштабными водными проектами. Компании из Турции и Израиля

²⁹ Azerbaijan: Country Profile // Environmental performance index 2020. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/country/aze> (accessed: 08.10.2024).

³⁰ Armenia: Country Profile // Environmental performance index 2020. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/country/arm> (accessed: 08.10.2024).

³¹ C4 — Household water use per capita in the Republic of Azerbaijan // ENI SEIS East. European environment Agency. URL: <https://eni-seis.eionet.europa.eu/east/indicators/c4-2013-household-water-use-per-capita-in-the-republic-of-azerbaijan> (accessed: 25.11.2024).

³² В 2019 г. для сельского хозяйства было забрано 11,6178 млрд куб. м воды, 31,34% из которых было потеряно.

³³ Сарсангское водохранилище в Карабахе перешло под контроль Азербайджана // Интерфакс. 29.09.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/923381> (дата обращения: 12.12.2024).

подписали контракты на модернизацию водной инфраструктуры в Азербайджане и Нагорном Карабахе. В целом невозможно не согласиться с мнением, что хотя «водный интерес и не был движущей силой конфликта, но, несомненно, был одним из основных факторов»³⁴.

Эксперты утверждают, что, несмотря на установление азербайджанского контроля над территориями Нагорного Карабаха, страна продолжит сталкиваться с серьезными проблемами в водной сфере из-за нехватки эффективных методов управления водными ресурсами. Азербайджанские эксперты бьют тревогу, что уровень водного стресса в стране резко растёт³⁵. ООН также поделилась неутешительными прогнозами, согласно которым Азербайджан в ближайшем будущем станет одной из 13 стран с самыми низкими объемами водных ресурсов на душу населения.

Заключение

В последнее десятилетие Армения и Азербайджан все большее значение придают интегрированному и комплексному управлению водными ресурсами, рассматривая механизмы эффективного управления и инклюзивные институты как способ преодоления серьезных проблем в системе предоставления государственных услуг в сфере водного хозяйства. Однако на пути политического и правового преобразования в области управления водными ресурсами эти страны сталкиваются с трудностями и проблемами. Государства нуждаются в дополнительном финансировании, не владеют полной информацией относительно водных ресурсов, характеризуются недостатком потенциала. Ситуация усложняется в плане управления трансграничных водных ресурсов, преобразование принципов и механизмов которого в условиях армяно-азербайджанских сложных отношений не синхронизировано. Отсутствует полный доступ к необходимым данным по водному сектору.

В Армении прослеживается тенденция внедрения более современного водного законодательства (после независимости государства законодательство менялось дважды), политических механизмов, дорожной карты, концепции, программы и плана. В отличие от Армении Азербайджан оставил без внимания необходимость реформирования водного законодательства, однако недавно выдвинул свою стратегию водной политики. В национальном водном законодательстве Азербайджана упоминается только о бассейновом подходе, а в законодательстве Армении — почти все ключевые аспекты и концепции, связанные с ИУВР. Это показывает, что в Армении создана наиболее логичная и сбалансированная законодательная база для внедрения принципов ИУВР.

³⁴ Alshehhi A.A. Nagorno-Karabakh Conflict: Looking Through the Lens of Water Security // PIR Center. No 15. 23.09.2024. URL: <https://pircenter.org/en/editions/strong-15-2024-nagorno-karabakh-conflict-looking-through-the-lens-of-water-security-strong/> (дата обращения: 12.12.2024).

³⁵ Уровень водного стресса в Азербайджане резко растёт: как с этим бороться // Sputnik Азербайджан. 03.12.2023. URL: <https://az.sputniknews.ru/20231203/uroven-vodnogo-stressa-v-azerbaydzhane-rezko-rastet-kak-eto-predotvratit-461043766.html> (дата обращения: 12.12.2024).

В плане реформирования политических механизмов управления водными ресурсами эти государства учитывают почти все ключевые аспекты. Как показал анализ, Армения и Азербайджан достигли определенных успехов также на практическом уровне. Однако Армения опережает Азербайджан по эффективности канализационной системы, водоочистки, водоснабжения, о чем свидетельствуют также международные индикаторы по эффективности в данных направлениях.

На качество и количество водных ресурсов Армении и Азербайджана негативно влияют не только антропогенные факторы, но и климатические. В регионе наблюдается снижение количества осадков, а уровень воды в Куре и Араксе в последние годы падает, в том числе из-за плотин, расположенных выше по течению. Дело в том, что обе реки берут начало в Турции, которая в последние годы увеличила строительство объектов водной инфраструктуры на обеих реках.

Поступила в редакцию / Received: 20.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 10.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список / References

- Абдуев М. Исследование химического состава и солевого стока речных вод Нахичеванской автономной республики. Современные проблемы гидрохимии и мониторинга качества поверхностных вод: сборник статей, посвященный 100-летию со дня образования гидрохимического института. Часть 1. Ростов-на-Дону, 2020. С. 19–23.
- Abduyev, M. (2020). Study of chemical composition and salt runoff of river waters of the Nakhchivan Autonomous Republic. In *Modern problems of hydrochemistry and monitoring of surface water quality. Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Hydrochemical institute. Part 1* (pp. 19–23). Rostov-on-Don. (In Russian).
- Бабаян Д. Гидрополитика азербайджано-карабахского конфликта. Москва; Ереван: Defacto, 2019.
- Babayan, D. (2019). *Hydropolitics of the Azerbaijan-Karabakh conflict*. Moscow-Yerevan; Defacto (In Russian).
- Иманов Ф., Алиева И. Оценка влияния антропогенных факторов на годовой сток рек Азербайджана. Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2019. No. 2. С. 20–30 <http://doi.org/10.35567/1999-4508-2019-2-2>; EDN: IQNQXN
- Imanov, F., & Aliyeva, I. (2019). Assessment of the influence of anthropogenic factors on the annual flow of rivers in Azerbaijan. *Water Sector of Russia: Problems, Technologies, Management*, (2), 20–30. (In Russian). <http://doi.org/10.35567/1999-4508-2019-2-2>; EDN: IQNQXN
- Abbasov, R., & Smakhtin, V. (2012). Indexing the environmental vulnerability of mountain streams in Azerbaijan. *Mountain Research and Development*, 32(1), 73–82. <http://doi.org/10.1659/MRD-JOURNAL-D-11-00012.1> EDN: PLYSNX
- Trancon, S., & Halpern, G. (2024). Assessing the enabling conditions for investment in Armenia's water security: Scorecard pilot test. *OECD Environment Working Papers*, 241. 56 p.
- Yolchiyeva, F., Hacjiyeva, S. et al. (2020). Ecological problems of water resources in Azerbaijan and their impact of human health. *Central Asian Journal of Environmental Science and Technology Innovation*, (2), 71–76.

Yu, W., Cestti, R., Lee, J.Y. (2015). *Toward integrated water resources management in Armenia*. World Bank Group. 177 p.

Zanatta, L., Alvi, M. (2024). Assessing water (ir) rationality in Nagorno-Karabakh. In Mihr, A., & Pierobon, C. (eds.). *Polarization, Shifting Borders and Liquid Governance* (pp. 79–97). Springer. http://doi.org/10.1007/978-3-031-44584-2_5

Сведения об авторе:

Александян Лариса Мгеровна — кандидат политических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (e-mail: larisa.aleksanyan@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-7913-1897)

About the author:

Larisa M. Aleksanyan — PhD in Political Sciences, Researcher at the Department of Asian and Africa, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (e-mail: larisa.aleksanyan@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-7913-1897)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-129-141

EDN: AKOCZQ

Научная статья / Research article

Геополитические последствия для Черноморского региона строительства Турцией судоходного канала «Стамбул»

П.А. Высоцкий

Центр региональных исследований, Москва, Российская Федерация

✉ pvysotsckij@yandex.ru

Аннотация. Турецкий инфраструктурный проект нового судоходного канала формально направлен на решение задач, от которых зависит экологическая ситуация в Черноморских проливах и в Черном море. Исследовательский вопрос заключается в выявлении геополитических последствий для Черноморского региона при реализации Турцией судоходного канала. Его строительство должно создать дополнительные возможности для расширения судоходства, особенно при условии наращивания грузопотока. Однако новая транспортная артерия, которая должна проходить через турецкую территорию, не только затрагивает проблемы судоходства и использования водных ресурсов, но и станет мощным катализатором новых геополитических проектов. Строительство канала позволит Турции частично обойти положения конвенции Монтрё, определяющей правила прохода судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Автором исследовано, как реализация данного проекта скажется на геополитической ситуации в Черном море. Строительство нового судоходного канала, проходящего по турецкой территории, усилит политические позиции Турции в Черноморском регионе. В этом случае проход кораблей по судоходной артерии будет регулироваться национальным законодательством. Использование исторического и сравнительного методов позволили выявить особенности турецкой политики по вопросу строительства судоходного канала. Сделан вывод, что реализация данного проекта укрепит позиции Турции в Черноморском регионе, усилит ее роль в определении геополитических процессов в этом районе мира.

Ключевые слова: Черноморский регион, Турция, Черноморские проливы, судоходный канал, Россия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Высоцкий П.А.* Геополитические последствия для Черноморского региона строительства Турцией судоходного канала «Стамбул» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 129–141. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-129-141>

© Высоцкий П.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Construction of the Istanbul Canal by Turkey: Geopolitical Consequences for the Black Sea Region

Pavel A. Vysotsky

Center for Regional Studies, Moscow, Russian Federation

✉ pvysotsckij@yandex.ru

Abstract. The Turkish Istanbul Canal infrastructural project is formally aimed at solving the problems related to the ecological situation in the Black Sea and its straits. The construction of the canal should create additional opportunities for the expansion of shipping, especially if cargo traffic increases. However, the new waterway, which is to pass through Turkish territory, affects not only the problems of navigation and use of water resources, but will also become a powerful catalyst for new geopolitical projects. The construction of the canal will allow Ankara to bypass the provisions of the Montreux Convention, which regulates the passage of vessels through the Bosphorus and Dardanelles straits. The study analyses how the implementation of this project will affect the geopolitical situation in the Black Sea. The construction of a new water route passing through Turkish territory will strengthen Ankara's political position in the Black Sea region. In this case, the passage of vessels through the waterway will be regulated by national legislation. The author uses historical and comparative methods to reveal the peculiarities of Turkish policy on the construction of the canal. The article concludes that the implementation of this project will strengthen Turkey's position in the Black Sea region and enforce its role in determining geopolitical processes in the area.

Keywords: Black Sea region, Turkey, Black Sea straits, ship canal, Russia

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Vysotsky, P.A. (2025). Construction of the Istanbul Canal by Turkey: Geopolitical consequences for the Black Sea region. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 129–141. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-129-141>

Введение

Идея строительства альтернативного водного пути для уменьшения загрузки судов в Черноморских проливах обсуждалась на протяжении длительного времени. К этому подталкивали различные факторы, среди которых рост населения города, а также увеличение экспорта и импорта товаров, которые доставлялись морским путем.

Проекты альтернативного водного пути к Босфору восходят ко временам Римской империи, в которой рассматривали разные варианты строительства альтернативного водного пути. Во время правления Сулеймана Великолепного был подготовлен проект водного пути, соединяющего реку Сакарья с озером Сапанджа, а оттуда с заливом Измит и Мраморным морем. Однако он не был реализован.

Проект строительства альтернативного водного пути — канал «Стамбул» был анонсирован в 2011 г. Реджепом Тайипом Эрдоганом, который в тот период времени занимал пост премьер-министра. Однако тогда идея не получила практического воплощения. Вместе с тем проект не потерял своей актуальности, поскольку высокий уровень загрузки Черноморских проливов и стремление

снизить зависимость от положений Конвенции Монтрё усилили заинтересованность турецкой стороны в строительстве канала.

Лишь в 2020 г. был проведен первый тендер, связанный с выбором компании, которая должна была начать строительство канала. Затем, в июне 2021 г., президент Р.Т. Эрдоган заложил фундамент первого из 6 мостов (мост Сазлидере), которые будут построены через канал. Эта церемония была объявлена церемонией закладки фундамента канала «Стамбул». Ожидалось, что после подготовки технико-экономического задания начнется строительство канала и на это потребуется около 6 лет. Согласно проекту, канал Стамбул планируется завершить в 2027 г., а стоимость его составит 15 млрд долл. США¹.

Публикации, посвященные исследованию проблем, связанных со строительством канала, можно условно разделить на несколько групп. Российские исследователи достаточно подробно изучили исторические предпосылки появления проекта строительства канала и потенциальные последствия его реализации. Одной из первых работ, в которых исследовались позиция Турции, ее устремления расширить свое влияние в Черноморском регионе и амбициозные планы по усилению контроля над прохождением судов стала статья В. Заниной [Занина 2014]. В своей работе она отмечала стремление Турции размыть положения Конвенции Монтрё.

Исторические предпосылки зарождения проекта и его последствия рассматривал Д.Г. Бдоян [Бдоян 2022]. Вопросу относительно участия России в строительстве канала посвящена работа А.В. Болдырева, в которой он рассматривает подобное взаимодействие с экономических позиций [Болдырев 2020]. Многие российские исследователи делали акцент на анализе геополитических последствий, которые возникнут при строительстве канала для причерноморских государств и региона в целом².

Часть российских исследователей сфокусировала свой интерес на правовых аспектах, связанных со строительством гидрообъекта, рассматривая его реализацию через призму юридических норм, регулирующих вопросы судоходства, а также правового режима как проливов, так и канала. Среди них следует выделить таких исследователей, как П.А. Гудев и И. Крамник³.

Ряд турецких исследователей считали, что строительство канала приведет к тому, что режим Конвенции Монтрё будет заменен принципом свободы прохода и мореплавания в проливах как для гражданских, так и для военных кораблей [Akğün, Tiryaki 2011].

¹ Эрдоган назвал стоимость и сроки завершения канала «Стамбул». 26 июня 2021. URL: <https://ria.ru/20210626/kanal-1738735618.html?ysclid=m5f1wgkvmn608223589> (дата обращения: 23.06.2024).

² Стародубцев И.И. Черноморский регион: возможности для сотрудничества России и Турции // Российский совет по международным делам. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernomorskiy-region-vozmozhnosti-dlyasotrudnichestva-rossii-i-turtsii/> (дата обращения: 13.10.2024).

³ Гудев П.А., Крамник И. Канал влияния? 01.05.2021. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-3-150-160> <https://globalaffairs.ru/articles/kanal-vliyaniya/> (дата обращения: 23.11.2024).

Эволюция ситуация вокруг Черноморских проливов

Повышенное внимание к Черноморским проливам и, тем более, к новому судоходному каналу определяется их геополитическим и экономическим значением для развития Черноморского региона в целом и для причерноморских государств в частности. Для России, которая исторически присутствует в Черном море, интерес к проливам, возможности осуществления через них свободного прохода, а позже и их правовой статус определялся экономическими интересами. Они были неразрывно связаны с экономическим развитием южных территорий Российской империи, а позже и СССР. Кроме того, речь шла об обеспечении безопасности южных рубежей. По этой причине начиная с XVIII в. российская политика уделяла этому вопросу повышенное внимание. Это нашло отражение в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре, подписанном в 1774 г. Согласно документу, российские торговые суда имели право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы [Якушев 2021]. Подобное положение отражало возросшее значение для экономических интересов России Черноморских проливов. Затем последовал договор 1805 г., в котором Османская империя взяла на себя обязательство способствовать проходу российских военных кораблей России через Черноморские проливы в военное время.

В июне 1833 г. был подписан Ункяр-Искелесийский договор, в котором говорилось, что «взамен на обязательство России по оказанию помощи в случае войны Османская империя закрывает Черноморские проливы для всех иностранных военных кораблей кроме российских» [Юзефович 1869: 89–92]. Однако и этот договор, под влиянием Франции, не выполнялся Османской империей. В итоге в 1841 г. на Второй Лондонской конвенции было «закреплено положение о закрытии Проливов для военных кораблей всех государств, в том числе и России» [Потёмкин 2015: 418–427]. Это привело к ослаблению позиций России и усилению Англии в Черноморском регионе. Лишь в 1871 г., с подписанием Лондонской конвенции, Российская империя вновь получила разрешение иметь флот на Черном море. В то же время сохранялся запрет прохода военных кораблей через Босфор и Дарданеллы, а Османская империя могла пропускать через Черноморские проливы военные корабли своих союзников.

Таким образом, контроль над Черноморскими проливами имел для Российской империи ключевое значение. Это позволяло российской стороне отстаивать свои позиции в Черноморском регионе и препятствовать нахождению в Черном море кораблей других государств.

На пути к правовому режиму проливов

На правовой статус Черноморских проливов большое влияние оказали геополитические события, связанные с окончанием Первой мировой войны. Поскольку Османская империя потерпела поражение, то условия прохода через Черноморские проливы были изменены. Согласно подписанному

в октябре 1918 г. Мудроскому перемирию, проливы были открыты для судов стран Антанты и им передавались турецкие военные корабли. Затем в 1920 г. был подписан Севрский мирный договор, в котором было отражено, что Черноморские проливы должны быть демилитаризованы и открыты для военных кораблей любых стран. Страны Антанты создавали специальную международную комиссию для управления проливами. Однако уже на Лозаннской конференции, которая проходила в 1922–1923 гг., ситуация вновь стала меняться. Советская делегация занимала позицию, согласно которой Турция сохраняла суверенитет над проливами. Кроме того, советская сторона настаивала на том, чтобы обеспечить свободу торгового судоходства [Потёмкин 2015: 418–427].

В июле 1923 г. был подписан Лозаннский мирный договор с Турцией, который «предусматривал свободный проход через проливы военных судов всех стран в мирное, а также в военное время в случае нейтралитета Турции; при участии Турции в войне, предусматривался свободный проход через проливы военных судов нейтральных стран. СССР не ратифицировал договор, заявив, что он подрывает его безопасность. Позиция Москвы заключалась в том, что ей должен быть обеспечен свободный доступ в Средиземное море, а Черное должно быть внутренним озером прибрежных государств»⁴. Несмотря на усилия советской стороны, Лозаннская конференция не изменила статус Босфора и Дарданелл. Контроль над ними был передан международной комиссии, которую возглавляла Великобритания. В нее также входили Франция, Италия, Япония и США. Военные корабли иностранных государств могли по-прежнему беспрепятственно проходить через проливы.

СССР не ратифицировал Конвенцию, тем более что Турция, несмотря на отстранение ее от контроля над проливами, поддерживала позиции западных стран. В СССР считали, что положения конвенции ставят «под угрозу безопасность черноморских государств» [Борков, Лошкарев 2003: 242–247].

К новому правовому режиму проливов

По мере укрепления своих позиций Турция стала поднимать вопрос о пересмотре решений Лозаннской конвенции. В апреле 1936 г. турецкая сторона предложила созвать новую международную конференцию для пересмотра статуса Черноморских проливов. В результате на конференции о режиме Черноморских проливов 22 июня — 21 июля 1936 г. в Монтрё (Швейцария) был выработан компромиссный вариант, действующий до настоящего времени. Согласно статье 2 этого документа торговые суда могут беспрепятственно проходить через Босфор и Дарданеллы «днем и ночью, вне зависимости от флага и груза».

⁴ Данченко А. Черноморские проливы, Конвенция Монтрё и «сумасшедший проект» Эрдогана. 01.01.2021. URL: <https://sevastopol.su/blogs/chernomorskie-prolivy-konvenciya-montre-i-sumasshedshiy-proekt-erdogana> (дата обращения: 23.10.2024).

В том случае если Турция находится в состоянии войны, она обязана пропускать гражданские суда дружественных и нейтральных стран — но только ночью и только по намеченному Анкарой фарватеру. Наконец, если Турция не воюет, но «считает себя под угрозой военной опасности», она все же «обязана пропускать все суда (в том числе и под флагом потенциального противника), в том числе днем, однако курс также должен быть указан Анкарой»⁵.

В изменении статуса проливов был заинтересован СССР, поскольку через Черноморские проливы осуществлялся экспорт товаров. Кроме того, «проливы имели ключевое значение для обеспечения безопасности южных границ СССР» [Киреев 2007: 234].

Согласно конвенции Монтрё торговые корабли всех государств могут свободно проходить через проливы как в мирное, так и в военное время. Причерноморские государства в мирное время, предварительно уведомив власти Турции, имеют право проводить через проливы свои военные корабли любого класса. Для военных кораблей нечерноморских государств были введены ограничения по классу. Общий тоннаж военных кораблей нечерноморских государств в Чёрном море не может превышать 30 000 т (этот показатель увеличивается до 45 000 т при увеличении численности военно-морского флота черноморских государств), а сроки пребывания не должны превышать 21 сутки. Оговаривалось, что в случае нахождения Турции в состоянии войны или под угрозой войны, она имеет право по своему усмотрению разрешать или запрещать проход военных кораблей из любых стран. Если Турция не участвует в войне, то проливы должны быть закрыты для военных кораблей всех воюющих сторон.

Таким образом, был определен порядок прохождения торговых кораблей и военных судов черноморских и нечерноморских государств. Для СССР данный вопрос имел принципиальное значение, поскольку был связан с вопросами безопасности и осуществления торговли. Турция также усилила свои позиции после закрытия Босфора и Дарданелл для военного флота нечерноморских стран. Анкара получила мощный инструмент контроля торговых потоков над проливами ей «было проще обеспечивать свою безопасность» [Лунева 2010: 5].

Позиция Турции: новые подходы

Конвенция Монтрё не сняла с повестки дня вопрос о правовом статусе проливов. Турция по-прежнему стремилась полностью контролировать проход из Черного в Средиземное море. Для этого турецкая сторона использовала различные аргументы. Например, в 1994 г. правительство Турции заявило о введении нового Регламента судоходства в зоне Черноморских проливов,

⁵ Макаренко Г., Темкин А. Пролив влияния. 26 ноября 2015 г. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2015/11/26/56bc8b979a7947299f72b85d?ysclid=m4fj3xukf3811715644> (дата обращения: 13.11.2024).

аргументируя это необходимостью защиты экологии. Речь шла о том, что корабли длиной более 200 м должны проходить через Босфор только днем и в сопровождении турецкого лоцмана. Помимо этого, предложения Турция предусматривали проведение досмотра торговых судов и приостановку их движения. «Все причерноморские государства выступили против предложений Турции, поскольку они не соответствовали Конвенции Монтрё. Тем не менее, уже с 1 июля 1994 г. Турция ввела новые правила в одностороннем порядке»⁶.

Наряду с попытками установить новые правила прохода судов через проливы турецкая сторона разрабатывала проект нового канала. В 2011 г. была выдвинута идея о строительстве судоходного канала «Стамбул», который должен был стать альтернативой Босфору. Затем, в 2018 г., Министерство транспорта Турции утвердило маршрут канала протяженностью в 45,2 км. Его строительство планировалось завершить в 2023 г., к столетию основания Турецкой Республики. Однако в силу масштабности проекта сроки были скорректированы. Лишь в 2021 г. Р.Т. Эрдоган заложил фундамент моста на окраине города, тем самым дав старт строительству канала «Стамбул»⁷.

Официальное объяснение причин строительства канала заключается в том, что необходимо разгрузить Босфор. Турецкая сторона указывала, что большое количество судов, которые проходят через пролив, создают угрозу экологии. Прежде всего, речь шла о танкерах, которые перевозили нефть.

Экологические риски

Несмотря на то что официальным объяснением строительства канала выступали экологические риски, которым подвергались Черноморские проливы, реализация данного проекта создавала и другие угрозы. Экологи отмечали, что строительство канала может повлечь за собой ряд долгосрочных последствий, которые окажут непоправимые экологические последствия. Речь шла о повышении уровня сероводорода, который находился в Мраморном море, гибели его фауны, засолении водохранилища Сазлыдере, одного из основных источников питьевой воды для Стамбула. Одновременно отмечалось, что «в Черное море могут попадать биологические виды средиземноморского происхождения. Тем самым будут поставлены под угрозу уникальные флора и фауна Черного моря, а значит, и черноморское рыболовство» [Sozer, Özsoy 2017: 77–86].

⁶ Кудряшова Ю.С. О режиме черноморских проливов в прошлом и настоящем. МГИМО Университет. 9 сентября 2016. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/o-rezhime-chernomorskikh-prolivov-v-proshlom-i-nastoyashchem/?ysclid=m5cbcbmax1751732421&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 17.12.2024).

⁷ Сонный С. Эрдоган дал старт строительству канала «Стамбул» в обход Босфора. 26 июня 2021. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2021/06/26/n_16159904.shtml?ysclid=m5cc3zcznc446547067 (дата обращения: 19.11.2024).

В результате строительство канала грозит создать экологические проблемы не только для Турции, но и для всех причерноморских государств. Хотя еще в 1992 г. в Бухаресте Турция подписала Конвенцию о защите Чёрного моря от загрязнения, документ вступил в силу в январе 1994 г. В 2002 г. участники Бухарестской конвенции подписали Протокол о сохранении биоразнообразия и ландшафтов Черного моря, который является неотъемлемой частью Конвенции.

Экономические последствия строительства канала

Существуют различные оценки относительно экономических выгод и потерь для отдельных причерноморских государств, региона в целом и влияния на будущее Черноморских проливов. «В случае реализации проекта „Стамбул“ у России появятся существенные экономические риски. В настоящее время через проливы ежегодно беспошлинно из России провозят примерно 25 млн т нефти и 37 млн т нефтепродуктов, а также зерно, сталь, стройматериалы и т. д.»⁸. «Учитывая пропускную способность канала в 150–160 судов ежедневно и ожидаемую прибыль в размере 8 млрд долл. в год, стоимость прохода через канал не будет дешевой. А если сравнивать его с Суэцким и Панамским каналами по длине, то ожидается, что плата за проход через канал «Стамбул» будет в диапазоне 45–60 тыс. долл.» [Tütüncü 2017: 113–123].

Однако данные оценки пока являются предварительными и могут измениться. Не меньшие риски могут возникнуть в случае обострения геополитической ситуации в Черноморском регионе и, что еще более существенно, при различных трактовках правового статуса будущего канала.

В Турции продвигают свои аргументы в поддержку строящегося канала. В Анкаре считают, что в случае реализации проекта через канал будет проходить в среднем от 100 до 120 судов в сутки. По оценкам турецкой стороны, суда, которые будут проходить через канал, не будут подпадать под действие Конвенции Монтрё. Соответственно, они будут платить сбор за проход Турции. Предполагается, что это внесет определенный вклад в экономику страны, поскольку размер платы, которую будут платить суда, будет варьироваться в зависимости от типа и тоннажа перевозимого груза.

Канал должен разгрузить Черноморские проливы, которые в последнее десятилетие с трудом справляются с грузопотоком. В среднем для перехода через Босфор требуется около 14,5 ч ожидания, а среднее время ожидания судов, перевозящих опасные грузы, таких как танкеры, достигает 30 часов. Иногда время ожидания доходит до 3–4 дней, а ежедневный убыток танкеров длиной более 200 м достигает в среднем 120 тыс. долл. США. Учитывая затраты на ожидание судов, канал, как считают в Турции, предоставит большое преимущество проходящим судам.

⁸ Что будет, если Турция перекроет Босфор и Дарданеллы. 28 мая 2018 г. URL: https://news.rambler.ru/other/39973606/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.11.2024).

В Турции считают, что перебои в движении через проливы наносят ущерб российской экономике, который оценивается в 1–1,4 млрд долл. США. Соответственно, канал предлагает России альтернативу, которая позволит снизить потери и создаст надежные условия для поставок грузов. При этом проход через Босфор будет также открыт.

Правовые аспекты вопроса

Вокруг правовых вопросов, связанных с Черноморскими проливами, развернулась острая дискуссия. С одной стороны, «в отличие от Босфора, который в соответствии с Конвенцией Монтрё считается «международным водным путем», канал «Стамбул» будет юридически «внутренним водным путем». При этом международный режим канала, то есть правовой режим Конвенции Монтрё, сохранится на переходный период (до введения национальных правил судоходства)⁹. К началу строительных работ, связанных со строительством канала, позиция Турции претерпела изменения. Турецкие эксперты отмечали, что «новый маршрут не отменяет положения Конвенции Монтрё «в какой-либо форме», а Босфор по-прежнему будет открыт для морских перевозок»¹⁰.

Одним из ключевых вопросов станет позиция Турции по вопросу прохождения через канал военных кораблей нерегиональных акторов. Не случайно еще в 2013 г., говоря о международном аспекте судоходства через канал, бывший министр транспорта, мореходства и связи, а затем и премьер-министр Турции Б. Йылдырым заявил: «Эта проблема связана с суверенными правами Турции» [Бдоян 2022: 6]. Данная позиция не претерпела изменений и после начала строительства канала.

Российские эксперты отмечали, что при отсутствии Конвенции (если допустить развитие ситуации по этому сценарию) «к черноморским проливам неизбежно станут применяться нормы и положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а значит, черноморские проливы будут автоматически отнесены к категории международных с правом транзитного прохода, которое одинаково применимо как к гражданским судам, так и военным кораблям, и не может быть приостановлено»¹¹. В то же время строительство канала скажется только на проливе Босфор. В отношении Дарданелл будет действовать Конвенция Монтрё. Наконец, сохранятся положения Конвенции в отношении военных кораблей нечерноморских государств. Так,

⁹ Ulaştırma Bakanı. Kanal İstanbul'un hukuki statüsünü açıkladı // Konuthaberı. 05.12.2018. URL: <https://www.konuthaberı.com/haberler/ulastirma-bakani-kanal-istanbulun-hukuki-statusunu-acikladi-18704/> (accessed: 17.10.2024).

¹⁰ Turhan B. Kanal İstanbul'un etüt proje işlerini tamamladık // Sanalbasin. 07.02.2019. URL: <http://www.sanalbasin.com/kanal-istanbulun-etut-proje-islerini-tamamladik-29142399/> (accessed: 17.10.2024).

¹¹ Гудев П.А., Крамник И. Канал влияния? 01.05.2021. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-3-150-160> <https://globalaffairs.ru/articles/kanal-vliyaniya/> (дата обращения: 23.11.2024).

будут действовать все ограничения по классу, тоннажу и времени их пребывания в акватории Черного моря. Впрочем, и без строительства канала корабли нечерноморских государств пребывают в Черном море с нарушениями Конвенции. В декабре 2021 г. министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров заявил, что корабли нечерноморских государств «бороздят Черное море с существенными отклонениями от норм, заложенных в Конвенции Монтрё»¹².

Проект в тисках геополитики

С обострением геополитической ситуации в 2022 г. внимание к проекту канала «Стамбул» еще больше усилилось. Повышенный интерес к каналу, а главное — к последствиям, которые возникнут после завершения его строительства, связан с началом конфронтации России и Запада [Высоцкий 2023]. До последнего времени Конвенция служила барьером от масштабного проникновения в Черное море кораблей внерегиональных государств. С началом строительства канала со стороны западных государств стала продвигаться идея заключения нового соглашения, касающегося Черноморских проливов, исходя из факта наличия нового канала. Директор морского форума Университета Коч (Koç Üniversitesi) Джем Гюрдениз указывал «на отрицательную позицию в этом вопросе России и Китая, а главное — на то, что отмена Конвенции Монтрё соответствует прежде всего интересам США и НАТО»¹³. Контр-адмирал в отставке Э. Менги подчеркивал, что «каждое положение, связанное с проливами, необходимо согласовывать с Россией, Украиной, Болгарией и Румынией. Это должно быть сделано, если мы не хотим вновь положить Конвенцию Монтрё на стол переговоров»¹⁴.

Для России интерес к Черноморским проливам определяется двумя факторами. Прежде всего, это вопросы безопасности в Черном море. Несмотря на то, что Болгария и Румыния являются членами НАТО, в регионе сохраняется определенный баланс сил. В условиях конфронтации России с Западом Конвенция Монтрё создает международно-правовой барьер для расширения своего присутствия в Черном море кораблей внерегиональных государств. Второй фактор связан с реализацией торговых операций. Через проливы Босфор

¹² Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалу RT, Москва. Министерство иностранных дел. 22.12.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1791774/ (дата обращения: 17.10.2024).

¹³ Franchineau H. How Istanbul's man-made canal project could trigger an arms race in the Black Sea — and why China is watching closely // South China Morning Post. 29.09.2018. URL: <https://www.scmp.com/news/world/europe/article/2149025/how-istanbuls-man-made-canal-project-could-trigger-arms-race-black> (accessed: 15.10.2024).

¹⁴ Mengi E. Kanal İstanbul Projesinin Hukuki Yönünün Değerlendirmesi // 21yyte.org. 27.01.2019. URL: <https://www.21yyte.org/tr/merkezler/islevsel-arastirma-merkezleri/milli-guvenlik-ve-dis-politika-arastirmalari-merkezi/kanal-istanbul-projesinin-hukuki-yonunun-degerlendirmesi> (accessed: 14.11.2024).

и Дарданеллы осуществляется значительный грузопоток российских судов. Значительную их часть составляют танкеры, которые осуществляют перевозки нефти. Соответственно, в России «не заинтересованы в том, чтобы проход военных кораблей неприбрежных держав в Черное море зависел исключительно от национального законодательства Турции»¹⁵.

Заключение

Строительство судоходного канала «Стамбул» уже вызвало острые дискуссии как в Турции, так и в других государствах. Строительство данного объекта сопряжено с необходимостью решения комплекса геополитических, экономических и экологических проблем. Строительство канала по времени совпало с обострением ситуации в мировой политике и затронуло Черноморский регион.

Для России ключевым вопросом остается проблема сохранения правового статуса Черноморских проливов и роль будущего канала. Не случайно дискуссии относительно того, приведет ли строительство канала к снижению роли Конвенции Монтрё, продолжаются. Канал может дать возможности кораблям США и НАТО для прохождения в Черное море, что не отвечает интересам России. Развитие подобной ситуации усилит геополитическую напряженность в Черноморском регионе, обострит и так непростые отношения между черноморскими государствами.

Поступила в редакцию / Received: 10.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 11.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Бдоян Д.Г. Исторические предпосылки и последствия строительства канала «Стамбул» // Восток (Oriens). 2022. № 6. С. 136–147. <http://doi.org/10.31857/S086919080021146-7>; EDN: АМСУКЕ
- Болдырев А.В. К вопросу о возможности для России участвовать в турецком проекте канал «Стамбул» // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 1. С. 271–280. <http://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-1-271-280>; EDN: KFUBRG
- Борков А.В., Лошкарев А.В. Советская дипломатия и обсуждение проблемы статуса Черноморских проливов на Лозаннской международной конференции 1922–1923 гг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. № 1. С. 242–247.
- Высоцкий П.А. Основные проблемы Черноморского региона: современное состояние // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 1. С. 17–25. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-17-25>; EDN: XBIGEQ

¹⁵ Franchineau H. How Istanbul's man-made canal project could trigger an arms race in the Black Sea — and why China is watching closely. South China Morning Post. 29.09.2018. URL: <https://www.scmp.com/news/world/europe/article/2149025/how-istanbuls-man-made-canal-project-could-trigger-arms-race-black> (accessed: 09.12.2024).

- Занина В. Из Кремля Босфор не виден // *Международная жизнь*. 2014. № 6. С. 82–94. EDN: UZNPDD
- Киреев Н.Г. История Турции. XX век. Москва : Крафт+, ИВ РАН, 2007.
- Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). Москва : Квадрига. 2010.
- Потёмкин В.П. История дипломатии. Том 1: С древнейших времён до нового времени. Москва : Директ-Медиа, 2015.
- Юзефович Т.П. Договоры России с Востоком политические и торговые. Санкт-Петербург, 1869.
- Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног Российской монархии...». Ключук-Кайнарджийский договор 1774 г. // *Военно-исторический журнал*. 2021. № 8. С. 42–49. EDN: SZJMFD
- Akğün M., Tiryaki S. The Political Feasibility of the Istanbul Canal Project // *Global Political Trends Center*. 2011. No. 27. 8 p. https://www.files.ethz.ch/isn/132972/PB27_2011_IstanbulCanalProject_Akgun_Tiryaki.pdf
- Sozer A., Özsoy E. Water Exchange through Canal İstanbul and Bosphorus Strait // *Mediterranean Marine Science*. February 2017. No. 1. P. 77–86. <http://doi.org/10.12681/mms.1877>; EDN: YYIZIF
- Tütüncü A.N. Montrö Sözleşmesi ve Kanal İstanbul // *Public and Private International Law Bulletin*. 2017. Vol. 37, no. 1. P. 113–123.

References

- Akğün, M., & Tiryaki, S. (2011). The political feasibility of the Istanbul Canal project. *Global Political Trends Center*, 27, 8. Retrieved January 6, 2025, from https://www.files.ethz.ch/isn/132972/PB27_2011_IstanbulCanalProject_Akgun_Tiryaki.pdf
- Bdoyan, D.G. (2022). Historical prerequisites and consequences of the construction of the Istanbul Canal. *Oriens*, (6), 136–147. (In Russian). <http://doi.org/10.31857/S086919080021146-7>; EDN: AMCYKE
- Borkov, A.V., & Loshkarev, A.V. (2003). Soviet diplomacy and the discussion of the problem of the status of the Black Sea Straits at the Lausanne International Conference of 1922–1923. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (1), 242–247 (In Russian).
- Boldyrev, A.V. (2020). On the issue of the possibility for Russia to participate in the Turkish project “Istanbul Canal”. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, (1), 271–280. (In Russian). <http://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-1-271-280>; EDN: KFUBRG
- Kireev, N.G. (2007). *History of Turkey. 20th Century*. Moscow: Kraft+, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Luneva, Yu.V. (2010). *The Bosphorus and Dardanelles. Secret Provocations on the Eve of World War I (1907–1914)*. Moscow: Quadriga. (In Russian)
- Potemkin, V.P. (2015). *History of diplomacy*. Volume 1. From ancient times to modern times. Moscow: Direct-Media. (In Russian).
- Sozer, A., & Özsoy, E. (2017). Water exchange through Canal İstanbul and Bosphorus Strait. *Mediterranean Marine Science*, 1, 77–86. <http://doi.org/10.12681/mms.1877>; EDN: YYIZIF
- Tütüncü, A.N. (2017). Montrö Sözleşmesi ve Kanal İstanbul. *Public and Private International Law Bulletin*, 37(1), 113–123.
- Vysotsky, P.A. (2023). The current state of the key challenges in the Black Sea region. *Post-Soviet Issues*, 10(1), 17–25. (In Russian) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-17-25>; EDN: XBIGEQ
- Yakushev, M.M. (2021). “Defeated Turkey lay at the feet of the Russian monarchy...”. The Treaty of Küçük Kaynarca, 1774. *Military History Journal*, 8, 42–49. (In Russian). EDN: SZJMFD

Yuzefovich, T.P. (1869). *Russia's political and trade treaties with the East*. St. Petersburg.
(In Russian)

Zanina, V. (2014). The Bosphorus is not visible from the Kremlin. *International Affairs*, (6), 82–94.
(In Russian). EDN: UZNPDD

Сведения об авторе:

Высоцкий Павел Андреевич — кандидат философских наук, научный сотрудник, АНО «Центр региональных исследований» (e-mail: pvysotsckij@yandex.ru) (ORCID: 0009-0004-6603-9124)

About the author:

Pavel A. Vysotsky — PhD in Philosophy, Research Fellow, Center for Regional Studies
(e-mail: pvysotsckij@yandex.ru) (ORCID: 0009-0004-6603-9124)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-142-155

EDN: AJWZBI

Обзорная статья / Review

Вода и власть в Маньчжурии в конце XIX — первой трети XX в.: геополитическое соперничество и борьба нарративов в русскоязычных и англоязычных научных трудах

П.Н. Дудин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Российская Федерация

✉ dudin2pavel@gmail.com

Аннотация. Актуальность обращения к теме «борьбы за Маньчжурию» в исторической ретроспективе обусловлена не только сохраняющимся научным интересом, но и острой необходимостью критического осмысления источников, освещающих данный период, особенно в контексте современной геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Предметом настоящего исследования выступает анализ особенностей интерпретации роли водных ресурсов и Китайской Восточной железной дороги в русскоязычных и англоязычных источниках первой трети XX в. Цель исследования — демонстрация формирования конкурирующих нарративов, обусловленных различиями в лингвокультурной и политической перспективе авторов. Его результаты демонстрируют, что авторы русскоязычных работ акцентируют экономическую значимость водных коммуникаций региона. В противовес этому авторы англоязычных исследований обнаруживают доминирование геополитической парадигмы, зачастую сопряженной с политически ангажированными интерпретациями, характеризующимися недооценкой роли России и, напротив, идеализацией политики США, Японии и др. Выявленные расхождения свидетельствуют о наличии борьбы нарративов в гидрополитическом контексте, подчеркивая механизмы политической инструментализации интерпретаций истории водных ресурсов и инфраструктуры для легитимации геополитических стратегий. Представленная работа вносит вклад в политологическое осмысление гидрополитики как формирующейся, но обладающей возрастающей актуальностью отрасли политической науки. На примере кейса, относимого к политической истории Маньчжурии, демонстрируется значение гидрополитического подхода для анализа современных геополитических процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и необходимость критической рефлексии политизированных нарративов о водных ресурсах в международной политике.

Ключевые слова: Маньчжурия, КВЖД, гидрополитика, водные ресурсы, геополитика, политические нарративы, интерпретация источников, историческая политика, Азиатско-Тихоокеанский регион, Российская империя, Япония, первая треть XX века

© Дудин П.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дудин П.Н. Вода и власть в Маньчжурии в конце XIX — первой трети XX в.: геополитическое соперничество и борьба нарративов в русскоязычных и англоязычных научных трудах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 142–155. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-142-155>

Water and Power in Manchuria in the Late 19th — First Third of the 20th Centuries: Geopolitical Rivalry and the Struggle of Narratives in Russian-Language and English-Language Scholarly Works

Pavel N. Dudin

Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, *Ulan-Ude, Russian Federation*

✉ dudin2pavel@gmail.com

Abstract. Drawing on the sustained scholarly interest in the “struggle for Manchuria” and the pressing need for critical source analysis, particularly in the context of the contemporary geopolitical landscape of the Asia-Pacific region, this article revisits the historical narrative through a hydropolitical lens. It analyzes the divergent interpretations of water resources and the Chinese Eastern Railway (CER) as presented in Russian and English-language sources from the first third of the 20th century. The study aims to demonstrate the formation of competing narratives shaped by the distinct linguistic-cultural and political perspectives of their authors. Authors of Russian-language works emphasize the economic significance of regional water communications. In contrast, English-language scholarship predominantly adopts a geopolitical paradigm, often intertwined with politically biased interpretations that tend to understate Russia’s role while idealizing the policies of the United States, Japan, and other actors. These discrepancies underscore the existence of a narrative struggle within the hydropolitical context, highlighting the mechanisms of political instrumentalization of historical interpretations concerning water resources and infrastructure to legitimize geopolitical strategies. This article contributes to the burgeoning field of hydropolitics as an increasingly relevant branch of political science. Through the case study of Manchuria’s political history, it demonstrates the significance of a hydropolitical approach for analyzing contemporary geopolitical processes in the Asia-Pacific region and the imperative for critically reflecting upon politicized narratives surrounding water resources in international politics.

Keywords: Manchuria, CER, hydropolitics, water resources, geopolitics, political narratives, interpretation of sources, historical politics, Asia-Pacific region, Russian Empire, Japan, first third of the 20th century

Funding. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-68-00054 “Manchuria-Mongolian World of Inner Asia in the first half of the 20th century”.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Dudin, P.N. (2025). Water and power in Manchuria in the late 19th — first third of the 20th centuries: Geopolitical rivalry and the struggle of narratives in Russian-language and English-language scholarly works. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 142–155. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-142-155>

Введение

Вопрос о гидроресурсах Маньчжурии в первой трети XX в., на первый взгляд, может показаться узкоспециализированным, однако при ближайшем рассмотрении он высвечивает глубинную связь между водой и властью в этом стратегически важном регионе. Именно контроль над водными артериями, наряду со строительством КВЖД, служил инструментом не только экономического, но и политического влияния. Сегодня, когда интерес к истории «борьбы за Маньчжурию» вновь возрастает, обращение к проблеме интерпретации данных о роли КВЖД в формировании гидрополитического ландшафта региона представляется особенно актуальным. Крупный исследователь Маньчжурии, один из ключевых функционеров КВЖД своего времени, П.Н. Меньшиков не случайно называл реки проводниками культуры, подчеркивая их большое значение для всего региона, а также обращал внимание на то, что история демонстрировала успех и силу именно тех государств, которые имели доступ к воде — удобным и дешевым путям сообщения¹. Реки же служили границей между двумя державами. Так, в разделе 1 Айгунского договора 1858 г. указывалось отнесение тех или иных населенных пунктов к российской или цинской территории². Безусловно, с появлением в регионе железных дорог диспозиция сил должна была измениться, однако и на этот нюанс П.Н. Меньшиков обратил свое внимание, утверждая, что железная дорога не только не ослабила роль рек и речного сообщения, но и усилила их значение, поскольку обеспечила доступ к судоходным артериям Маньчжурии³, что, в свою очередь, способствовало более активной колонизации и изменению демографической ситуации в регионе.

Сегодня недостаточная изученность водных ресурсов империй и крупных государств восточной части Евразийского континента, а также гидрополитического аспекта деятельности КВЖД как одного из важнейших институтов стратегического (невоенного) присутствия нашей страны в Восточной Азии выдвигает перед исследователями задачу комплексного анализа использования и контроля водных ресурсов региона в контексте политической борьбы и экономического

¹ Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги П.Н. Меньшикова по обследованию Хэйлунцзянской провинции и части Чжэримского сейма Внутренней Монголии // Китайская Восточная железная дорога; издание Коммерческой части Кит. Вост. жел. дор. Харбин : типография Китайской Восточной железной дороги, 1913. 242 с. С. 24.

² Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. Харбин : Издание Канцелярии Правления Общества Китайской Восточной железной дороги, 1922. XXXVI. 313 с. С. 1.

³ Там же. С. 25.

развития, а разночтения в русскоязычных источниках начала прошлого века и современных англоязычных исследованиях заставляют нас критически подходить к имеющейся информации.

Цель, материалы и методы

Цель исследования заключается в политологическом анализе интерпретаций роли водных ресурсов и Китайской Восточной железной дороги в контексте российского стратегического присутствия в Маньчжурии в первой трети XX в. Основная задача состоит в выявлении и демонстрации различий в подходах к освещению данной проблематики в русскоязычных и англоязычных работах с акцентом на формировании конкурирующих, политически ангажированных нарративов. Методологический инструментарий исследования включал в себя политологически ориентированный комплекс методов, адаптированных для изучения гидрополитических процессов и борьбы нарративов. Сравнительный анализ нарративных стратегий применялся для систематического сопоставления русскоязычных и англоязычных текстов с целью выявить различия в нарративных стратегиях, используемых для интерпретации роли водных ресурсов и КВЖД. Контент-анализ политически нагруженного дискурса (с элементами дискурс-анализа) в данном исследовании выходит за рамки простого подсчета частотности слов и фраз. Он дополняется элементами дискурс-анализа, что позволяет углубиться в изучение политического подтекста, идеологических фреймов и властных отношений, имплицитно или эксплицитно присутствующих в анализируемых текстах.

Англоязычный сегмент исследовательского поля — узкое пространство немногочисленных нарративов

В одной из своих недавних работ [Дудин 2022] мы изучали отражение российского стратегического (невоенного) присутствия на юге Маньчжурии, в зоне ЮМЖД, в связи с чем мы посчитали важным вернуться к некоторым из этих трудов и посмотреть, насколько валидны источники и данные, на которые опираются авторы, в ракурсе заданной темы воды и политики. Анализ показал, что в основной своей массе — это работы описательного и умозрительного характера, как мы указывали ранее в своем исследовании, практически не использующие архивный, статистический и прочий материал.

При этом в ряде книг и статей контекстно сочетание этих явлений, воды и власти, проступает весьма рельефно, как это сделано в работе Э. О’Дуайер, которая указывает на воду как на центральный элемент в умах японских поселенцев в Маньчжурию [O’Dwyer 2015: 6]. Значимость чистой воды для обеспечения социального и санитарного благополучия в эффективной борьбе с эпидемиями русских медиков подчеркивает профессор М. Гамса [Gamsa 2020a: 111–112, 187], пытаясь все же уличить нашу страну в экспансионистских амбициях [Gamsa 2020b: 43].

Тем не менее доминирующим сюжетом в западных исследованиях по-прежнему оставался геополитический, а не санитарный: важность Маньчжурии в русско-японских отношениях и контроле ресурсов [Kato 2007: 100], ее экономическое развитие в части предоставления концессий на аренду портов [Campbell 2019: 4–5; Myers 1989: 117] и контроль над транспортной инфраструктурой (включая доступ к водным путям) [Gottschang, Lary 2000: 65], осознавая продолжение борьбы за влияние между державами даже после поражения России в войне с Японией [Hasegawa 2005: 24; Kwong 2017: 29]. Там не менее ряд авторов продолжают оставаться на позициях отношения к России как агрессору, в то же время представляя США как защитника интересов Китая [Elleman 2002: 24], забывая при этом, что именно США не допустили делегацию Китая на Вашингтонскую конференцию, что означало продолжение присутствия на его территории иностранных поселений в течение последующих десятка лет [Пергамент 1925; Энгельфельд 1927].

Основной же объем текстового массива посвящен противостоянию держав и контролю за ресурсами в регионе, включая и водные. При этом роль и место в этом противостоянии самой Маньчжурии разнятся: от экономического значения Маньчжурии [Wilson 2002: 16] до ее статуса опорной точки при продвижении в глубь континента [Duara 2003: 43] и важного геополитического резерва борющихся держав [Mitter 2020: 117; Esselstrom 2009: 48]. Исследовательскому вниманию подвергается не только КВЖД, но и японская ветка — ЮМЖД, в сравнении которых авторы склонны к мнению об идентичности инструментов закрепления на своих территориях [Chen 2015; Duara 2006; Mitter 2000: 48; Li 2014: 345–346; Maruya 2012: 10, Noguchi, Boyns 2013]. Однако западные авторы забывают при этом упомянуть, что Общество КВЖД активно занималось развитием социальной инфраструктуры: строило города и поселки, возводило больницы, школы и высшие учебные заведения, проектировало мосты и порты, тогда как с именем управляющей ЮМЖД корпорации «Мантэцу» связаны куда более мрачные страницы истории региона: бескрайние маковые поля и опиумная катастрофа, опыты на человеке «Отряда 731» и т.д. Лишь некоторые элементы объективности и опоры на обширный источниковый и картографический материал можно найти на страницах трудов профессора Ёшихисы Так Мацусаки [Matsusaka 2010; Matsusaka 2012].

Таким образом, анализ англоязычного сегмента исследовательского поля позволяет констатировать наличие существенных противоречий и расхождений в оценках внутри иностранного (англоязычного) академического сообщества. Так, в ряде работ мы наблюдаем доминирование геополитической призмы, в результате чего Маньчжурия, как правило, рассматривается в качестве арены борьбы за влияние между Российской империей, Японией и другими державами. При этом вопросы контроля над ресурсами региона, в том числе водными, транспортной инфраструктурой и портами, ставятся во главу угла, заслоняя собой другие, не менее важные, например, санитарно-эпидемиологические. Несмотря на валидную методологию, авторам не удается избежать тенденциозности в отношении России, поскольку при даже беглом знакомстве с текстами в ряде

исследований прослеживается почти натужная склонность изображать Россию в негативном свете, как агрессора, одержимого экспансионистскими амбициями. Параллельно с этим прослеживается идеализация политики США и других западных держав и их образов, которые нередко предстают в качестве защитника интересов Китая, что, однако, входит в противоречие с отдельными историческими фактами. Нельзя не отметить и недостаточное внимание к социальной составляющей, когда вклад России в развитие социальной инфраструктуры региона, в частности строительство больниц, школ, высших учебных заведений, зачастую остается за рамками внимания западных исследователей, концентрирующихся преимущественно на политических и экономических аспектах. И наконец, наблюдается явная однобокость в освещении японо-российского противостояния, при котором авторы проводят параллели между инструментами закрепления влияния обеих держав, нивелируя при этом принципиальные различия в подходах и последствиях их деятельности. Таким образом, проведенный анализ англоязычного сегмента современной научной литературы заставляет нас констатировать наличие в содержании трудов упомянутых авторов отпечатка геополитических нарративов и идеологических установок, что, в свою очередь, приводит к искажению исторической реальности. Данное обстоятельство в очередной раз актуализирует необходимость критического подхода к анализу источников, а также важность учета всего многообразия факторов, определявших политику великих держав в Маньчжурии, включая и аспект «воды и власти», который, как видно из анализа, не может быть сведен исключительно к геополитическому противостоянию.

Русскоязычный сегмент исследовательского поля — конкуренция нарративов

Русскоязычная часть проанализированного научного материала, отобранного для настоящего исследования, также, при обилии тем, строящихся вокруг Маньчжурии и российского присутствия в регионе, темы водных ресурсов касается рефреном, однако проявляя гораздо большее разнообразие в сюжетах, чем англоязычный сегмент. Поэтому ее можно разделить на ряд блоков, в каждом из которых формируется отдельный нарративный контекст. Первый из них представляет собой геополитическое значение китайских незамерзающих портов, с целью доступа к которым строилась КВЖД и арендовывались территории, позднее перешедшие под японский контроль. В исторической перспективе значение водных путей и портов как инструментов политического и экономического влияния отчетливо прослеживается в исследованиях В.Г. Шароновой о деятельности российских дипломатов в Китае. Так, в работе о консуле А.Т. Бельченко и его пребывании в Инкоу подчеркивается, что Российская империя придавала особое значение приобретению недвижимости в этом портовом городе на реке Ляохэ, рассматривая его как ключевой пункт для продвижения своих интересов в регионе [Шаронова 2023: 443]. Контроль над Инкоу и связанной с ним железнодорожной инфраструктурой, как отмечает автор, стал ареной столкновения

геополитических амбиций различных держав, что иллюстрирует историческую взаимосвязь между властью над территорией и доступом к стратегически важным водным ресурсам и торговым путям. В другой статье В.Г. Шароновой подчеркивается, что в период Временного русского управления Инкоу особое внимание уделялось улучшению санитарного состояния города и развитию городской инфраструктуры, включая водные пути, что можно рассматривать как неотъемлемую часть усилий по укреплению геополитического влияния России в регионе через контроль ключевого портового города [Шаронова 2022: 396].

Второй блок работ концентрирует исследовательское внимание на военной стороне вопроса. Например, как показывает исследование Р.С. Авилова об экспедиции подполковника В.А. Орановского 1898–1899 гг. [Авилов 2018а: 26], уже в конце XIX в. российские военные экспедиции в Маньчжурии и Корее прямо указывали на необходимость «подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...», тем самым подчеркивая прямую связь контроля над водными путями и военно-стратегическим влиянием в регионе. Как отмечает автор, анализ отчета экспедиции В.А. Орановского позволяет заключить, что даже замерзшие реки играли роль важнейших транспортных путей, обеспечивая передвижение в сложном рельефе, что подчеркивает стратегическую значимость водных объектов как коридоров, даже в зимнее время [Авилов 2018а: 35]. В другой своей работе этот же исследователь подчеркивает стратегическое значение речных долин, таких как Туманная и Ялу, для военной логистики и обороны, демонстрируя историческую взаимосвязь между контролем водных путей и геополитической властью [Авилов 2018b: 44], отмечая вместе с тем, что река Амнокган (Ялу) являлась серьезным стратегическим препятствием, чья переправа, при условии обороны противоположного берега, представлялась «весьма трудной операцией», угадывая в водных объектах оборонительную роль государственных рубежей и стратегических барьеров в военно-политических расчетах [Авилов 2018b: 45]. В том же ключе в своей статье, посвященной Благовещенскому укрепрайону, А.Ю. Лохов подчеркивает значение реки Амур как серьезного естественного препятствия [Лохов 2023: 1]. Небезынтересной является и позиция авторов, исследующих конфликт на р. Халхин-Гол, 85-летие событий которого широко освещалось в общественно-научной жизни нашей страны в 2024 г. Здесь в качестве примера можно привести статью Н.В. Гордеева о русской эмиграции в Маньчжурии в контексте конфликта на Халхин-Голе, оговорившись сразу, что, хотя напрямую водная проблематика в ней не затрагивается, она демонстрирует исторический пример геополитического противостояния в регионе, где контроль над ресурсами, включая водные, являлся неявным фактором борьбы за власть и влияние [Гордеев 2014: 147–152]. В схожих идеях — подтекст работы Е.В. Яковкина, посвященной биографии русского эмигранта в Маньчжурии и его участию в военных конфликтах, при этом автор косвенно подчеркивает геополитическую значимость региона, контроль над которым, в свою очередь, подразумевает контроль над всеми ресурсами, включая водные [Яковкин 2023: 53–59]. И в развитие обозначенного направления в статье В.А. Земдиханова, посвященной проблемам транспортного обеспечения в боях у озера Хасан годом ранее,

можно увидеть, как природные водные условия, а именно проливные дожди, существенно повлияли на ход военного конфликта, обнажив уязвимость военной логистики и, как следствие, ограничив реализацию военно-политических целей, что подчеркивает значение контроля над водными ресурсами, пусть и в неожиданном ракурсе — как фактора, способного парализовать военную мощь противника [Земдиханов 2017: 60].

Торговые отношения как основа и российского, и любого иного иностранного в исследуемый период присутствия в Китае в русле обозначения водных ресурсов в качестве обеспечительной составляющей экономического доминирования непременно присутствуют на страницах отечественных исследователей. Так, в статье Ж.В. Петруниной и др. прямо говорится, что Желтугинская республика возникла в Северной Маньчжурии на реке Желтуге и ее возникновение стало возможным из-за недостаточного контроля российско-китайской границы, в частности реки Амур, что показывает, как расположение рек в Маньчжурии стало местом проникновения в регион и одним из инструментов обеспечения дальнейшего продвижения в его глубь [Петрунина 2021: 296]. Наконец, исследование торгового судоходства России на реке Сунгари в конце XIX — начале XX в. [Хамзин, Ганиев, Кочнев 2023: 756] показывает, что российское правительство рассматривало контроль над судоходством как инструмент для поддержания своего политического влияния в Северо-Восточном Китае, что является ярким примером использования водных путей в геополитических целях.

Наконец, водно-властный дискурс был бы неполным без позиции иностранных исследователей — представителей восточноазиатского академического сообщества, среди которых нашлись исследователи, публикующие свои труды на русском языке и потому оказавшиеся вписанными в предметное поле нашего исследования. Так, аспирант Университета Цинхуа Ван Тяньбао, исследуя историю КВЖД, не просто констатирует, что она возникла как результат «политики внешней экспансии царской России» [Ван Тяньбао 2023: 19], но фактически раскрывает, как имперская Россия использовала железнодорожное строительство в качестве инструмента гидрополитической стратегии для утверждения власти в Маньчжурии. Контроль над этой жизненно важной транспортной артерией, пересекающей реку Сунгари, не только обеспечивал доступ к ресурсам региона, включая водные, но и устанавливал стратегическое доминирование, характерное для эпохи «гидроимперий», где управление водными путями было неотделимо от политического влияния и территориального контроля. Опираясь на скрупулезное исследование Сунь Ичжи, лаборанта-исследователя Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, посвященное коммерческому агентству Уссурийской железной дороги в Шанхае, становится очевидным, как подчеркивает автор в аннотации к своей работе, что провал в создании прямого железнодорожно-водного сообщения между Шанхаем и Маньчжурией был обусловлен не столько техническими или экономическими сложностями, сколько глубоким межведомственным конфликтом, коренящимся в борьбе за власть и контроль, где «ведомственный патриотизм» оказался сильнее

общих государственных интересов, парализовав усилия по созданию эффективного «восточного направления» [Sun 2024: 156]. А в статье доктора исторических наук Ким Вон Су рассматривается конфликт между Россией и Японией из-за лесных концессий в районе реки Амноккан, что, как подчеркивает автор, стало не просто спором о ресурсах, но и олицетворением более широкого противостояния за власть в регионе, в котором контроль над водными ресурсами и прилегающими территориями реки Амноккан фактически превратился в арену борьбы за политическое влияние и стал одним из катализаторов Русско-японской войны [Ким Вон Су 2010: 79].

Водные ресурсы Маньчжурии — на страницах русскоязычных источников

В отличие от западной литературы русскоязычная, особенно исследуемой эпохи, богата цифрами, фактами, сводным и статистическим материалом, который демонстрирует глубокую погруженность лиц, дающих в той или иной содержательной канве описание Маньчжурии, в понимание ситуации в регионе.

Начать следует с источников, составителем которых является П.Н. Меньшиков, выпускник китайско-монгольского отделения Восточного института во Владивостоке, ставший позднее начальника Коммерческой службы КВЖД и опубликовавший серию ценнейших материалов по Маньчжурии и Внутренней Монголии. Среди них — двухтомник «Северная Маньчжурия», являющийся и по сей день ценнейшим источником по территориальной организации региона и водным ресурсам⁴. Работа содержит сведения о потенциальных возможностях российской стороны по расширению водной логистики путем доступа к другим, помимо Сунгари, рекам, об озерах и реках Маньчжурии и их рыболовных богатствах, об объемах грузоперевозок водным транспортом и соответствующих прогнозах, а также оценку экономического влияния водных ресурсов как на провинции, так и на уезды, по которым проходила КВЖД.

Автором другого ценного источника является Е.Е. Яшнов, служивший и временным органом власти «Белой России», и на КВЖД, считавшийся одним из ведущих экономистов по региону своей эпохи. В рамках раскрываемой темы нам интересен его труд «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии:

⁴ См.: *Меньшиков П.Н.* Северная Маньчжурия : с приложением карты всей Маньчжурии : отчет по командировке агентов Коммерческой Части Китайской Восточной жел. дор. П.Н. Меньшикова, П.Н. Смольникова и А.И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Том I : Гиринская провинция / Китайская Восточная железная дорога. Харбин: Издание Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги, 1916. XXII, 652 с.; *Меньшиков П.Н.* Северная Маньчжурия : с приложением карты всей Маньчжурии : отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги: П.Н. Меньшикова, П.Н. Смольникова и А.И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Том II : Хейлунцзянская провинция / Китайская Восточная железная дорога. Харбин : Издание Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги, 1918. XVIII, 646, IX с.

Экономический очерк»⁵, на страницах которого — оценки колониальной политики китайских властей и последствия прокладки КВЖД для Маньчжурии, описание рек и их экономический потенциал, влияние осадков и адаптация растений к климатическим условиям края. Работа богата фактологическим материалом, снабжена иллюстрациями, расчетами, таблицами и другим ценным материалом.

И наконец, труд первого военного министра правительства А.В. Колчака, крупнейшего картографа среди русской эмиграции, оставившего после себя коллекцию уникальных карт Монголии и Маньчжурии В.И. Сурина «Железные дороги в Маньчжурии и Китае: материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии»⁶, в котором он подробнейшим образом анализирует вопрос о водных путях сообщения, связывая его с общим строем китайского народного хозяйства. Работа также богата данными, но отличает ее подборка таблиц и карт, дополняющая информативный ряд возможностью его визуализации.

Выводы

Анализ русскоязычной и англоязычной современной академической литературы, так или иначе касающейся проблематики воды и власти в Маньчжурии в первой трети XX в., с подмогой русскоязычных источников и с акцентом на деятельность КВЖД и стратегическое присутствие России в регионе, позволил не только выявить различное понимание историко-политического контекста, но и продемонстрировать формирование конкурирующих, политически мотивированных нарративов. Русскоязычные авторы, погруженные в нюансы внутренней политики нашей страны относительно КВЖД и имевшие доступ к многочисленным архивным фондам, акцентировали экономическую значимость водных артерий и инфраструктурную роль железной дороги, имплицитно признавая ее колониальный аспект. В англоязычных исследованиях доминирует геополитическая призма, часто искажающая роль России и преувеличивающая позитивное влияние ее явных или потенциальных противников (Японии, США и др.).

Данные разночтения подчеркивают не только важность критического подхода к историческим источникам и учета их ангажированности, но и неоспоримую актуальность проблематики гидрополитики — самостоятельного направления политической науки, изучающей политические аспекты управления водными ресурсами. Маньчжурия начала XX в., с ее борьбой за контроль над ними в русле контроля над транспортными путями вообще, предстает как ранний пример формирования гидрополитического ландшафта под влиянием

⁵ Яшинов Е.Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии : экономический очерк / с предисловием Г.Н. Дикого; Экономическое бюро Китайской Восточной железной дороги. Харбин : Типография Китайской Восточной железной дороги, 1926. VIII, 525, [3] с., 1 л. карт.: ил., табл.

⁶ Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае : материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии / Экономическое бюро Китайской Восточной железной дороги; с предисловием М.Я. Михайлова. Харбин : Типография Китайской Восточной железной дороги, 1932. LVIII, 393, [3] с., 31 л. цв. карт.: табл., ж.-д. карт.

геополитического соперничества. Подобно современным спорам о контроле над островами и водными путями в Южно-Китайском море историческая ситуация в Маньчжурии демонстрирует, как политическая борьба за стратегически важные ресурсы, в том числе водные, неизбежно сопровождается и борьбой нарративов, легитимирующих те или иные геополитические амбиции. Понимание механизмов этой борьбы и политической силы нарративов имеет важное значение для осмысления современных геополитических процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где вопросы контроля над ресурсами, включая водные, остаются ключевыми элементами политической повестки.

Осознание российского исторического опыта в Маньчжурии, представленного в русскоязычных источниках, может стать ценным вкладом в российскую политологическую дискуссию о гидрополитических вызовах и позволить выработать более эффективные подходы к водной дипломатии и обеспечению водной безопасности в регионе. Перспективы дальнейших исследований лежат в углублении анализа исторической гидрополитики Маньчжурии, ее влияния на современные международные отношения и в необходимости критического осмысления гидрополитических нарративов для повышения политической осведомленности и предотвращения потенциальных конфликтов в будущем.

Поступила в редакцию / Received: 16.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 11.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список / References

- Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...»: экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Часть 1 // Известия Восточного института. 2018а. № 1 (37). С. 26–41. <http://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/26-41>; EDN: XNGHXV
- Avilov, R.S. (2018a). “To investigate in details the way from village Novokievskoye to Port-Arthur in Tumen and Yalu Valleys...”: The expedition of lieutenant colonel Vladimir A. Oranovskiy to Korea and Manchuria in 1898–1899. Part 1. *Oriental Institute journal*, (1), 26–41. (In Russian). <http://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/26-41>; EDN: XNGHXV
- Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...» Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Часть 3 // Известия Восточного института. 2018б. № 3 (39). С. 44–57 <http://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/44-57>; EDN: VMVJMF
- Avilov, R.S. (2018b). “To investigate in details the way from village Novokievskoye to Port-Arthur in Tumen and Yalu Valleys...” The expedition of lieutenant colonel Vladimir A. Oranovskiy to Korea and Manchuria in 1898–1899. Part 3. *Oriental Institute journal*, (3), 44–57. (In Russian). <http://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/44-57>; EDN: VMVJMF
- Ван Т. История и Охрана китайско-восточной железной дороги (КВЖД) (на примере Харбинского железнодорожного моста) // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность — XIII : материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Улан-Удэ, 20 мая 2020 г. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2020. С. 19–25.

- Van, Tianbao. (2020). History and preservation of the Chinese Eastern Railway (CER) (case study of the Harbin Railway Bridge). In *Asia-Pacific region: history and modernity — XIII: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference of Young Scientists Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War* (pp. 19–25). Ulan-Ude, Russia: Buryat State University named after Dorzhi Banzarov. (In Russian)
- Гордеев Н.В. Русские эмигранты Маньчжурии в вооруженном конфликте на Халхин-Голе // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии : материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол, Чита, 17–18 сентября 2014 г. СПб : СИНЭЛ, 2014. EDN: UKUIUL
- Gordeev, N.V. (2014). Manchuria's Russian emigrants in armed conflict on Khalkhin-Gol. In: M.V. Konstantinov (Ed.), *Border cooperation: historical events and modern realities: materials of the international scientific conference dedicated to the 75th Anniversary of the Victory of Soviet and Mongolian troops on the Khalkhin-Gol River, Chita, September 17–18* (pp. 147–152). St. Petersburg: SINEL. (In Russian) EDN: UKUIUL
- Дудин П.Н. Кто и как сегодня изучает русское присутствие на Южно-Маньчжурской железной дороге // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. № 4. С. 1329–1349. <http://doi.org/10.21638/spbu02.2022.416>; EDN: CMXMHZ
- Dudin, P.N. (2022). Who and how studies today the Russian presence on the South Manchurian railway. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 67(4), 1329–1349. (In Russian) <http://doi.org/10.21638/spbu02.2022.416>; EDN: CMXMHZ
- Земдикханов В.А. Проблемы организации службы транспорта в боях у озера Хасан 29 июля — 11 августа 1938 г. // Вестник ТГПУ. 2017. № 9. С. 59–65 <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-9-59-65>; EDN: ZGPXDR
- Zemdikhanov, V.A. (2017). Problems of the Transport Service Organization during the Battle of Lake Khasan, July 29 — August 11, 1938. *TSPU Bulletin*, 9, 59–65. (In Russian)
- Ким Вон Су. Российско-японское противостояние в Корее и Маньчжурии по вопросу о лесных концессиях в районе реки Амноккан в 1898–1903 гг. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 3 (52). С.76-79.
- Kim Von Su. (2010). The Russian-Japanese confrontation in Korea and Manchuria on the issue of forest concessions in the Amnokkan River area in 1898–1903. *Customs policy of Russia in the Far East*, 3(52), 76–79. (In Russian).
- Лохов А.Ю. Благовещенский укрепленный район // Военно-исторический журнал. 2023. № 5. С. 1–8.
- Lokhov, A.Iu. (2023). Blagoveshchensk fortified region. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, (5), 1–8. (In Russian).
- Пергамент М.Я. Новейший обмен мнений по вопросу об экстерриториальности в Китае. Харбин : Типография Китайской Восточной железной дороги, 1925.
- Pergament, M.Ya. (1925). *The latest exchange of views on the issue of extraterritoriality in China*. Harbin: Tipografiya Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi Publ. (In Russian).
- Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А., Громов Р.А. Желтугинский вопрос как отражение российско-китайского взаимодействия в конце XIX в. // Былые годы. 2021. № 16 (1). С. 296–306. <http://doi.org/10.13187/bg.2021.1.296>; EDN: OOLRI
- Petrulina, Z.V., Shusharina, G.A., & Gromov, R.A. (2021). Zheltuginsky issue as a reflection of the Russian-Chinese interaction at the end of 19th Century. *Bylye Gody*, 16(1), 296–306. (In Russian).
- Хамзин И.Р., Ганиев Р.Т., Кочнев А.В. Российское торговое судоходство в Маньчжурии в конце XIX — начале XX вв. // Былые годы. 2023. № 18 (2). С. 755–766. <http://doi.org/10.13187/bg.2023.2.755>; EDN: LYMBVJ

- Khamzin, I.R., Ganiev, R.T., & Kochnev, A.V. (2023). Russian merchant shipping in Manchuria in the late 19th — early 20th centuries. *Bylye Gody*, 18(2), 755–766. (In Russian) <http://doi.org/10.13187/bg.2023.2.755>; EDN: LYMBBJ
- Шаронова В.Г. Малоизвестные сведения о деятельности консула А.Т. Бельченко в Инкоу. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. № 3. С. 440–458 <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.301>; EDN: UBUDJR
- Sharonova, V.G. (2023). Little-known facts about the activities of consul A.T. Belchenko in Yingkou. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 15(3), 440–458. (In Russian) <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.302>; EDN: EINPJH
- Шаронова В.Г. Социокультурная деятельность Российского Императорского консульства в Инкоу (Китай) в период Временного русского управления (1900–1904 гг.). Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 12. № 3. С.396-414 <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.302>; EDN: EINPJH
- Sharonova, V.G. (2022). Socio-cultural activities of the Russian imperial consulate in Yingkou (China) during the period of Temporary Russian Administration (1900–1904). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 14(3), 396–414. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.302>; EDN: EINPJH
- Энгельфельд В.В. Юридическое положение иностранных концессий в Китае. Харбин : Типография «Заря», 1927.
- Engelfeld, V.V. (1927). *Juridical status of foreign concessions in China*. Harbin: Tipografiya «Zarya» Publ. (In Russian).
- Яковкин Е.В. К истории одной судьбы русского эмигранта. Николай Борисович Коссов — участник боев на Халхин-Голе // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 1 (29). С. 53–59.
- Iakovkin, E.V. (2023). To the story of one fate of a Russian emigrant. Nikolay Borisovich Kossov — participant of the battles on Halkhin-Gol. *Herald of Humanitarian Education*, (1), 53–59. (In Russian)
- Campbell, D. (2019). *Russian soldier vs Japanese soldier Manchuria 1904–05*. Oxford, UK: Osprey Publ.
- Chen, T.-Y. (2015). The South Manchurian Railway Company and the mining industry: The case of the Fushun coal mine. *East Asian History and Culture Review*. 4(2), 630–657.
- Duara, P. (2003). *Sovereignty and Authenticity: Manchukuo and the East Asian Modern*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield.
- Duara, P. (2006). The new imperialism and the post-colonial developmental state: Manchukuo in comparative perspective. *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. 4(1), 1–17.
- Elleman, B.A. (2002). *Wilson and China: A Revised History of the Shandong Question*. M.E. Sharpe. 227 p.
- Esselstrom, E. (2009). *Crossing Empire's Edge: Foreign Ministry Police and Japanese Expansionism in Northeast Asia*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Gamsa, M. (2020a). *Harbin: A Cross-Cultural Biography*. Toronto: University of Toronto Press. <http://doi.org/10.3138/9781487533755>
- Gamsa, M. (2020b). *Manchuria: A concise history*. London; New York: I.B. Tauris Publ. <http://doi.org/10.5040/9781788317917>
- Gottschang, Th.R., Lary D. (2000). *Swallows and settlers: The great migration from North China to Manchuria*. Ann Arbor: University of Michigan Center for Chinese Studies Publ. <http://doi.org/10.3998/mpub.22808>
- Hasegawa, Ts. (2005). *Racing the enemy: Stalin, Truman, and the surrender of Japan*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. <http://doi.org/10.4159/9780674038400>
- Kato, Y. (2007). What caused the Russo-Japanese War: Korea or Manchuria? *Social Science Japan Journal*. 10(1):95-103. <http://doi.org/10.1093/ssjj/jym033>; EDN: IWKOWD

- Kwong, Ch.M. (2017). *War and geopolitics in interwar Manchuria. Zhang Zuolin and the Fengtian Clique during the Northern Expedition*. Leiden — Boston: Brill Publ. <http://doi.org/10.1163/9789004340848>
- Li, J. (2014). Phantasmagoric Manchukuo: Documentaries produced by the South Manchurian Railway Company, 1932–1940. *Position: East Asia cultures critique*, 22(2), 329–369. <http://doi.org/10.1215/10679847-2413826>
- Maruya, A. (2012). *The South Manchuria Railway Company as an Intelligence Organization. A report of the Center for Strategic and International Studies (CSIS) Japan Chair*. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies Publ.
- Matsusaka, Yo.T. (2012). Imagining Manmō: Mapping the Russo-Japanese boundary agreements in Manchuria and Inner Mongolia, 1907–1915. *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*, 1(1), 172–204.
- Matsusaka, Yo.T. (2010). Japan's South Manchuria Railway Company in Northeast China, 1906–34. In: *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History* (pp. 37–58). Armonk; London: M.E. Sharpe Publ.
- Mitter, R. (2000). *The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance, and Collaboration in Modern China*. Berkeley: University of California Press.
- Mitter R. (2020). Shaped by conflict: New writing on China's wartime experience in the early twentieth century. *Twentieth-Century China*, 45(1), 113–118. <https://doi.org/10.1353/tcc.2020.0001> EDN: MKZXBJ
- Myers, R.H. (1989). Japanese imperialism in Manchuria: The South Manchuria Railway Company, 1906–1933. In: *The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937* (pp. 101–132). Princeton: Princeton University Press.
- Noguchi, M., & Boyns, T. (2013). The South Manchuria Railway Company and its interactions with the military: An accounting and financial history. *The Japanese Accounting Review*, 3, 61–101. <https://doi.org/10.11640/tjar.3.2013.03>
- O'Dwyer, E. (2015). *Significant soil: Settler colonialism and Japan's urban empire in Manchuria*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center. <https://doi.org/10.1163/9781684175529>
- Sun, Y. (2024). The Shanghai agency of Ussuri Railway and establishment of direct mixed railway-water communication between Shanghai and Manchuria (1923–1926). *Far Eastern Studies*, 5, 156–170. <https://doi.org/10.31857/S0131281224050113>; EDN: RTOGXH
- Wilson, S. (2002). *The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33*. London: Routledge.

Сведения об авторе:

Дудин Павел Николаевич — доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (e-mail: dudin2pavel@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-9407-8436)

About the author:

Pavel N. Dudin — Doctor of Science (In Historical, Sc.D), Doctor Habilitatus in Political Science (Dr. Habil), Doctor of Science (In Law, Sc.D), Docent, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: dudin2pavel@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-9407-8436)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-156-164

EDN: AGUHYQ

Научная статья / Research article

Стратегическое значение рек Беларуси в региональной гидрополитике: от Днепра до Немана

О.В. Жданович

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

✉ olga9920@gmail.com

Аннотация. Вода находится в центре внимания и играет важную роль во всех трех измерениях устойчивости — экологическом, экономическом и социально-политическом развитии. В исследовании рассматривается стратегическое значение водной системы Республики Беларусь. Геополитическая ситуация и использование водных ресурсов, особенно в условиях изменения климата, повышают важность устойчивой водохозяйственной политики и трансграничного сотрудничества. Пандемия COVID-19 и ее разрушительное воздействие на жизнедеятельность человека показало, насколько тесно связаны водная Повестка дня ООН на период до 2030 г. и ее Цели устойчивого развития 6 (ЦУР 6). Методология исследования базируется на анализе нормативно-правовых актов, международных соглашений, статистических показателей, а также методах индукции и дедукции. В статье затрагиваются актуальные вопросы гидрополитики Республики Беларусь, которые регламентируют трансграничное сотрудничество, влияние процессов изменения климата, катаклизмы и экологические угрозы, а также энергетическое использование водных ресурсов. К трансграничным потенциальным конфликтам может привести неравномерное использование водных ресурсов государствами, граничащими с Беларусью, сброс сточных вод и химических веществ, а также гидротехнические проекты.

Ключевые слова: гидрополитика, водные ресурсы, водная система, Цели устойчивого развития

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Жданович О.В. Стратегическое значение рек Беларуси в региональной гидрополитике: от Днепра до Немана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. №1. С. 156–164. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-156-164>

© Жданович О.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Strategic Importance of Belarussian Rivers in the Regional Hydropolitics: From the Dnieper to the Neman

Olga V. Zhdanovich

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

✉ olga9920@gmail.com

Abstract. Water is at the center of attention and plays an important role in all three dimensions of sustainability — environmental, economic and socio-political development. The article discusses the strategic importance of the water system of the Republic of Belarus. The geopolitical situation and use of water resources, especially in the context of climate change, increase the importance of sustainable water policies and transboundary cooperation. The COVID-19 pandemic and its devastating impact on human life have shown how closely linked the UN 2030 Water Agenda and its Sustainable Development Goal 6 (SDG 6). The research methodology is based on the analysis of normative legal acts, international agreements, statistical indicators, as well as methods of induction and deduction. The article deals with topical issues of the hydropolitics of the Republic of Belarus, which regulate cross-border cooperation, the impact of climate change processes, cataclysms and environmental threats, as well as the energy use of water resources. The uneven use of water resources by States bordering Belarus, the discharge of wastewater and chemicals, as well as hydraulic engineering projects can lead to potential transboundary conflicts.

Keywords: hydropolitics, water resources, water system, Sustainable Development Goals

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Zhdanovich, O.V. (2025). Strategic importance of Belarussian rivers in regional hydropolitics: From the Dnieper to the Neman. *RUDN Journal of Political Science*, 27(1), 156–164. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-1-156-164>

Введение

Политика управления водными ресурсами включена Организацией Объединенных Наций (ООН) в Повестку дня на период до 2030 г. в связи с Целью 6 устойчивого развития «Чистая вода и санитария». Это означает необходимость усилий каждой страны в достижении этой задачи. Цель настоящего исследования — изучение региональной гидрополитики и стратегического значения крупнейших рек Беларуси.

В современном динамично развивающемся мире существуют различные экологические, экономические и социально-политические факторы, которые приводят к уменьшению количества воды на душу населения. Быстрый демографический рост и индустриализация приводят к увеличению потребления воды и ее загрязнению, изменение климата также оказывает существенное влияние на распределение водных ресурсов трансграничных вод.

В Беларуси насчитывается около 20,8 тыс. рек с общей протяженностью около 90,6 тыс. км водотоков. Каждый бассейн трансграничной реки обладает

своей технической, социально-экономической, политической структурой и имеет большое значение для национальной безопасности, обеспечивая устойчивое управление и международное сотрудничество в области гидрополитики. Поскольку Беларусь разделяет крупные речные бассейны с государствами-соседями, например Россией, Украиной, Польшей, Литвой, могут возникать споры в вопросах неравномерного использования или недостаточной защиты от загрязнения вод.

Водные ресурсы Республики Беларусь

Вода является важным компонентом во всех аспектах повседневной жизни каждого человека, поэтому водные ресурсы стали предметом государственной и международной политики, поскольку предпринимаются усилия по управлению ими путем создания баланса между экономическими, экологическими и социально-политическими системами. Вода как природный возобновляемый ресурс, спрос на который является постоянным, жизненно важным и не может быть заменен ничем другим, стал фундаментальным вопросом прав человека [Данилов-Данильян 2006].

Под водными ресурсами понимают поверхностные и подземные воды, которые используются или могут быть использованы в хозяйственной и иной деятельности¹. Эффективное использование водных ресурсов потребовало разработки определенной водной политики для развитых и развивающихся стран, Беларусь не исключение.

Повестка водной проблематики была впервые включена в международный политический документ как один из 26 экологических принципов по итогам Конференции ООН по окружающей среде, состоявшейся в Стокгольме в 1972 г. Хельсинкская конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер², принятая в 1992 г., направлена на усиление национальных и международных действий по защите и экологически разумное управление трансграничными водными ресурсами. Республика Беларусь присоединилась к ней в 2003 г. В конвенции закреплено определение: «...трансграничные воды — это любые поверхностные или подземные воды, которые пересекают границы между двумя и более государствами или расположены на таких границах»³.

В Беларуси долгосрочная гидрополитика определяется национальной стратегией управления водными ресурсами в условиях изменения климата

¹ Водный кодекс Республики Беларусь : от 30 апр. 2014 г. : принят Палатой представителей 2 апр. 2014 г. : одобр. Советом Респ. 11 апр. 2014 г. : вступил в силу с 21 мая 2015 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 79 с. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1400149> (дата обращения: 07.11.2024).

² Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 07.11.2024).

³ Там же.

на период до 2030 года⁴. Национальная стратегия разработана в соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы⁵, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292, основывается на Конституции, законах, нормах международного права, Целях устойчивого развития, а также иных документах долгосрочного стратегического планирования.

К трансграничным поверхностным водам применяются нормы международного права, основным принципом которого является территориальный суверенитет соседних стран. Это означает, что каждое государство имеет фундаментальное право использовать ресурсы, расположенные на его территории, по своему усмотрению, не вмешиваясь в использование другого государства [Дубенок 2020].

Одной из ключевых целей водной политики Беларуси выступает эффективное трансграничное сотрудничество с рядом стран — членов Европейского союза, стран Восточного партнерства и Россией. Реки стратегического значения водосборных бассейнов текут в двух направлениях: Западная Двина, Неман и Западных Буг на северо-западе впадает в Балтийское море (45 % объема поверхностного стока); Днепр и Припять — на юго-восток устремляет свои воды к Черному морю (55 % объема поверхностного стока). На рис. 1 представлена общая протяженность рек и их протяженность по территории Беларуси (км) (рис. 1)⁶.

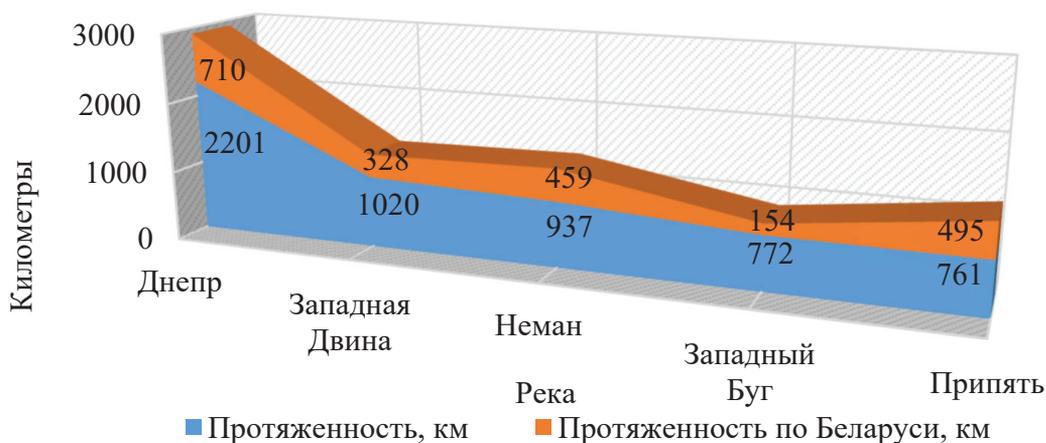

Рис. 1. Протяженность рек стратегического значения в Беларуси
 Источник: составлено автором на основе [Дубенок, Кулаков 2020].

⁴ Национальная стратегия управления водными ресурсами в условиях изменения климата на период до 2030 г. Минск, 2024. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22200091> (дата обращения: 07.11.2024).

⁵ Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. Минск, 2024. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 07.11.2024).

⁶ Самые длинные реки, протекающих по территории Республики Беларусь. Минск, 2024. URL: <https://rivers.by/reki> (дата обращения: 07.11.2024).

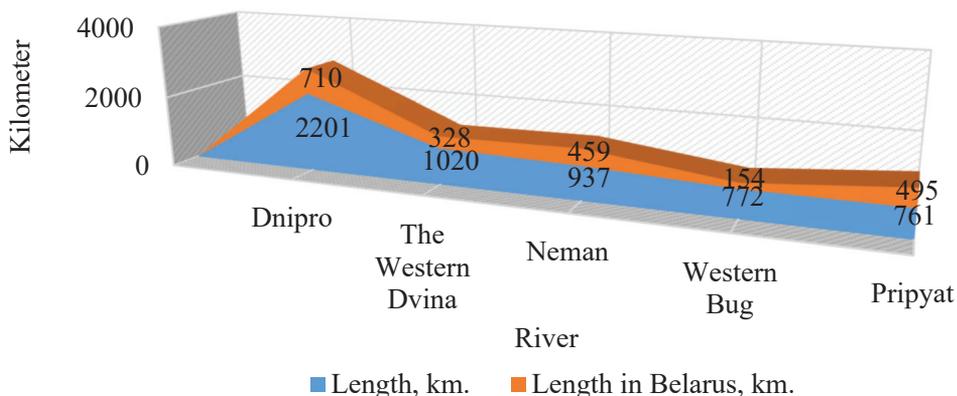

Figure 1. Length of rivers of strategic importance in Belarus

Source: compiled by the author [Dubenok, Kulakov 2020].

Сотрудничество посредством политического диалога, в том числе в форматах международных конференций и форумов, сопровождается разработкой конкретных инновационных соглашений и проектов. Например, бассейновое управление водными ресурсами реализуется путем разработки планов управления речными бассейнами. Данное положение закреплено в Водном кодексе Республики Беларусь, принятом в 2014 г. Так, бассейновые советы были созданы по управлению Днепром (самый большой бассейн) в 2016 г.; по управлению Западным Бугом (самый маленький бассейн на территории страны) в 2017 г.; по управлению Припятью (второй по величине бассейн после Днепра) в 2018 г. [Салтанов 2012]. До 2025 г. предусмотрена разработка планов по управлению Неманом и Западной Двиной. На рис. 2 представлены бассейны крупных рек с указанием их занимаемой площади на территории Беларуси.

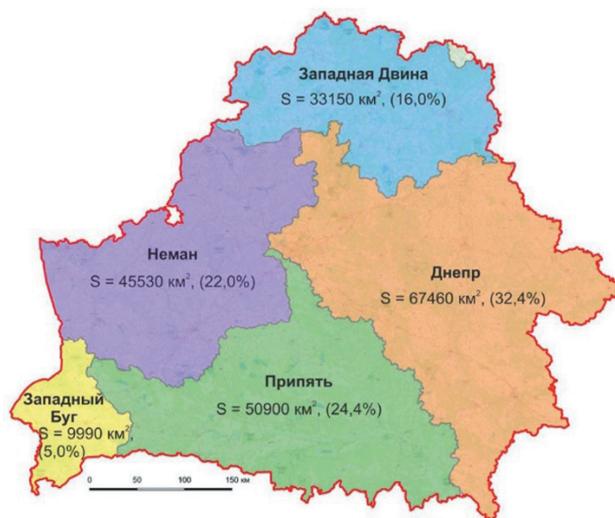

Рис. 2. Бассейны крупнейших рек Беларуси

Источник: составлено автором на основе [Дубенок, Кулаков 2020].

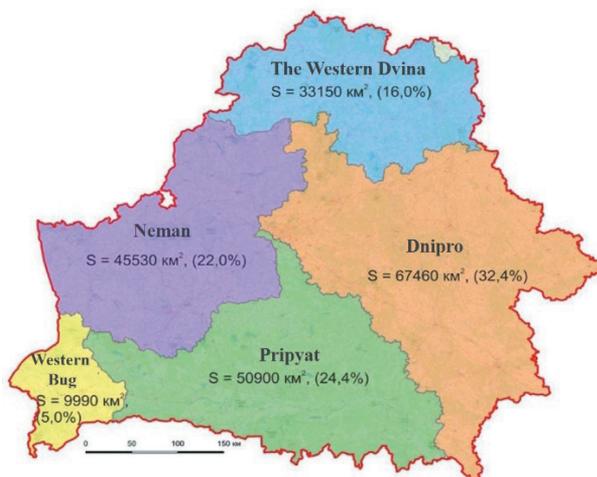

Figure 2. Basins of the largest rivers in Belarus

Source: compiled by the author [Dubenok, Kulakov 2020].

Климатические изменения и человеческая инженерия поставили новые задачи перед управлением и развитием водных ресурсов в бассейнах. Адаптация — это немедленная реакция на изменения, поэтому необходим тщательный мониторинг, так как даже небольшие изменения средних или экстремальных температур могут иметь серьезные последствия для доступности воды, наводнений и засух, сельского хозяйства, энергетических и транспортных систем, окружающей среды и даже для здоровья и безопасности. Снижение речного стока, деградация земель, сбросы загрязняющих веществ, повышенная вероятность засух и наводнений, а также рост заболеваемости относятся к числу потенциальных кризисов, с которыми сталкиваются отраслевые органы ежегодно [Кудельский 2017]. Национальные и международные правовые системы создали институциональные руководящие принципы, которые обеспечивают безопасное и эффективное распределение ресурсов в Беларуси.

По мере политического и экономического развития бассейнов рек страны власти стремятся проводить многосторонние переговоры для получения и использования прав на воду, поскольку процессы производства и потребления должны контролироваться таким образом, чтобы экономический водный цикл максимально соответствовал всеобъемлющему природному водному балансу.

Сотрудничество с сопредельными странами по вопросам трансграничных водных объектов ведется в разных направлениях, например:

- подписаны Технический протокол Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и Министерства окружающей среды Литовской Республики о сотрудничестве в области мониторинга и обмена информацией о состоянии трансграничных поверхностных вод (2008 г.);
- Межправительственное соглашение с Российской Федерацией о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов (2002 г.);

- Межправительственное соглашение с Украиной о совместном использовании и охране трансграничных вод (2001 г.);
- Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь ведется активная работа с Республикой Польша над текстом Соглашения в области охраны и использования трансграничных водных объектов (в 2017 г. состоялось три заседания совместной рабочей группы);
- в 2018 г. при поддержке ЕЭК ООН и проекта «Водная инициатива ЕС плюс для стран Восточного партнерства» состоялись встреча с латвийской и литовской стороной по налаживанию сотрудничества в области охраны и использования трансграничных водных объектов.

Стороны, пользующиеся одними и теми же трансграничными водами, обязаны сотрудничать и заключать конкретные соглашения.

Водные ресурсы Беларуси играют весьма ограниченную, но важную роль в энергетическом секторе. Одним из наиболее значительных преимуществ гидроэнергетики является то, что это один из наиболее эффективных вариантов получения энергии на планете. В Беларуси есть несколько гидроэлектростанций, в основном небольших, поскольку гидроэнергетический потенциал ограничен природными условиями, например, гидроэнергетический потенциал водотоков Беларуси — особенно в бассейнах рек Неман, Западная Двина и Днепр — достигает 850 МВт, из которых 520 МВт — технически доступный потенциал, включая 250 МВт — экономически целесообразный для использования. В Витебской области на реке Западная Двина действуют две крупнейшие в стране гидроэлектростанции (ГЭС): Витебская и Полоцкая, в совокупности генерирующие около 2/3 суммарной мощности гидроэлектростанций страны — 95,8 МВт⁷. Всего в стране 52 гидроэлектростанции. Однако строительство водной инфраструктуры сопряжено с экологическими рисками, такими как изменение ландшафта, нарушение биоразнообразия и разрушение экосистем⁸. В целях минимизации негативного воздействия гидроэнергетики на экосистемы Беларусь принимает меры по оценке воздействия на окружающую среду, соблюдению экологических стандартов и использованию инновационных технологий, снижающих воздействие на окружающую среду [Юргенсон 2015].

Водные ресурсы Беларуси находятся под сильным влиянием деятельности человека, такой как сельское хозяйство, промышленность и коммунальные сточные воды, а также использование удобрений и пестицидов в сельском хозяйстве приводит к эутрофикации водоемов и загрязнению грунтовых вод. Для решения актуальных проблем Беларусь проводит комплексную экологическую политику по очистке и охране водных ресурсов, включая введение более строгих стандартов очистки сточных вод и создание заповедных зон.

⁷ Министерство энергетики Республики Беларусь : официальный сайт. URL: <https://minenergo.gov.by/> (дата обращения: 07.11.2024).

⁸ Ежегодный отчет ООН по водным ресурсам за 2023 г. URL: <https://www.unwater.org/publications/un-water-annual-report-2023> (дата обращения: 07.11.2024).

Заключение

В XXI в. общемировые запасы пресной воды сталкиваются с истощением. Изменение климата приводит к повышению уровня моря и изменению границ. Демографический рост населения истощает глобальные ресурсы, а крайний национализм подвергает испытанию международные отношения. В то же время ожидается, что мировой спрос на воду вырастет на 55 % с 2000 по 2050 г. В течение следующего столетия воду можно сравнить с «новой нефтью», подчеркивая ее ценность как глобального ресурса.

Несмотря на обилие водных ресурсов в Беларуси, их распределение по территории страны неравномерно, и они уязвимы в связи с изменением климата и угрозами, обусловленными антропогенной деятельностью.

Вода является важным ресурсом для социального и экономического развития из-за ее роли в поддержании жизни на всех уровнях, от существования отдельного человека до политики государства.

В Республике Беларусь вода может стать инструментом мирного диалога на всех уровнях управления:

- на уровне общества: вода может объединить различных водопользователей или «правообладателей»;
- на национальном уровне: необходимость сотрудничества между различными секторами водопользования может стать отправной точкой для координации интересов;
- на трансграничном уровне: сотрудничество и «гидродипломатия» по общим водным ресурсам могут стать отправной точкой для общения и более широкого сотрудничества с сопредельными государствами.

Резюмируя, следует отметить, что в Беларуси разрабатываются адаптационные стратегии по водной политике и сотрудничеству, включающие меры по рациональному водосбережению и использованию, оптимизации и управлению водными ресурсами во время засухи и внедрение инновационных методов экономии воды в сельском хозяйстве и промышленности. Совместное использование воды, которую можно считать наиболее важным природным ресурсом в бассейнах, и экологические проблемы, возникающие в бассейне, касаются всех стран, имеющих трансграничные воды.

Поступила в редакцию / Received: 00.00.0000

Доработана после рецензирования / Revised: 00.00.0000

Принята к публикации / Accepted: 00.00.0000

Библиографический список

- Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Потребление воды. Москва : Наука, 2006. EDN: QRCDR
- Дубенок С.А., Кулаков А.Ю. Имплементация показателей Целей устойчивого развития, связанных с водой : опыт Республики Беларусь. Минск : Четыре четверти, 2020.
- Кудельский А.В. История воды: происхождение, возраст, эволюция состава. Минск : Беларус. навука, 2017.

Салтанов Ю.М., Портная Т.В. Комплексное использование и охрана водных ресурсов. Горки : Белорус. гос. с.-х. акад., 2012.

Юргенсон Н.А., Шушкова Е.В., Шляхтич Е.А. Особенности формирования национальной экологической сети в Беларуси // Природные ресурсы. 2015. № 2. С. 99–106.

References

Danilov-Danilyan, V.I., & Losev, K.S. (2006). *Water consumption: Environmental, economic, social and political aspects*. Moscow: Nauka. (In Russian). EDN: QRCODR

Dubenok, S.A., & Kulakov, A.Yu. (2020). *Implementation of indicators of the Sustainable Development Goals related to water: Experience of the Republic of Belarus*. Minsk: Four Quarters. (In Russian).

Kudelsky, A.V. (2017). *History of water: Origin, age, evolution of composition*. Minsk: Belarus. Navuka. (In Russian).

Saltanov, Yu.M., & Portnaya, T.V. (2012). *Integrated use and protection of water resources*. Gorki: Belarusian State Agricultural Academy. (In Russian).

Yurgenson, N.A., Shushkova, E.V., & Shlyakhtich, E.A. (2015). Features of the formation of the national ecological network in Belarus. *Natural resources*, (2), 99–106. (In Russian).

Сведения об авторе:

Жданович Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры евразийских исследований факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (e-mail: olga9920@gmail.com) (ORCID: 0009-0000-2163-8095)

About the author:

Olga V. Zhdanovich — Senior Lecturer of the Department of Eurasian Studies, Faculty of International Relations, Belarusian State University (e-mail: olga9920@gmail.com) (ORCID: 0009-0000-2163-8095)